

СЕМИНАР В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
 ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРЕСТИЖНАЯ ЭКОНОМИКА ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ

ПРЕСТИЖНАЯ ЭКОНОМИКА ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
 PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY PRESS

ISBN: 978-5-8021-3990-5
 9 785802 139905

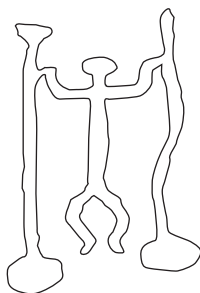

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Серия «Семинар в Научной библиотеке ПетрГУ»

Престижная экономика первобытных людей

Сборник статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2022

УДК 903
ББК 63.4
П735

**Рекомендован к печати
методическим советом Научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»**

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета*

Рецензенты:

К. Э. Герман, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории — обособленного подразделения ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», канд. ист. наук;

Т. А. Васильева, научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории — обособленного подразделения ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук», канд. ист. наук

Составители:

А. М. Жульников, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ, канд. ист. наук;

М. П. Отливанчик, директор Научной библиотеки ПетрГУ;

Е. В. Свищерская, заместитель директора Научной библиотеки ПетрГУ

П735 Престижная экономика первобытных людей : сб. ст. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т ; сост.: А. М. Жульников, М. П. Отливанчик, Е. В. Свищерская. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2022. — 186, [4] с. : ил. — (Семинар в Научной библиотеке ПетрГУ).

ISBN 978-5-8021-3990-5

В настоящем сборнике публикуются статьи, составленные на основе докладов участников межрегионального научного семинара «Престижная экономика первобытных людей», проведенного в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета 23 ноября 2021 года. Публикуемые в сборнике материалы рассматриваются авторами статей в контексте становления престижной экономики у древних охотников и рыболовов Северной Европы.

Материалы сборника представляют интерес для археологов, историков и широкого круга читателей, интересующихся историей первобытного общества.

УДК 903
ББК 63.4

ISBN 978-5-8021-3990-5

© Жульников А. М., Отливанчик М. П., Свищерская Е. В., сост., 2022
© Петрозаводский государственный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
© Жульников А. М.	
Прибалтийские янтарные украшения с энеолитических памятников Карелии	11
© Мельников И. В.	
О могильнике с янтарными и сланцевыми украшениями на острове Букольников в Заонежье	26
© Недомолкина Н. Г.	
Янтарные украшения эпохи камня с археологических памятников Вологодской области	41
© Иванищева М. В.	
Поселение Тудозеро V и могильник Тудозеро VI в Южном Прионежье.	57
© Гусенцова Т. М.	
Янтарные украшения эпох неолита — раннего металла с памятников Охта 1 (Санкт-Петербург), Подолье 1, Подолье 3 (Южное Приладожье)	71
© Герасимов Д. В., Жульников А. М., Холкина М. А.	
О назначении асбеста при изготовлении керамики в неолите — энеолите Восточной Фенноскандии.	84
© Холкина М. А., Жульников А. М., Муравьев Р. И.	
Экспериментальное моделирование сосудов с примесью асбеста и органики	98
© Тарасов А. Ю.	
Индустрия рубящих орудий русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: особенности производства и распространения	111
© Муравьев Р. И.	
Сланцевые наконечники метательного вооружения поселения-мастерской Берёзово 2 на Карельском перешейке	140
© Мурашкин А. И.	
Обработка и использование металла в позднем неолите и эпоху бронзы на Кольском Севере.	155
© Слюсарь Е. В.	
Престижная экономика в первобытном обществе: библиографический обзор.	176

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В 2021 году археологическая экспедиция Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) под руководством А. М. Жульникова, доцента кафедры отечественной истории, политических и социальных наук ПетрГУ, кандидата исторических наук, в ходе исследований древних стоянок меднокаменного века (энеолита), расположенных на западном берегу Онежского озера в районе села Деревянное, обнаружила уникальное энеолитическое погребение с множеством янтарных украшений и кремневых изделий. Древних захоронений с подобным огромным количеством изделий из «солнечного камня» ранее в Карелии не находили. Открытие, сделанное экспедицией ПетрГУ, стало поводом для научной дискуссии об особенностях процесса становления у древних людей, которые жили в неолите — энеолите на территории Северной Европы, так называемой «престижной первобытной экономики». В это время происходило изготовление украшений и особо ценных орудий для поддержания высокого социального статуса.

В ноябре 2021 года в читальном зале Научной библиотеки ПетрГУ состоялся межрегиональный археологический семинар **«Престижная экономика первобытных людей»**, организованный ПетрГУ и Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [по итогам проекта Российского научного фонда (РНФ) «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов»]. С докладами и сообщениями на семинаре выступили ученые-археологи ПетрГУ, Карельского научного центра РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории материальной культуры РАН, музея-заповедника «Кижы», Вологодского государственного музея-заповедника и других научных учреждений России. В докладах участников семинара были представлены новые

данные об обмене янтарем на Севере Европы, о погребениях с янтарными и сланцевыми украшениями в Заонежье и Прионежье, о феномене асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы, об итогах экспериментального изучения асбестовой керамики, об индустрии рубящих орудий русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе, о сланцевых наконечниках, об изделиях из меди и бронзы в контексте становления престижной экономики.

Как отмечает известный российский историк и этнолог Ю. И. Семенов, социальное явление, сравнительно недавно получившее в науке наименование «престижная экономика», возникло в разных регионах мира на довольно поздней стадии развития первобытного общества. На протяжении почти всей истории человечества, вплоть до появления возможности получать избыточный продукт, обмен между людьми носил спорадический характер. Такой избыточный продукт на первых порах не мог накапливаться у отдельных членов общины, так как этому препятствовал освященный многотысячелетней традицией общественный характер распределения произведенных продуктов и вещей. Выходом из данной ситуации, препятствующей развитию производительных сил, стал обмен ценностями, которые предоставляли человеку или связанной с ним общине не материальные блага, а **престиж**. Чем более обширными связями и почетом обладали представители первобытной общины, тем прочнее была у первобытного коллектива основа для выживания, например, при вражеском нападении или необходимости мобилизовать ресурсы в морском промысле. Если первобытный человек получал «дорогой» дар, это повышало его статус, являлось показателем, что его высоко ценят. По мнению известного французского социолога М. Мооса, «великая гордость человека состояла в этот момент в том, чтобы выставить на всеобщий показ предметы, полученные в дар». Подобного рода обмен этнологи иногда именуют церемониальным¹. Кроме того, во время совершения ритуальных межобщинных празднеств и сопровождающего их церемониального обмена

¹ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие. М. : Московский физико-технический институт, 1998. С. 81—98.

старая вражда забывалась, и конфликтующие племена вступали в разного рода контакты и образовывали альянсы. Благодаря взаимобмену подарками, сообщества людей, бывшие прежде «чужими», становились друг для друга «своими» и могли легче выживать в различных кризисных ситуациях. Недаром в некоторых языках слова «обмен» и «торговля» означают также «мир».

Как известно, прогресс в развитии обмена и зарождение престижной экономики связаны с появлением в южных регионах мира примерно 10—12 тыс. лет тому назад производящего хозяйства — скотоводства и земледелия. Экономика первобытного общества на этой стадии как бы раздваивалась: на престижную и жизнеобеспечивающую. Результатом складывания престижной экономики было своеобразное разделение труда между племенами, которое не связано с различием природных ресурсов, а имело во многом социальное происхождение. Возникла традиция изготавливать некоторые особые вещи в одних местах, другие — в других. Вещи, предназначенные для престижного обмена, распространялись на значительные расстояния, так как обычно не задерживались у владельцев. Археологам такие изделия обычно достаются в виде кладов или в качестве погребального инвентаря.

Однако и охотничье-рыболовческий (присваивающий) тип хозяйства в некоторых частях мира на определенном этапе первобытной истории позволил получать избыток ценностей, которые могли быть использованы для обмена и накопления. Речь идет о регионах, где была возможность для получения в значительных масштабах продуктов рыболовства и морских промыслов. В таких местах, как, например, у индейцев Калифорнии, возникла письменность (узелковое письмо), интенсивно шли процессы классовообразования.

Археологические данные свидетельствуют, что и в некоторых регионах Северной Европы в конце неолита — энеолите также наблюдалась резкая интенсификация процессов обмена, социального взаимодействия. Здесь выявлены огромные стоянки-мастерские, свидетельствующие о массовом производстве ряда видов изделий, предназначенных явно не для собственного потребления. В неолите — энеолите на берегах Белого моря и Онежского озера, где в это время еще господствовала

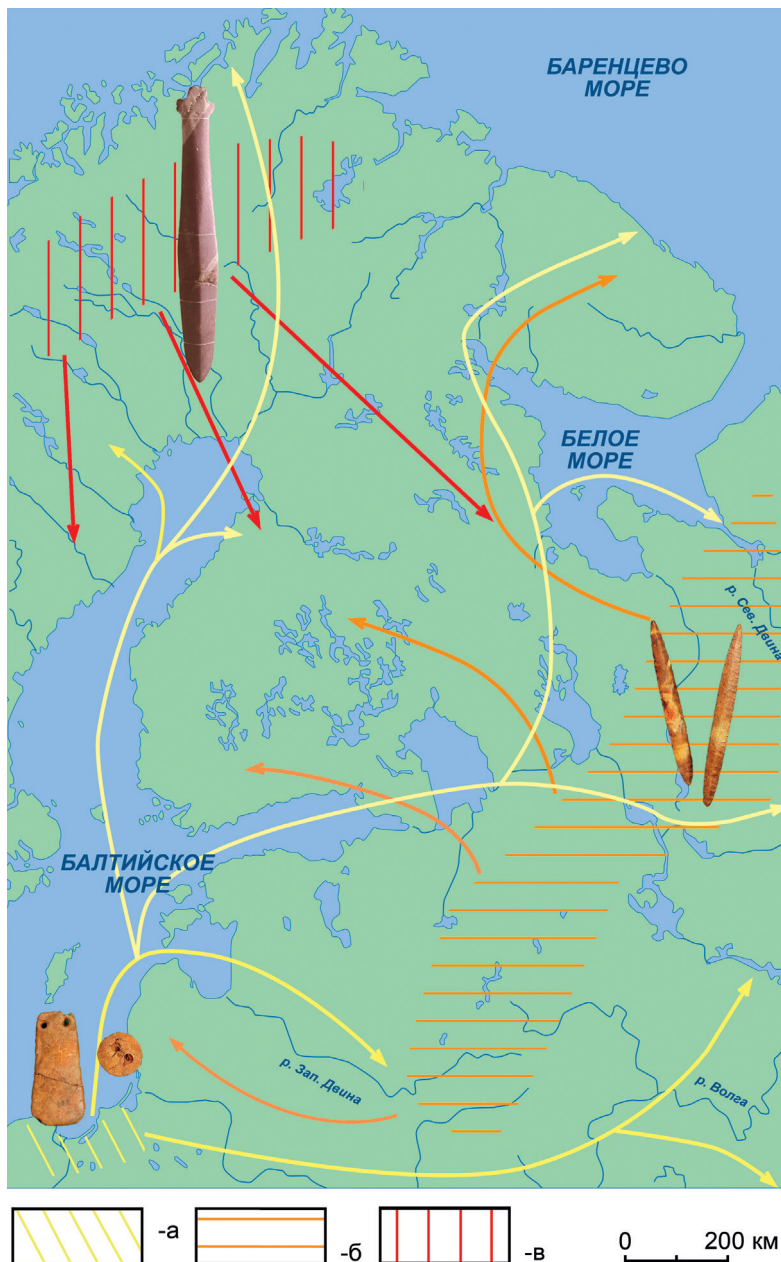

Рис. 1. Направления путей обмена янтарными украшениями, изделиями из кремня и красного шифера на Севере Европы в IV—III тыс. до н. э.: а — месторождения янтаря, б — выходы кремня в каменноугольных известняках, в — выходы красного шифера (автор-составитель карты А. М. Жульников)

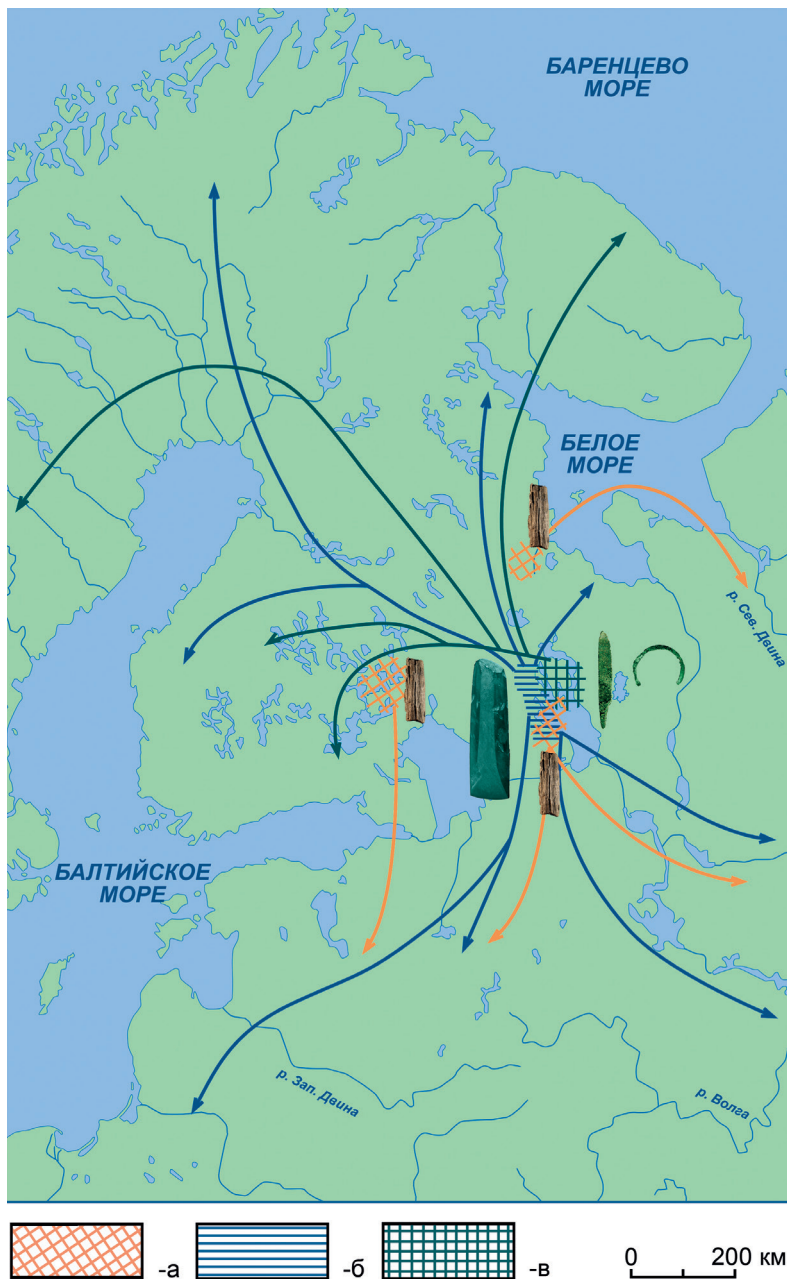

Рис. 2. Распространение асбеста и изделий из заонежской меди, рубящих орудий русско-карельского типа из сланца и метатуфа на Севере Европы в IV—III тыс. до н. э. (автор-составитель карты А. М. Жульников)

присваивающая экономика, возникали петроглифические святилища, на которых могли проводиться межплеменные ритуалы и празднества. Некоторые нео-энеолитические мужские погребения в могильниках лесной полосы Европы выделяются наличием богатого инвентаря, произведенного за сотни, иногда за тысячи километров от места захоронения. Имеющаяся совокупность фактов свидетельствует о сложении в неолите — энеолите на территории лесной полосы Европы так называемой «престижной экономики», при которой возникало производство ценностей, предназначенных для церемониального обмена между сообществами людей и их представителями. В качестве ценностей в церемониальном обмене древние жители Северной Европы использовали украшения из редко встречающихся в природе материалов (медь, янтарь), экзотические минералы (асбест, кристаллы кварца), орудия, для производства которых требовались особые навыки и мастерство (кремневые, лидитовые, сланцевые наконечники стрел и копий, кинжалы из красного шифера, сосуды с примесью асбеста, каменные рубящие орудия). Среди изделий, которые производились на территории Карелии в качестве продукта, предназначенного для церемониального обмена (на «экспорт»), особую роль занимают украшения и орудия из самородной меди Заонежья, рубящие орудия русско-карельского типа из метатуфа и сланца, центром производства которых было западное побережье Онежского озера, волокнистый огнестойкий минерал асбест и асбестовая керамика (рис. 1). «Импортными» престижными изделиями для древних жителей региона являлись удлиненные кремневые наконечники стрел с низовья Северной Двины, изделия из красного шифера с территории Северной Швеции, янтарные украшения с юго-восточного побережья Балтийского моря (рис. 2).

Представляемый вашему вниманию сборник составлен на основе докладов научного семинара, проведенного в Научной библиотеке ПетрГУ. Статьи, публикуемые в сборнике, презентуют древние артефакты, связанные с феноменом престижной экономики в первобытном обществе. Доклады в сборнике размещены по тематическому признаку.

Жульников Александр Михайлович,

доцент кафедры отечественной истории

Института истории, политических и социальных наук

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,

кандидат исторических наук, г. Петрозаводск

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ЯНТАРНЫЕ УКРАШЕНИЯ С ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАРЕЛИИ

Прибалтийские янтарные украшения известны на многих древних памятниках лесной полосы Восточной Европы — вплоть до Кольского полуострова [Гурина, 1997, с. 124], Северного Приуралья [Карманов, 2020] и Прикамья [Бадер, 1961, с. 175]. Имеются три основных точки зрения, объясняющие появление янтарных украшений далеко за пределами территории Юго-Восточной Прибалтики. По мнению большинства исследователей, широкое распространение на Севере Европы янтарных изделий обусловлено развитием процессов обмена или их интенсификацией в конце эпохи неолита в обществах охотников и рыболовов. Другое предположение было высказано Е. Л. Костылевой и А. В. Уткиным, которые полагают, что энеолитические могильники с янтарными украшениями на территории Верхнего Поволжья оставлены мужской частью мигрировавшего из Юго-Восточной Прибалтики древнего населения [Костылева, Уткин, 2000]. Третья точка зрения представлена в работе финского исследователя Ю. Вуоринена, который обратил внимание на то, что большая часть янтарных предметов, найденных за пределами Прибалтики, встречена в могильниках [Вуоринен, 1984]. Этот факт позволил исследователю сделать предположение, что распространение янтаря связано с так называемым «церемониальным обменом». Подобный обмен ведется престижными или ценными вещами и предполагает, что их большая часть не остается у владельца, а дарится снова. Влияние отдаленности той или иной территории от источника товара, судя по данным этнографии, сказывается слабо (до определенного предела). При археологических исследованиях большая часть изделий, полученных путем церемониального обмена, обнаруживается

в могилах. Для сравнения — при обмене сырьем или бытовыми предметами количество продукта обмена резко уменьшается за пределами контактной территории [Вуоринен, 1984, с. 55]. В целях изучения причин и механизма столь массового распространения янтаря в лесной полосе Европы автором данной статьи ранее была предпринята попытка выявить пространственно-хронологическую динамику этого явления [Жульников, 2008]. Полученные материалы были сопоставлены с данными по распространению на Севере Европы типов керамики, с динамикой поступления на территорию Карелии кремневых и сланцевых изделий, некоторых видов сырья. Имеющиеся сведения по динамике распространения янтарных украшений, их нахождение преимущественно в погребениях, распространение янтарных украшений во многом в родственной культурной среде полностью соответствуют признакам церимониального обмена престижными вещами [Жульников, 2008]. Существенно, что обмен дарами между представителями общин ведется, в основном, не с целью их накопления, а направлен, в первую очередь, на укрепление и поддержание социальных связей между отдельными группировками людей. Как отмечает В. Р. Кабо, одной из важнейших функций обмена в первобытном обществе является регулирование общественных отношений. Обмен является одновременно выражением и стимулятором родственных и дружеских связей, помогает улаживать конфликты. В некоторых восточноафриканских языках слова «торговля» и «обмен» означают также «мир» [Кабо, 1972, с. 4]. К престижным изделиям, распространявшимся в позднем неолите — энеолите в некоторых регионах Северной Европы, следует, помимо янтарных украшений, отнести полированные каменные рубящие орудия русско-карельского типа, медные украшения, сланцевые кольца, боевые топоры и их имитации, асбест, некоторые явно неутилитарные типы кремневых наконечников стрел (типа обнаруженных в погребальном сооружении на стоянке Залавруга II [Савватеев, 1970, рис. 88] (рис. 1: 1) или в одиночной могиле на поселении Ильинский Остров [Жульников, 2007]). Расширение в энеолите масштабов обмена престижными вещами во многом было обусловлено возрастанием роли социального взаимодействия в адаптационных стратегиях охотников и рыболовов лесной полосы

Европы. В эпоху энеолита начинается массовое и устойчивое распространение отдельных видов престижных и ценных изделий и их накопление отдельными представителями общин охотников и рыболовов, что свидетельствует об определенных социальных изменениях в структуре коллективов древнего населения Севера Европы [Жульников, 2008, с. 144]. В то же время остается открытым вопрос о том, носил ли обмен янтарем только поэтапный характер (в виде последовательной цепочки обменов между общинами) или некоторые группы древнего нео-энеолитического населения Северной Европы периодически осуществляли дальние экспедиции, подобные торговым походам южноамериканских аборигенов [Александренков, 1996, с. 124]? Неустановленными остаются и причины появления за пределами Восточной Прибалтики некоторых типов янтарных изделий, не известных на стоянках-мастерских, расположенных неподалеку от залежей янтаря в районе Куршской косы Балтийского моря (украшения в виде лапок птиц, подвески в виде головы человека, трапециевидные утолщенные подвески с двумя отверстиями и т. д.). И. А. Лозе высказала предположение, что в основе обмена янтарем на Севере Европы лежало сырье, а не готовые предметы [Лозе,

Рис. 1. Кремневые наконечники стрел (1), янтарные пуговицы-нашивки с V-образным сверлением (2), трапециевидные подвески (3) из погребения на стоянке Залавруга II

1985, с. 73—75]. Противоречит этому выводу тот факт, что пока за пределами Юго-Восточной Прибалтики не обнаружено памятников, где имелись бы признаки первичной обработки янтаря (отщепы, куски сырья и т. п.). Неясно, поступали ли восточно-прибалтийские украшения в виде отдельных предметов или в виде наборов, включающих группы разнотипных видов изделий. Новые данные, полученные в последние два десятилетия в ходе исследований энеолитических стоянок и могильников с янтарными украшениями на территории Карелии, позволяют отчасти дать ответы на поставленные вопросы, а также уточнить наши представления о динамике поступления прибалтийских украшений на территорию Карелии и сопредельных регионов в IV—III тыс. до н. э.

Находки янтарных украшений на территории Карелии

На данный момент на 38 стоянках и в четырех могильниках или одиночных погребениях, расположенных на территории Карелии, обнаружено 369 янтарных украшений (рис. 2). На поселениях было найдено 144 изделия из янтаря, остальные украшения происходят из погребений. Два могильника (Путкинская I [Жульников, 1999, рис. 68] и Букольников 1 (см. статью И. В. Мельникова в настоящем сборнике)), где найдено 17 янтарных украшений, относятся к кругу памятников с ромбо-ямочной керамикой, датируемых по радиоуглеродным определениям первой половиной IV тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021, с. 26]. На трех стоянках (Деревянное I, Бесовы Следки (Святилище) и Чёрная Губа IX) обнаружено четыре янтарных украшения (пронизка, две подвески с двумя (?) отверстиями [Витенкова, 2002, рис. 50], утолщенная асимметричная подвеска [Равдоникас, 1038, рис. 15]), которые могут быть связаны с комплексами ромбо-ямочной керамики.

О заметном увеличении притока янтаря на территорию Карелии начиная с третьей четверти IV тыс. до н. э. свидетельствуют материалы энеолитических стоянок с асбестовой и пористой керамикой типов Войнаволоок, Залавруга и ранней фазы развития типа Оровнаволоок, датируемых второй половиной IV — первой четвертью III тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021, с. 26]. На 18 памятниках с чистыми комплексами подобной посуды обнаружено 83 украшения. Большую их часть

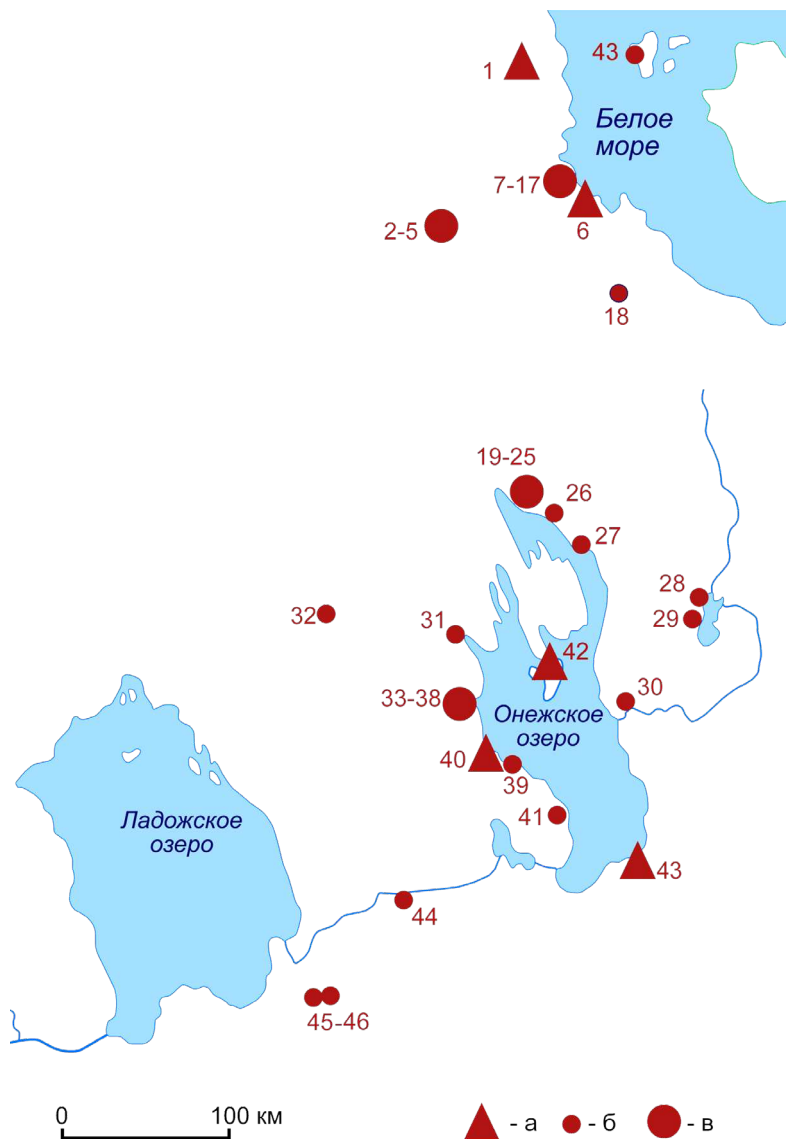

Рис. 2. Карта находок янтарных украшений на территории Карелии и сопредельных территориях: а — могильники с янтарными украшениями, б — стоянка с находками янтарных украшений, в — группа стоянок с находками янтарных украшений; 1 — могила на стоянке Путькинская I, 2–5 — стоянки Тунгуда III, XV, XVII, Берёзово XVIII, 6 — могила на стоянке Залавруга II, 7–17 — стоянки Залавруга I, Золотец I, VI, VII, X, XI, Залавруга IV, Святилище, Бесовы Следки III, Порог Шойрукша, Остров Шойрукша, 18–39 — стоянки Сумозеро XV, Войнаволоок VI, XXIV, XXV, XXXVII, XXXVIII, XLII, Кочнаволоок II, Чёрная Губа IX, Чёлмужская Коса XXI, Келка I, Охтома II, Первомайская I, Сунская Ia, Лахта II, Соломенное V, Пески IVa, Верховье IV, Фофаново VIII, XIII, XIV, Деревяннное I, 40 — могила на стоянке Деревяннное XI, 41 — стоянка Розмега II, 42 — могильник Букольников 1, 43 — могильник Тудозеро VI, стоянки Нежезма, Усть-Рыбежна I, II

составляют симметричные и асимметричные подвески, включая их обломки (66 экз.). Кроме того, найдено 14 округлых пуговиц-нашивок с V-образным сверлением, не встречающихся на более ранних памятниках Карелии, две цилиндрические пронизи, один диск. Два погребения с янтарными предметами (Залавруга I [Савватеев, 1977] (см. рис. 1: 2, 3) и Деревянное XI), где найдено 208 украшений, относятся к ранней стадии керамики типа Оровнаволок.

На восьми стоянках с чистыми комплексами поздней фазы развития типа Оровнаволок и типа Палайгуба (вторая четверть III — начало II тыс. до н. э.) собрано 17 украшений: три цилиндрические пронизи, две округлые пуговицы-нашивки с V-образным сверлением, четыре асимметричные подвески, одна трапецевидная подвеска, четыре обломка подвесок, обломки от одного неопределимого изделия. Отметим появление на стоянках с этими типами позднеэнеолитической керамики новых, неизвестных ранее на территории Карелии типов украшений: прямоугольная пуговица-нашивка с V-образным сверлением и прямоугольная нашивка с несколькими V-образными сверлениями [Жульников, 1999, рис. 69: 16, 22].

Особый интерес для изучения процессов обмена янтарными украшениями на Севере Европы имеют материалы погребения, обнаруженного экспедицией Петрозаводского университета в 2021 году на стоянке Деревянное XI. В ходе обследования энеолитического поселения, в шурфе площадью 13,5 кв. м, на глубине около 0,8–0,9 м от поверхности, была обнаружена охристая могильная линза (рис. 3) с многочисленными янтарными украшениями и иными изделиями. Длина погребения, вытянутого в направлении юг — север, составила 157 см, ширина у его южного края — 47 см, в центральной части — 60 см. Местами вдоль края захоронения наблюдались тонкие (до 0,5 см) прослойки коричневого цвета, которые, видимо, являются остатками берестяного покрытия (короба), в которое было завернуто тело человека. Отметим, что остатки берестяного короба, в который был помещен умерший, были обнаружены в одном из погребений с янтарными украшениями на острове Букольников в Заонежье [Герман, Мельников, 2013, с. 118].

В центре погребения на стоянке Деревянное XI на участке, окаймленном дугой из украшений нескольких видов, располагалось «пятно» размером 16×12 см из округлых пуговиц-нашивок с V-образным сверлением, большая часть которых лежала строго горизонтально отверстиями вверх, то есть лицевой стороной вниз, за исключением двух пуговиц у западного края данного скопления (рис. 4). Некоторые янтарные украшения в погребении наслаивались друг на друга. В западной части

Рис. 3. Охристая линза погребения на стоянке Деревянное XI (рабочий момент начальной стадии расчистки)

Рис. 4. Янтарные украшения в центральной части погребения на стоянке Деревянное XI

могилы обнаружен кремневый наконечник стрелы с обломанным насадом. Между янтарными украшениями найдены мелкие кремневые отщепы и чешуйки, два небольших сланцевых отщепа. В шурфе какие-либо находки за пределами погребения не обнаружены.

Всего в пределах погребения было найдено 140 янтарных украшений, восемь мелких кремневых отщепов, шесть кремневых чешуек, кремневый наконечник стрелы с обломанным насадом, два мелких сланцевых отщепа.

Янтарные украшения, обнаруженные в погребении, разделяются на семь типов, не считая неопределимые сломанные изделия: округлые пуговицы-нашивки с V-образным сверлением (45 экз.) (рис. 5: 7), линзовидные пуговицы-нашивки с V-образными и сквозными сверлениями (7 экз.) (см. рис. 5: 2), подвески-нашивки с V-образным и сквозным сверлением (35 экз.) (см. рис. 5: 1), подвеска-нашивка с двумя отверстиями (1 экз.) (см. рис. 5: 6), уплощенные подвески преимущественно неправильной формы (39 экз.) (см. рис. 5: 5), подвески на сломанных кольцах (7 экз.) (см. рис. 5: 3), кольца неправильной формы (2 экз.) (см. рис. 5: 4). Кроме того, в могиле были найдены янтарные изделия неопределимого типа (4 экз.). Около 20 % янтарных украшений, происходящих из захоронения, имеют следы ремонта или вторичного переоформления (рис. 6). В количественном соотношении в погребении преобладают округлые пуговицы-нашивки, подвески-нашивки с V-образным сверлением и отверстием, уплощенные подвески неправильной формы. Другие типы изделий, напротив, оказались немногочисленны или единичны.

Кремневые отщепы и чешуйки, найденные в погребении на стоянке Деревянное XI, судя по их миниатюрным размерам и иным характерным особенностям, были получены не с нуклеусов, а с каких-то орудий или их заготовок, возможно, наконечников стрел или копий. Существенные различия в цвете отщепов и чешуек позволяют предполагать, что они были сняты минимум с шести изделий. Сланцевые отщепы также различаются по цвету, скорее всего, были сколоты с двух заготовок рубящих орудий.

В 17 м южнее шурфа с погребением в противопожарной канаве были собраны многочисленные фрагменты асбестовой керамики

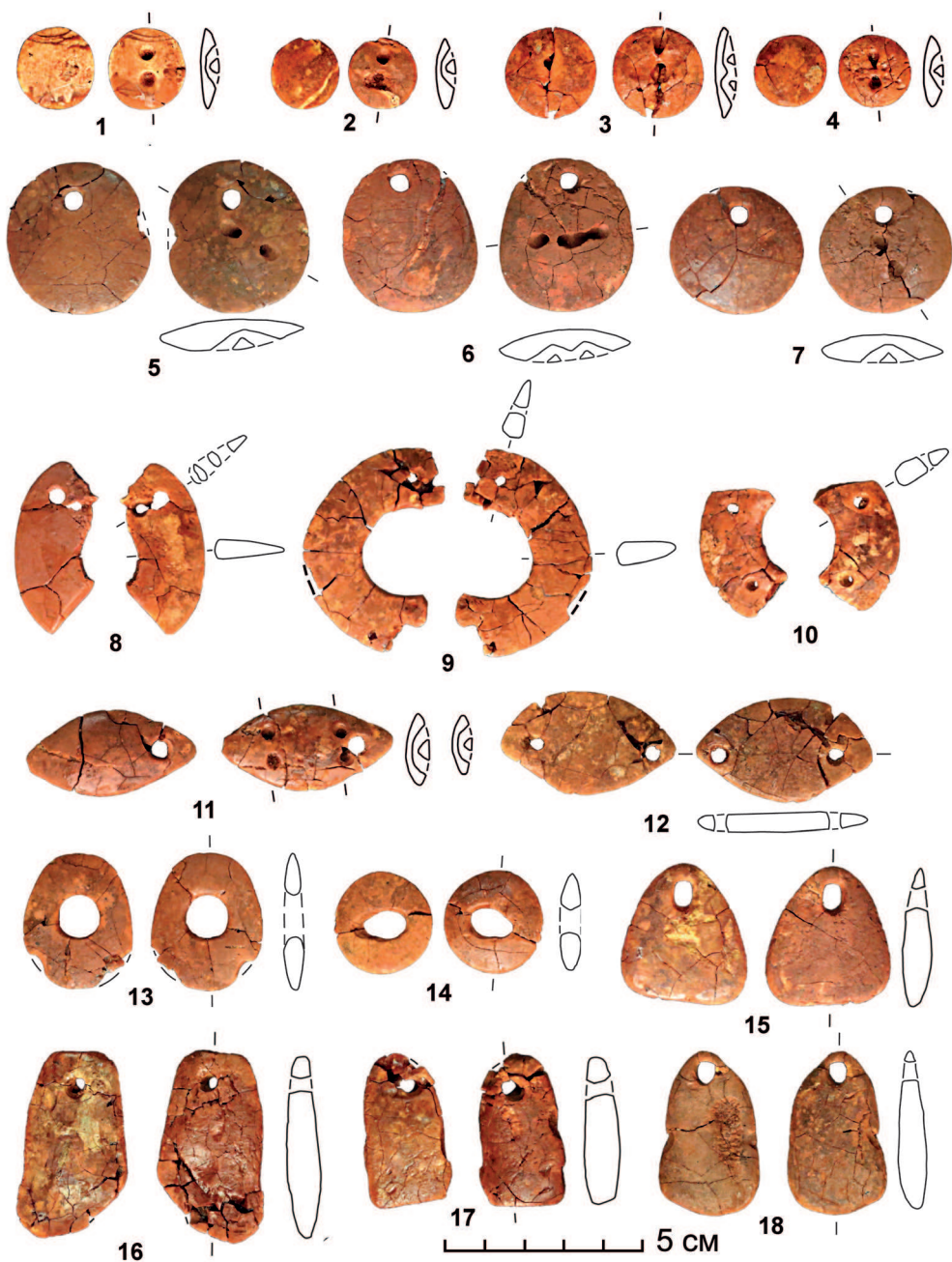

Рис. 5. Янтарные украшения из погребения на стоянке Деревянное XI:
 1–4 — пуговица-нашивка, 5–7 — подвеска-нашивка,
 8–10 — подвеска из сломанного кольца, 11 — линзовидная подвеска-нашивка,
 12 — подвеска-нашивка с двумя отверстиями,
 13, 14 — кольцо, 15–18 — подвеска неправильной формы

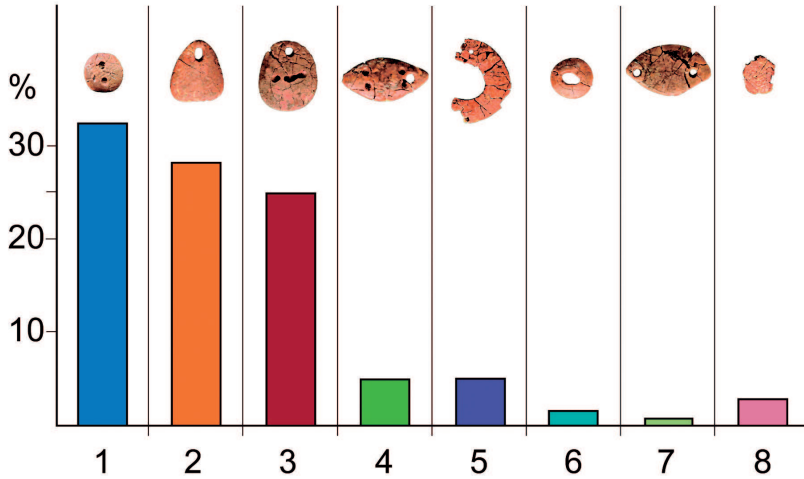

Рис. 6. Состав янтарных украшений из погребения на стоянке Деревянное XI:
 1 — подвеска-нашивки, 2 — линзовидная подвеска-нашивки,
 3 — подвеска из сломанного кольца, 4 — кольцо, 5 — подвеска неправильной формы,
 6 — подвеска-нашивки с двумя отверстиями, 7 — пуговица-нашивки, 8 — изделие неопределимого типа

от одного сосуда, который украшен оттисками гребенки в виде вертикального зигзага, образующими горизонтальные полосы, сочетающиеся с неорнаментированными зонами. Подобный орнамент характерен для энеолитической асбестовой керамики типа Оровнаволок, особенно для ее первой стадии. Керамика этого типа, широко представленная на территории Карелии, датируется в калиброванных датах концом IV (3300—3100) — первой половиной III тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021, с. 26].

Единственным памятником на территории Восточной Европы и Прибалтики, где наблюдается сочетание таких редких типов янтарных украшений, как линзовидные подвески-нашивки и подвески-нашивки с V-образным и сквозным отверстием, является стоянка Сарнате, исследованная в 60-е годы XX века на южном побережье Балтийского моря, на территории Латвии. Вышеуказанные типы янтарных изделий были найдены в жилищах с керамикой сарнатского типа, которые на этом памятнике являются несколько более поздними, чем постройки с типичной прибалтийской гребенчато-ямочной керамикой. Из угля, собранного в жилищах сарнатского типа, была получена серия

радиоуглеродных определений [Ванкина, 1970, с. 138—139], усредненный диапазон которых составляет 3400—3200 лет до н. э. Если исходить из того, что погребение и сосуд на стоянке Деревянное XI явно взаимосвязаны, то они, с учетом имеющихся аналогий в янтарных украшениях со стоянки Сарнате и их хронологии, могут быть датированы периодом 3300—3100 лет до н. э.

Важные данные, косвенно позволяющие оценить масштаб поступления в энеолите янтарных украшений на территорию Карелии, получены А. Ю. Тарасовым при исследованиях стоянки-мастерской по производству рубящих орудий русско-карельского типа из метатуфа Фофаново XIII, где в небольшом раскопе (30 кв. м) было собрано 26 янтарных подвесок. При площади памятника, оцениваемой в 40 000 кв. м [Жульников, Тарасов, 2021, с. 28—29], в его культурном слое должны находиться минимум несколько тысяч янтарных украшений, датируемых второй половиной IV — началом III тыс. до н. э.

Обсуждение полученных данных

Новые данные по обнаруженным в последние десятилетия на территории Карелии янтарным украшениям подтвердили сделанное ранее нами предположение [Жульников, 1999, с. 87—88], что в первой половине IV тыс. до н. э. янтарь на поселения с ромбо-ямочной керамикой Карелии поступал лишь в незначительном объеме. С распространением в бассейне Онежского озера асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоок ситуация с притоком янтаря кардинально меняется — он кратно возрастает, что одновременно сопровождается усилением обмена изделиями из других материалов — лидита, метатуфа/сланца, меди, кремня, красного шифера, асбеста [Жульников, Тарасов, 2021]. Подобный, довольно интенсивный обмен янтарными украшениями продолжался на территории региона не менее 500 лет. Затем во второй четверти III тыс. до н. э., видимо, вследствие появления в Юго-Восточной Прибалтике и южной части Финляндии мигрантов-скотоводов — населения группы культур шнуровой керамики, приток янтаря на территорию Карелии постепенно ослабевает, а к концу III тыс. до н. э. сходит на нет.

На поселениях с пористой и асбестовой керамикой Карелии не встречены янтарные кольца, а все подобные украшения в погребении на стоянке Деревянное XI имеют признаки вторичного использования — переделаны в подвески, видимо, после поломок, вызванных продолжительным ношением на одежде. В третьей четверти IV тыс. до н. э. янтарные кольца, возможно, постепенно перестали использоваться в качестве продукта обмена. Для поселений и могильников с ромбо-ямочной керамикой Карелии и типичной гребенчато-ямочной керамикой Финляндии не характерен такой массовый тип янтарных украшений, как округлые пуговицы-нашивки с V-образным сверлением. Прямоугольные нашивки и пуговицы-нашивки с V-образным сверлением на стоянках Лубанской низины И. А. Лозе [1969, с. 132] относит к комплексам со шнуровой керамикой, что подтверждает наличие обмена между позднеэнеолитическими группами населения Восточной Прибалтики и Обонежья, относящегося к разным культурно-хозяйственным типам.

Уникальное сочетание редких для Северной Европы типов янтарных украшений и их многочисленность в погребении на стоянке Деревянное XI позволяют высказать предположение, что часть янтарных украшений выступали в качестве продукта обмена не в виде разрозненных изделий, а в наборах-комплектах (гарнитурах), изначально сформированных древними ювелирами на прибалтийских стоянках-мастерских. Подобные наборы украшений могли нашиваться в определенном порядке на детали одежды (например, накидки) и в таком виде передавались в качестве даров между представителями локальных объединений древнего населения. Некоторые виды украшений (пронизи, кольца и т. д.) могли быть собраны на восточно-балтийских стоянках-мастерских в ожерелья и в таком виде использовались в качестве подарков. Подтверждают этот вывод и наблюдения, сделанные при анализе материалов могильника Тудозеро VI, исследованного А. М. Иванищевым на берегу Онежского озера в Вологодской области (см. статью М. В. Иванищевой в настоящем сборнике).

Заключение

Представляется, что интенсификация в энеолите процессов обмена янтарными украшениями на территории Карелии и в сопредельных регионах относится к проявлениям так называемой «престижной экономики», предполагающей существование ориентированного на обмен производства особо ценных («престижных») вещей и связанного с ней усложнения структуры обществ охотников и рыболовов, возникновения устойчивых обменных «сетей» и сопутствующих им механизмов организации социального взаимодействия.

Библиографический список

1. *Александренков Э. Г.* Пути золотых «орлов» (древние связи обитателей земель Карибского бассейна) / Э. Г. Александренков // Американские индейцы: новые факты и интерпретации : проблемы индеанистики : материалы симп. / отв. ред. [и авт. введ.] В. А. Тишко. — Москва, 1996. — С. 115—128.
2. *Бадер О. Н.* Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы / О. Н. Бадер // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР. — Москва, 1961. — Вып. 2 / отв. ред. О. Н. Бадер. — С. 110—271.
3. *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнате / Л. В. Ванкина ; Музей истории Латв. ССР. — Рига : Зинатне, 1970. — 268 с., 6 л. черт. : ил.
4. *Витенкова И. Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии : монография / И. Ф. Витенкова ; Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2002. — 180, [2] с. : ил., табл. — ISBN 5-9274-0078-7.
5. *Вуоринен Ю.* Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита / Ю. Вуоринен // Новое в археологии СССР и Финляндии : докл. Третьего Сов.-финлянд. симп. по вопр. археологии, 11—15 мая 1981 г. / под ред. Б. А. Рыбакова. — Ленинград, 1984. — С. 54—60.
6. *Гурина Н. Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова / Н. Н. Гурина ; Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры. — Санкт-Петербург : Центр «Петербург. востоковедение», 1997. — 231, [2] с. : ил. — (Археологические изыскания) (Archaeologica petropolitana). — ISBN 5-85803-064-5.

7. Жульников А. М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н. э. как фактор социального взаимодействия / А. М. Жульников // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 134—145.
8. Жульников А. М. О некоторых особенностях погребального инвентаря древнего населения Северной Европы в III тысячелетии до н. э. / А. М. Жульников // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / отв. ред. Г. В. Судаков. — Вологда, 2007. — С. 97—101.
9. Жульников А. М. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков / А. М. Жульников, А. Ю. Тарасов // Российская археология. — 2021. — № 4. — С. 21—34. — Библиогр.: с. 32—33 (22 назв.).
10. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
11. Кабо В. Р. Обмен и его социальная роль в первобытном обществе / В. Р. Кабо // Обмен и торговля в древних обществах : краткие тез. докл. к симп. Теорет. семинара и Сектора Сред. Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, 22—24 марта 1972 г. / Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР. — Ленинград, 1972. — С. 3—4.
12. Карманов В. Н. Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции / В. Н. Карманов // Поволжская археология. — 2020. — № 1 (31). — С. 81—97.
13. Костылева Е. Л. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА / Е. Л. Костылева, А. В. Уткин // Тверской археологический сборник : материалы II Твер. археолог. конф. и 5-го заседания науч. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». — Тверь, 2000. — Вып. 4, т. 1. — С. 175—184.
14. Лозе И. А. Об основных центрах и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита / И. А. Лозе // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий : сб. ст. / АН ЭССР, Ин-т истории ; под ред. Ю. Селиранда. — Таллинн, 1985. — С. 70—77.

15. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины / И. А. Лозе. — Рига : Зинатне, 1979. — 204 с. : ил.
16. Мельников И. В. Древние поселения Южного Заонежья (мезолит — энеолит) / И. В. Мельников, К. Э. Герман ; ФГБУК «Гос. ист.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижы». — Петрозаводск : Гос. ист.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижы», 2013. — 407, [1] с. : ил., табл. — ISBN 978-5-9274-0596-1.
17. Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Часть вторая. Наскальные изображения Белого моря / В. И. Равдоникас ; отв. ред. И. И. Мещанинов. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1938. — 162 с., 88 л. ил., табл. : ил.
18. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2. Стоянки / Ю. А. Савватеев ; отв. ред. А. М. Линевский ; Акад. наук СССР, Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. — 323, [3] с. : ил. — Библиогр. в подстроч. примеч.

Мельников Игорь Валерьевич,

ведущий научный сотрудник ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь», кандидат исторических наук, г. Петрозаводск

О МОГИЛЬНИКЕ С ЯНТАРНЫМИ И СЛАНЦЕВЫМИ УКРАШЕНИЯМИ НА ОСТРОВЕ БУКОЛЬНИКОВ В ЗАОНЕЖЬЕ

Могильник был открыт в ходе разведки в 2009 году [Мельников, Герман, 2009]. На памятнике был заложен шурф, в котором выявлен культурный слой поселения неолита — энеолита и исследованы два погребения. Раскопки большой площадью не проводились, поэтому судить о размерах могильника в настоящее время не представляется возможным.

Поселение Букольников 1 находится в северной части острова Букольников, который входит в состав архипелага Кижские шхеры Онежского озера (рис. 1). Памятник находится в основании небольшого залива на удалении около 50 м от берега Онежского озера, примерно в 15 м от края низинного заболоченного участка, который в период бытования поселения представлял собой пролив, отделяющий территорию, где находилось поселение от большей части современного острова Букольников. Таким образом, в период бытования поселение находилось в южной части небольшого скалистого островка протяженностью с севера на юг примерно 230 м и с запада на восток около 150 м. Памятник занимает пологий склон прибрежной береговой террасы, полого спускающейся в южном направлении, который сложен песчаными отложениями. Перепад высот, на которых залегает поселение, составляет около 2 м. Высота над современным уровнем воды в Онежском озере составляет 4—6 м. Культурный слой памятника частично разрушен старым песчаным карьером, который в настоящее время полностью задернован и зарос кустарником и деревьями. Судя по находке чернолощеной керамики, карьер разрабатывался еще в XVIII веке.

Остров Букольников находится в южной части залива Вожмари-ха, на берегах которого в 1990—2010-х годах был открыт и исследован

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников археологии в районе залива Вожмариха Онежского озера: 1, 2 — Вертилово 1, 2, 3–32 — Вожмариха 1–30, 33–37 — Жарниково 1–5, 38 — Букольников 1, 39 — Карельский 1, 40–46 — Радколье 1–7 (крупные пунсоны — скопления памятников)

комплекс поселений мезолита, неолита и энеолита — Вожмариха 1—30, Вертилово 1, 2. Большая часть памятников располагается на северном берегу залива и приурочена к древней, ныне заболоченной его части. Материалы исследований опубликованы [Мельников, Герман, 2013]. Удаленность острова Букольников от вожмарихинских стоянок составляет около 4 км.

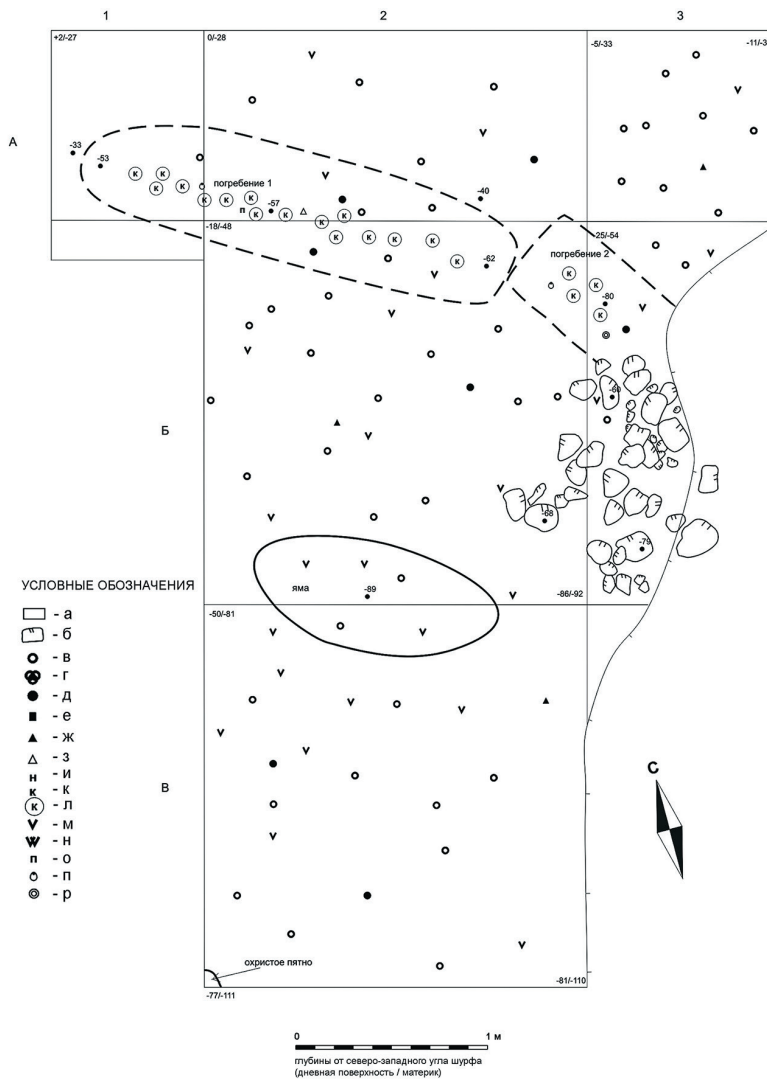
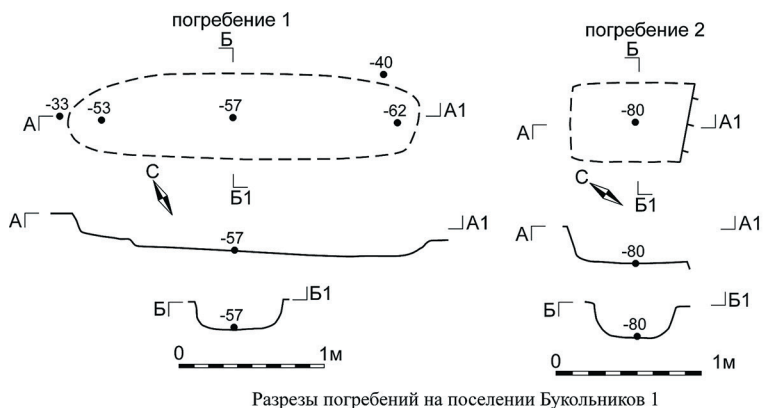
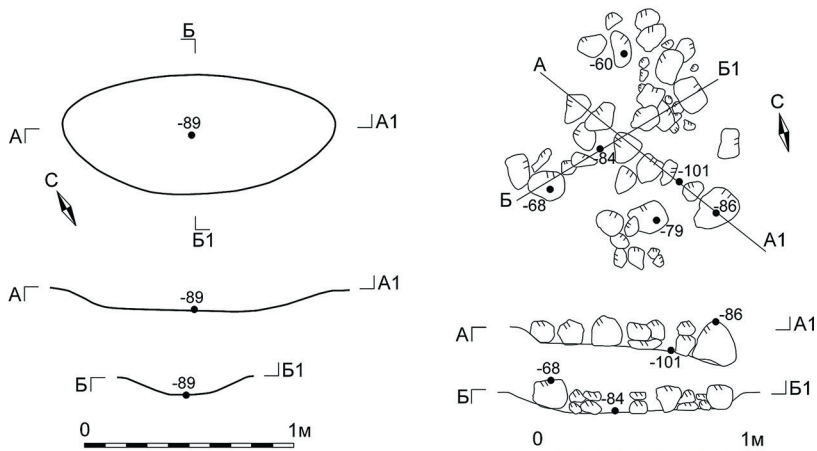

Рис. 2. Поселение и могильник Букольников 1. План шурфа

Разрезы погребений на поселении Букольников 1

Разрез ямы и каменной кладки на поселении Букольников 1

Рис. 3. Поселение и могильник Букольников 1. Разрезы погребений, очага и охристой линзы

Изначально шурф был заложен размером 4×2 м, но поскольку в его северной части выявились погребения, вышедшие за его пределы, он был расширен до 12 кв. м (рис. 2, 3).

Погребение 1 было прослежено после зачистки второго горизонта культурного слоя стоянки в виде пятна красного охристого песка вытянутой, неправильной, подовальной формы, которое имело ориентацию северо-запад — юго-восток и размер $2,42 \times 0,6$ м. Могильная яма была

заполнена красным охристым песком на глубину около 0,17—0,2 м (глубина от современной поверхности около 0,5 м). Форма ямы в продольном разрезе вытянутая трапецевидная, в поперечном — трапецевидная с закругленными углами (иными словами — «корытообразная»). В могильной яме были прослежены костные останки погребенного плохой сохранности¹. Фрагменты черепа были прослежены в северо-западной части могильной ямы. Также в ходе расчистки были прослежены фрагменты бересты², которые встречались повсеместно в пределах могильной ямы. По бересте было получено радиоуглеродное определение — 4740 ± 60 л. н. (ЛЕ-9391). Собранные в ходе выборки заполнения могильной ямы находки включали: обломок кремневого наконечника копья, линзовидного поперечного сечения, отретушированный по всей поверхности (рис. 4: 11). Лидитовый скребок ($0,6 \times 1,5 \times 2,3$ см) на отщепе аморфных очертаний отретуширован крутой ретушью по двум граням, спинка и брюшко без обработки (рис. 4: 7). Подвеска ($0,3 \times 1,3 \times 2,4$ см) из плоской сланцевой гальки подтреугольной формы со следами шлифовки и сколов на поверхности, а также сквозным биконическим отверстием на одном из концов (рис. 4: 2). Найдена также янтарная пуговица с двумя отверстиями, но она имеет плохую сохранность и представлена в виде мелких фрагментов. Также в ходе выборки заполнения могильной ямы были найдены галька со следами использования, по одному отщепу сланца и лидита, два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики и два фрагмента керамики неопределенного типа. С погребением можно связать находки украшений, обломки копья и, возможно, скребка. Прочие предметы, скорее всего, попали в заполнение могилы из культурного слоя поселения.

К юго-восточной части погребения 1 вплотную примыкало погребение 2, большая часть которого была разрушена упомянутым карьером. Также как и погребение 1, оно было прослежено после снятия второго горизонта культурного слоя в виде пятна красного охристого песка вытянутой подчетыреугольной формы, которое имело ориентацию

¹ Определение костного материала из погребений могильника Букольников 1 производилось в отделе антропологии Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

² Определение было выполнено в Институте биологии Карельского научного центра РАН.

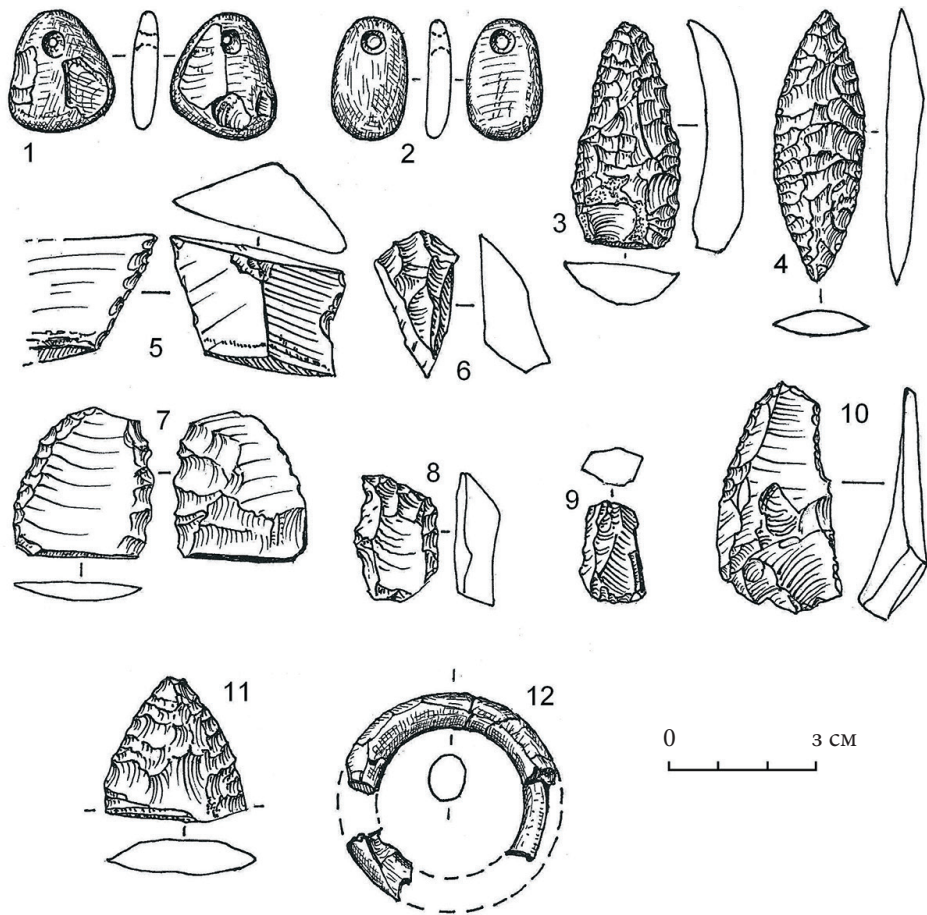

Рис. 4. Поселение и могильник Букольников 1.
Находки: 1, 2 — сланец, 3, 4, 9—11 — кремнь, 5—8 — лидит, 12 — янтарь

север-северо-запад — юг-юго-восток и размер сохранившейся части $0,73 \times 0,48$ м. Могильная яма имела глубину около 0,21 м, форма в поперечном разрезе аналогична погребению 1. В могильной яме были прослежены костные останки плохой сохранности. Собранные в ходе выборки заполнения могильной ямы находки включали: сланцевую подвеску ($0,3 \times 1,8 \times 2,5$ см) из плоской гальки подовальной формы со следами шлифовки и сквозным биконическим отверстием на одном из концов (рис. 4: 1), кремневый полностью ретушированный наконечник стрелы ($0,3 \times 1,7 \times 5,3$ см) линзовидной формы с линзовидным

поперечным сечением (рис. 4: 4), фрагментированное янтарное кольцо (рис. 4: 12) подовального поперечного сечения с внутренним диаметром 3,6 см, внешним — 4,2 см.

Как видно, оба погребения конструктивно и по составу инвентаря довольно схожи, умершие явно были погребены по единому обряду. В обоих случаях мы имеем ингумацию на небольшой глубине, видимо, в вытянутом положении, в схожих могильных ямах. При устройстве могилы использовалась красная природная краска охра. Инвентарь близок по составу и количеству: по одному янтарному украшению, по одной сланцевой подвеске и по одному предмету охотничьего вооружения. Вероятно, оба погребения очень близки в хронологическом отношении, хотя вряд ли они были совершены одновременно (учитывая их расположение относительно друг друга). Отличие только в одном: в погребении 1 умерший был покрыт слоем бересты, которая не была прослежена в погребении 2.

С юго-востока к погребению 2 примыкала каменная кладка из камней-валунов толщиной 10—18 см (рис. 5). В плане кладка имела диаметр около 1—1,2 м. При расчистке между камнями были зафиксированы зольный слой и скопление углей (получена радиоуглеродная дата 5600 ± 25 л. н. (LE-8908)), также были найдены отщеп сланца и фрагмент сосуда с ямочно-ребенчатым орнаментом. Видимо, данная кладка является развалом очага. Судя по датам, полученным из погребения 1 и очага, они являются разновременными, очаг существенно более древний, чем погребения.

Очевидно, очаг связан с культурным слоем поселения, который содержит находки двух культурно-хронологических пластов древностей — развитого неолита с ямочно-ребенчатой керамикой и энеолита с асбестовой керамикой. Площадь стоянки невелика и составляет немногим более 500 кв. м. Стратиграфия включает четыре слоя: под дерном (7—10 см) и подзолом (до 9 см) залегал песок коричневого цвета (культурный слой) (14—20 см). Материк — песок светло-желтого цвета.

Следует отметить, что в центральной части шурфа после выборки 1-го горизонта было прослежено еще одно охристое пятно. В ходе его расчистки была выявлена подовальная яма. Но она была существенно меньшего размера, чем погребения ($1,31 \times 0,58$ см), и меньшей глубины

Рис. 5. Поселение и могильник Букольников 1. Развал очага

(8–10 см), в ней отсутствовали характерные для погребений находки, а также костные останки умерших. В заполнении найдено несколько крупных фрагментов охры. Вряд ли его можно считать еще одним погребением, скорее всего, это место, где находилась охра, которую могли использовать при совершении захоронений.

В ходе раскопок в культурном слое поселения были найдены два ножа и резец из кремня, лидитовый скребок, отщепы и осколки сланца, кварца, кремня и лидита (в том числе три с обработкой), а также фрагменты ямочно-гребенчатой керамики от 6 сосудов и фрагменты асбестовой керамики от одного сосуда. Еще один сосуд, представленный маленьким фрагментом венчика, напоминает так называемую «каргопольскую» керамику — он почти не орнаментирован, за исключением горизонтального ряда из редко поставленных округлых наколов диаметром 2 мм, которые нанесены по верху сосуда³.

³ Каргопольская керамика относится к неолиту и встречается в комплексах вместе с ямочно-гребенчатой [Лобанова, 1997; Мельников, 2020].

Таким образом, на памятнике обнаружено два разновременных керамических комплекса — неолитическая ямочно-гребенчатая и энеолитическая асбестовая керамика. Из очага получено радиоуглеродное определение — 5600 ± 25 л. н., которое отражает время функционирования поселения с ямочно-гребенчатой керамикой. Позднее на этом месте были совершены захоронения, которые, судя по имеющейся дате из погребения 1 (4740 ± 60 л. н.), связаны с периодом позднего неолита. Еще позднее, в период энеолита, здесь вновь существовало поселение, но уже с асбестовой керамикой, время бытования которой относится к середине III — середине II тыс. до н. э. Оба погребения были перекрыты культурным слоем стоянки⁴.

Погребения с острова Букольников являются единственными в районе Обонежья захоронениями поздненеолитического времени. Как отмечает И. Ф. Витенкова, изучавшая данный период, погребения этого времени в Карелии неизвестны, а ближайшим погребальным памятником является могильник Репище в Новгородской области [Витенкова, 1996, с. 106]. Вместе с тем в Обонежье имеются погребальные памятники более раннего и более позднего времени, которые соответственно относятся к мезолиту, раннему неолиту и энеолиту. Имеет смысл сравнить погребения с острова Букольников с этими памятниками.

Наиболее известным мезолитическим погребальным памятником в Обонежье является Оленеостровский могильник. Его тем более интересно сравнить с букольниковскими погребениями, поскольку Южный Олений остров, как и Букольников, входит в состав архипелага Кижские шхеры и находится от него чуть более чем в 9 км. Вероятнее всего, на обоих островах погребения совершало население, которое проживало на северном берегу залива Вожмариха (вожмарихинские поселения находятся на удалении 10 км и 4 км от Южного Оленьего острова и острова Букольников соответственно).

⁴ Стратиграфически в песчаном грунте неолитический и энеолитический слои не расчленились. Кроме того, погребения были устроены на склоне таким образом, что с течением времени песок неминуемо должен был сползти вниз и перекрыть погребения. В таких условиях стратиграфические наблюдения оказываются не особо эффективными.

Материал Оленеостровского могильника подробно опубликован и неоднократно рассматривался в работах исследователей [Гурина, 1956; Филатова, 2002; Кольцов, 2006]. В целом погребения на острове Букольников совершены в рамках той же погребальной традиции, что и оленеостровские. Оба некрополя были устроены на маленьких островах. В обоих случаях мы имеем ингумацию на относительно небольшой глубине, в вытянутом положении, с использованием охры при засыпке могилы. И там, и там имеет место широтная ориентация могильных ям (разница в ориентировке погребенных — в Оленеостровском могильнике головой на восток, в погребениях острова Букольников — на запад). Погребальный инвентарь также представлен в обоих памятниках. Сравнить его не вполне корректно, учитывая, что на Оленьем острове хорошо сохранились костяные изделия, которых нет в культурном слое острова Букольников. Но украшения есть и там, и там, различен их состав — из костей и зубов животных на Южном Оленьем острове и из янтаря и сланца на острове Букольников. Предметы охотничьего вооружения также представлены в обоих памятниках.

В раннем неолите ситуация принципиально не изменилась. Наиболее известным памятником этого времени является могильник Сандермоха на северо-восточном берегу Онежского озера в районе Повенца. Он исследовался и был опубликован Г. А. Панкрушевым [Панкрушев, 1978, с. 56—62]. Могильник связывается с раннеолитической культурой сперринг. Захоронения в нем совершались по обряду ингумации на очень небольшой глубине (до 0,3 м), могильные ямы овальной формы, размером в рост человека, с красной охрой, ориентация могил широтная. Около некоторых кострищ зафиксированы небольшие кострища и так называемые «ритуальные ямки» — западания слоя с красной охрой глубиной до 0,5 м, которые содержали обожженные косточки животных и рыб, фрагменты керамики, а также каменные орудия и угольки. Инвентарь в погребениях отсутствовал, имеющиеся находки (фрагменты керамики, обломки орудий из камня), скорее всего, попали при засыпке случайно из культурного слоя поселения. Костные останки сохранились только в трех могилах (это подтверждает справедливость интерпретации данного памятника как погребального).

Нетрудно заметить схожесть погребальных комплексов могильника Сандермоха и погребений на острове Букольников. Они касаются размеров, формы и глубины могильных ям, их ориентации, присутствия в могилах охры. Погребального инвентаря в могильнике Сандермоха нет, но в могилы могли класться предметы из кости, которые в тех условиях сохраниться не могли (напомним, что в Олене-островском могильнике костяной инвентарь в погребениях абсолютно доминировал). Принципиальное отличие — отсутствие в могильнике Сандермоха украшений из сланца и янтаря, ни в одном из 107 погребений они не были найдены. Утверждать, что отсутствие инвентаря — это принципиальное отличие погребений в могильнике Сандермоха от погребений на острове Букольников, не вполне корректно. В какие-то могилы могли класться костяные изделия, например, подобные найденным на Оленьем острове ожерелья из костей и зубов животных, но в почвенных условиях могильника Сандермоха они сохраниться не могли.

Итак, отмеченные сходства погребений на острове Букольников с погребениями более раннего времени — мезолитическими на Южном Оленьем острове и раннеолитическими в могильнике Сандермоха — позволяют сделать вывод о преемственности погребальной обрядности в районе северного Обонежья в мезолитическое, а также ранне- и позднелитическое время.

В энеолите Карелии могильники не известны [Археология..., 1996, с. 156, 164—165]. Это касается как памятников с ромбо-ямочной, так и с асбестовой керамикой. Имеются отдельные захоронения, совершенные по обряду ингумации, которые, видимо, относятся к периоду бытования асбестовой керамики. Одно из них найдено в низовье реки Выг на поселении Залавруга II. Погребение содержит охру и сопровождается богатым инвентарем, включающим янтарные подвески и пуговицы, а также наконечники стрел [Савватеев, 1977, с. 193—194]. Второе погребение исследовано на поселении Путкинская 1, в могиле обнаружен богатый инвентарь, включающий янтарные и сланцевые украшения, а также кремневый наконечник копья [Жульников, 2008, с. 140]. Аналогичное погребение в охре недавно было найдено в Обонежье,

в районе поселка Деревянное (работы А. М. Жульникова). Оно содержало около 140 янтарных украшений — пуговиц-нашивок, подвесок, дисков, а также кремневый наконечник⁵. Данным погребениям найдены аналоги среди волосовских древностей эпохи энеолита [Костылева, Уткин, 2010, с. 255—256]. От погребений на острове Букольников они отличаются большим количеством сопровождающего инвентаря, прежде всего янтарных украшений. В целом захоронения совершались в рамках той же погребальной традиции, которая, как мы видели, на территории Обонежья прослеживается с эпохи мезолита.

Погребениям с острова Букольников (прежде всего, с точки зрения состава и количества сопровождающего инвентаря) можно найти аналоги среди погребальных памятников неолита севера Восточной Европы, сопредельных с Обонежьем территорий.

Наиболее схожи материалы из могильника Репище в Новгородской области, который связывается с мстинской археологической культурой. Всего в могильнике исследовано 204 погребения неолита и энеолита, в большинстве из которых найден инвентарь. Для поздненеолитических погребений характерна прямоугольная или овальная форма могил, ориентация — восток и юго-восток, охристая подсыпка на дне. Погребальный инвентарь — немногочисленные кремневые орудия и янтарные украшения. В погребениях энеолита отмечен более многочисленный и разнообразный инвентарь — кремневые и сланцевые орудия, кремневая скульптура, многочисленные и разнообразные янтарные украшения [Зими́на, 1996, 2012].

Аналоги погребениям с острова Букольников также можно найти и в районе Восточного Прионежья, ареале каргопольской культуры. Например, на поселении Андозеро 2 (оз. Андозеро, бассейн оз. Белое) найдено погребение с костными останками, перекрытое валунами и россыпью мелких камней. В погребении собран инвентарь — 7 плоских подвесок и кольцо из сланца, круглая сланцевая палочка — орнаментир, топори́к, стамеска и фигурный кремень (высказано мнение, что к погребальному инвентарю относятся только украшения, прочее попало

⁵ См. статью А. М. Жульникова в настоящем сборнике.

при засыпке могилы из культурного слоя поселения). Погребение совершено в жилище, которое, видимо, было оставлено. Датируется второй половиной IV — началом III тыс. до н. э. С. В. Ошибкина отмечает, что в неолитических погребениях каргопольской культуры вещи встречаются редко, но если они есть, то это подвески из сланца или янтаря, а также зубов животных. Изредка в погребальном инвентаре представлены предметы охотничьего вооружения и антропоморфные скульптурки [Ошибкина, 1996, с. 222, 226].

На юго-западе Финляндии, в 18 км к северо-востоку от г. Турку М. Торвиненом в 1975—1976 годах исследован могильник Куккаркоски [Костылева, Уткин, 2006]. В могильнике было раскопано 13 могил, из которых четыре, возможно, погребениями все же не являются. В могилах обнаружен инвентарь, включающий янтарные украшения (всего коллекция включает 143 экз.) — в основном подвески, а также кольца, диски и пронизки. Найдены также сланцевые украшения — пять колец и одна серповидная подвеска. В погребениях были найдены орудия (в основном, кремневые наконечники стрел и дротиков, а также ножи). В одном погребении находился небольшой сосуд с гребенчатым орнаментом. Из одного, особо богатого инвентарем погребения (№ 1А) получена радиоуглеродная дата — 2940 ± 250 лет до н. э.

В Волго-Окском междуречье периода неолита тоже можно найти схожие погребения. Например, в Подмосковье, на стоянке Луково Озеро III найдены два погребения, одно из которых содержало инвентарь: янтарную подвеску и сланцевое кольцо. Памятник связан с финальным этапом льяловской археологической культуры [Сидоров, 1990, с. 28; Костылева, Уткин, 2010, с. 153].

В целом складывается впечатление, что в позднем неолите севера Восточной Европы в какой-то момент времени повсеместно бытовавшая традиция устраивать захоронения по обряду ингумации приобрела своеобразие, которое заключалось в формировании традиции сопровождать умершего единичными предметами из числа украшений (янтарными и сланцевыми подвесками или кольцами) и орудий охоты. В дальнейшем развитие погребальной обрядности будет связано с увеличением числа сопровождающих умершего предметов (прежде

всего, украшений из янтаря), что видно на примере ранневолосовских погребений и упомянутой находки погребения у поселка Деревянное в Карелии.

Библиографический список

1. Археология Карелии / Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. — Петрозаводск : КНЦ РАН, 1996. — 413, [2] с. : ил. — ISBN 5-201-07768-4.
2. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник / Н. Н. Гурина ; вступ. ст. В. И. Равдоникаса. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — 431 с., 11 л. ил. : ил. — (Материалы и исследования по археологии СССР, № 47).
3. Жульников А. М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н. э. как фактор социального взаимодействия / А. М. Жульников // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 134—145.
4. Зимина М. П. Мстинская культура / М. П. Зимина // Неолит Северной Евразии / Т. Д. Белановская, В. В. Бжания, Н. Н. Гурина [и др.] ; отв. ред. С. В. Ошибкина ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. — Москва, 1996. — С. 193—198.
5. Зимина М. П. О группировке погребений в могильнике Репище / М. П. Зимина // Краткие сообщения Института археологии / гл. ред. Н. А. Макаров. — Москва, 2012. — Вып. 227. — С. 281—286.
6. Кольцов Л. В. Некоторые соображения об Оленеостровском могильнике / Л. В. Кольцов // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей [и др.] ; редкол.: И. Н. Черных (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2006. — Вып. 6, т. 1. — С. 373—383.
7. Костылева Е. Л. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского Междуречья : планиграфические и хронологические структуры / Е. Л. Костылева, А. В. Уткин ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Ивановский гос. ун-т». — Москва : Таус, 2010. — 298, [1] с. : ил., табл. — ISBN 978-5-903011-68-1.
8. Лобанова Н. В. Каргопольская керамика на поселениях Карелии / Н. В. Лобанова // Археология Севера. — Петрозаводск, 1997. — Вып. 1. — С. 85—95. — Библиогр. в конце ст.

9. Мельников И. В. Каргопольская керамика из поселений Карелии в археологическом собрании музея-заповедника «Кижы» / И. В. Мельников // Каргополье с древнейших времен: история и культура : материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф., 18—20 авг. 2020 г. / Каргопол. ист.-архитектур. и худож. музей ; отв. ред. Е. А. Баталова. — Каргополь, 2020. — С. 47—51.
10. Мельников И. В. Древние поселения Южного Заонежья (мезолит — энеолит) / И. В. Мельников, К. Э. Герман ; ФГБУК «Гос. ист.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижы». — Петрозаводск : Гос. ист.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижы», 2013. — 407, [1] с. : ил., табл. — ISBN 978-5-9274-0596-1.
11. Мельников И. В. О работах музея-заповедника «Кижы» / И. В. Мельников, К. Э. Герман // Археологические открытия 2009 года : сб. ст. / редкол.: Н. В. Лопатин (сост. и отв. ред.) [и др.]. — Москва, 2013. — С. 45—47.
12. Ошибкина С. В. Каргопольская культура и памятники типа Модлона / С. В. Ошибкина // Неолит Северной Евразии / Т. Д. Белановская, В. В. Бжания, Н. Н. Гурина [и др.] ; отв. ред. С. В. Ошибкина ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. — Москва, 1996. — С. 221—230.
13. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. В 2 частях. Часть 2. Неолит / Г. А. Панкрушев. — Ленинград : Наука, 1978. — 113 с., 26 л. ил. : ил.
14. Савватеев Ю. А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2. Стоянки / Ю. А. Савватеев ; отв. ред. А. М. Линевский ; Акад. наук СССР, Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. — 323, [3] с. : ил. — Библиогр. в подстроч. примеч.
15. Сидоров В. В. Погребения льяловской культуры в Подмосковье / В. В. Сидоров // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. — Иваново, 1990. — Вып. 4. — С. 24—27.
16. Уткин А. В. Одиночные неолитические погребения в лесах Восточной Европы / А. В. Уткин, Е. Л. Костылева // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей [и др.] ; редкол.: И. Н. Черных (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2006. — Вып. 6, т. 1. — С. 334.
17. Филатова В. Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии / В. Ф. Филатова // Кижский вестник : сб. ст. / ФГБУК «Гос. ист.-архитектур. и этнограф. музей-заповедник «Кижы». — Петрозаводск, 2002. — Вып. 7. — С. 177—211.

Недомолкина Надежда Геннадьевна,
*ведущий научный сотрудник отдела хранения
БУК Вологодской области «Вологодский государственный
музей-заповедник», кандидат исторических наук, г. Вологда*

ЯНТАРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЭПОХИ КАМНЯ С АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

В первой половине III тыс. до н. э. на территории Вологодской области появилось население со своеобразной материальной культурой, представленной пористой керамикой, новыми формами каменного инвентаря, фигурным кремнем и янтарными украшениями.

Впервые стоянки с пористой керамикой были выделены в западной части Вологодской области в Восточном Прионежье и получили название «тип Модлона и Модлона 2» по эпонимной стоянке Модлона, представляющей ранний период существования этого населения. К позднему периоду относятся стоянки типа Модлона 2. Ранний период существования этого типа памятников относится к первой половине III тыс. до н. э., поздний период — ко второй половине III тыс. до н. э. [Ошибкина, 1996, с. 228]. Памятники в настоящее время включены в северо-западную группу Волосовской культурно-исторической общности [Крайнов, 1987, с. 13]. Целенаправленные планомерные археологические исследования в Вологодской области в последние годы позволили открыть десятки новых поселений с пористой керамикой этого времени в бассейне Кубенского озера и Сухоны. В настоящее время в области насчитывается около 100 пунктов, где найдена пористая керамика. Как показывают наши наблюдения, пористая керамика по технико-морфологическим признакам неоднородная. Это свидетельствует о сложных культурно-исторических процессах, проходящих на территории Вологодского региона в энеолите, и культурно-хронологической неоднородности племен, населявших эту территорию.

Украшения из янтаря найдены на сегодняшний день на 10 памятниках в западной и центральной частях области. Всего насчитывается около 655 предметов. Большее количество янтарных украшений

найден на стоянках и могильниках Восточного и Юго-Восточного Прионежья — в районе Белого озера: местонахождения Шолопасть, Белоозеро, могильник Каргулино (Крохинские Пески) (Белозерский район), на западном берегу оз. Воже — стоянка Место Против Гостиного берега, свайное поселение Модлона, могильник мыс Бревенный (Кирилловский район), на р. Андога (Кадуйский район) — стоянка Зеленый Берег 2, на дюне между озерами Тудозеро и Онежское — могильник Тудозеро VI (Вытегорский район). На территории Верхней Сухоны янтарь найден на поселениях Вёкса, Вёкса III (Вологодский район) (рис. 1). Памятники

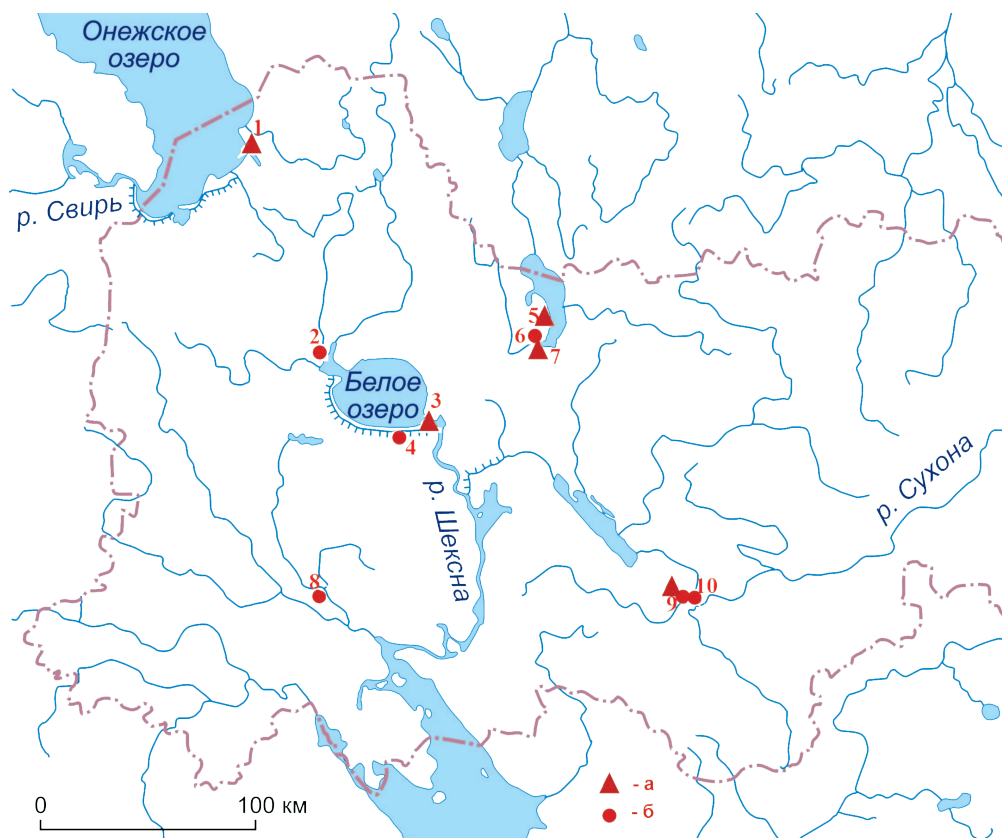

Рис. 1. Памятники Вологодской области с янтарными украшениями:
 1 — Тудозеро VI, 2 — Шолопасть, 3 — Каргулино (местность Крохинские Пески),
 4 — Белоозеро, 5 — мыс Бревенный, 6 — Место Против Гостиного берега,
 7 — Модлона, 8 — Зеленый Берег 2, 9 — Вёкса, 10 — Вёкса III

р. Верхней Сухоны маркируют восточную границу распространения янтаря на территории региона.

Данная работа представляет анализ янтарных находок каменного века, обнаруженных на территории Вологодской области, известных на сегодняшний день, с описанием видов и типов украшений, преобладающих на памятниках, и хронологией комплексов.

Стоянка Модлона расположена к западу от оз. Воже на узком мысу, образованном р. Модлоной и ее правым притоком — р. Перечной на территории Чарозерского района (см. рис. 1). Памятник был открыт в 1919 году К. В. Марковым. В 1938—1940 и 1945—1957 годах поселение исследовал археолог А. Я. Брюсов. Для уточнения стратиграфии и хронологии в 1970—1975 годах поселение обследовалось С. В. Ошибкиной [Ошибкина, 1996, с. 228]. Всего были изучены остатки четырех домов квадратной формы, приподнятых на сваях на 35—40 см над болотистой почвой, соединявшихся мостками-переходами, которые, как и жилища, были на сваях. Мостки вели к берегу, где размещались плотики для подхода к воде.

Для стоянки Модлона была получена радиоуглеродная дата 4850 ± 120 лет по углю из культурного слоя свайного поселения и две даты для верхнего слоя стоянки Модлона 2 — 4360 ± 130 , 3960 ± 150 лет [Ошибкина, 1996, с. 228]. Как считается, Модлонское свайное поселение является инородным включением среди неолитических культур севера Восточной Европы. По мнению А. Я. Брюсова, модлонское население пришло в озерный край с запада и оказалось во враждебном окружении [Брюсов, 1951]. М. Е. Фосс, принимая западное происхождение стоянки Модлона 1 и отмечая сходство материалов обоих слоев стоянки, сочла возможным включить верхний слой (Модлона 2) в каргопольскую культуру в качестве второго этапа развития [Фосс, 1952]. Говоря о происхождении стоянки Модлона 2, М. Е. Фосс полагала юго-западное происхождение обитателей стоянки. П. Н. Третьяков отнес стоянку к кругу урало-камских культур [Третьяков, 1967]. С. В. Ошибкина на основе анализа керамического материала отнесла стоянку Модлона к волосовской культуре [Ошибкина, 1966]. Тем не менее вопрос о происхождении населения, оставившего свайное поселение Модлона, так до конца

и не решен. Материал памятника и, прежде всего, пористая керамика объединяют в себе черты, присущие и керамике Оки, Верхней Волги (стоянки волосовской культуры), и Восточной Прибалтики (памятники типа Пиестиня). До конца не ясно, являются стоянки типа Модлона волосовскими или составляют отдельный культурный тип. Памятники типа Модлона 2 представляют, по мнению А. Я. Брюсова и С. В. Ошибкиной, местный вариант культуры [Ошибкина, 1978]. Керамика свайного поселения содержит примесь толченой раковины или изредка асбеста, имеет рыхлое темное тесто. Сосуды низкие, круглодонные, с толстыми стенками (до 1,0 см), венчик прямой или с нависающим снаружи выступом. Преобладают такие узоры, как вертикальный зигзаг, геометрические фигуры, вертикальные полосы шагающей гребенки, ямки по всей поверхности. Найдены кремневые, сланцевые орудия. Среди костяных изделий — остря, поделки в виде затычек, роговая муфта, голова лося с солярным знаком. Из деревянных вещей — обломок весла, лучок, ясеневый ковшик с ручкой в виде головы собаки с опущенными ушами, а также кремневая фигурка плывущей птицы и глиняная скульптурная головка животного [Ошибкина, 1996, с. 230].

На полу жилищ были найдены янтарные украшения — 11 пуговиц (пять полных), восемь подвесок, фрагмент кольца и цилиндрическая подвеска, всего 21 предмет [Ошибкина, 1978, с. 126] (23 — по М. П. Зиминной). Пуговицы с V-образным сверлением, круглые линзовидные в сечении. Мелкие подвески трапециевидные, нерегулярные; одна подвеска орнаментирована крупными зубцами по бокам и основанию, одна подвеска сделана из сломанной пуговицы; мелкое кольцо; пронизка (рис. 2).

Крупная коллекция украшений происходит из могильника Каргулино, памятника круга стоянки Модлона 2 периода энеолита. Могильник Каргулино находится у д. Каргулино в местности Пески на южном берегу Белого озера у истока р. Шексны, с правой стороны (см. рис. 1). Вдоль южного берега Белого озера известны остатки нескольких неолитических стоянок. Находки из могильника Каргулино иногда упоминают как находки в Крохинских Песках. В свое время при строительстве дороги на ее полотно высыпали песок из соседней древней дюны, где было расположено кладбище. Изделия из янтаря и кремня

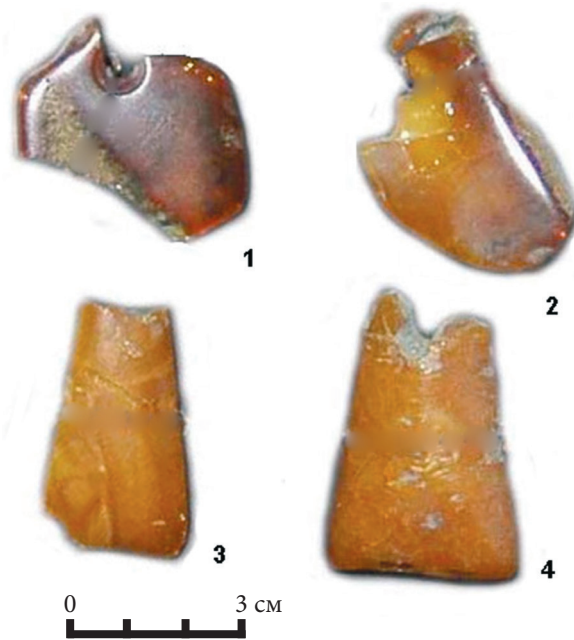

Рис. 2. Янтарные украшения с поселения Модлона
в экспозиции Вологодского государственного музея-заповедника

можно было встретить на дороге и дюне. Янтарь обнаружен при осмотре дюны в 1947 году группой школьников под руководством А. А. Алексеевой. Когда было замечено красное охристое пятно, руководитель группы предложила раздуть песок, чтобы посмотреть, что под ним. Так было найдено древнее погребение с янтарным ожерельем из восьми подвесок. Впервые сведения о находках опубликованы А. Я. Брюсовым, а затем неоднократно приводились в работах разных авторов. В 1969 году в Песках работала Северная экспедиция Института археологии АН СССР под руководством С. В. Ошибкиной, которой удалось установить, что в этой местности существовал могильник позднего неолита, названный Каргулино. Он занимал вершину дюны примерно в середине между р. Шексной и каналом.

В погребениях, засыпанных красной охрой, находились янтарные подвески, пуговицы с V-образным сверлением, кремневые наконечники стрел. По форме янтарных изделий и наконечников, среди которых есть длинные иволистные и плоские широкие, а также по найденной

здесь пористой керамике с характерным орнаментом установлено, что могильник может быть датирован последней четвертью III тыс. до н. э. Оставившее его население принадлежало к той же этнокультурной группировке, которая оставила свайное поселение Модлона [Ошибкина, 1996, с. 230].

По публикациям, коллекция могильника Каргулино насчитывает 160 предметов [Ошибкина, 1978, с. 130]. По нашим данным, только в Череповецком музее (фонд археологии, коллекция № 1930) находится 145 предметов (рис. 3) и несколько обломков, которые трудно атрибутировать (возможно, это фрагменты учтенных предметов), в Вологодском государственном музее-заповеднике — 12 предметов (рис. 4) (ВГМЗ-38274/1-12) и 70 предметов в хранении ГИМа (рис. 5) (по публикациям). При раскопках средневекового могильника в местности Пески под руководством Н. А. Макарова в 1994 году были найдены еще три янтарные пуговицы [Макаров, Новикова, 2001].

Таким образом, коллекция могильника Каргулино насчитывает около 230 предметов, а в целом янтаря было найдено еще больше, если учитывать сообщения о частных сборах в этой местности. Из 157 предметов, хранящихся в музеях области, 98 составляют пуговицы, 59 — подвески.

Пуговицы с V-образным сверлением, круглые, крупные и мелкие с линзовидным, в единичных случаях сегментовидным сечением. Одна из крупных пуговиц переоформлена в подвеску и имеет сверление с краю. Еще одна из крупных пуговиц имеет насечки. Подвески небольшие, овальные, прямоугольные (наибольшая длина 6,5 см), трапециевидные, нерегулярные с прямо срезанным, закругленным, скошенным основанием. Две подвески фигуральные. Около 6 % подвесок подвергались ремонту, на них было просверлено второе отверстие после того, как сломалось первое.

Несколько янтарных предметов представлены в сборах на территории древнего Белоозера (см. рис. 1). Из шести янтарных украшений с каменным веком, возможно, связана одна крупная буса, происходящая из любительских сборов на Белоозере [Захаров, 2004, рис. 339: 30]. Она напоминает бусу-шайбу могильника Бревенный. Еще одна находка — янтарная пуговица с V-образным сверлением была найдена

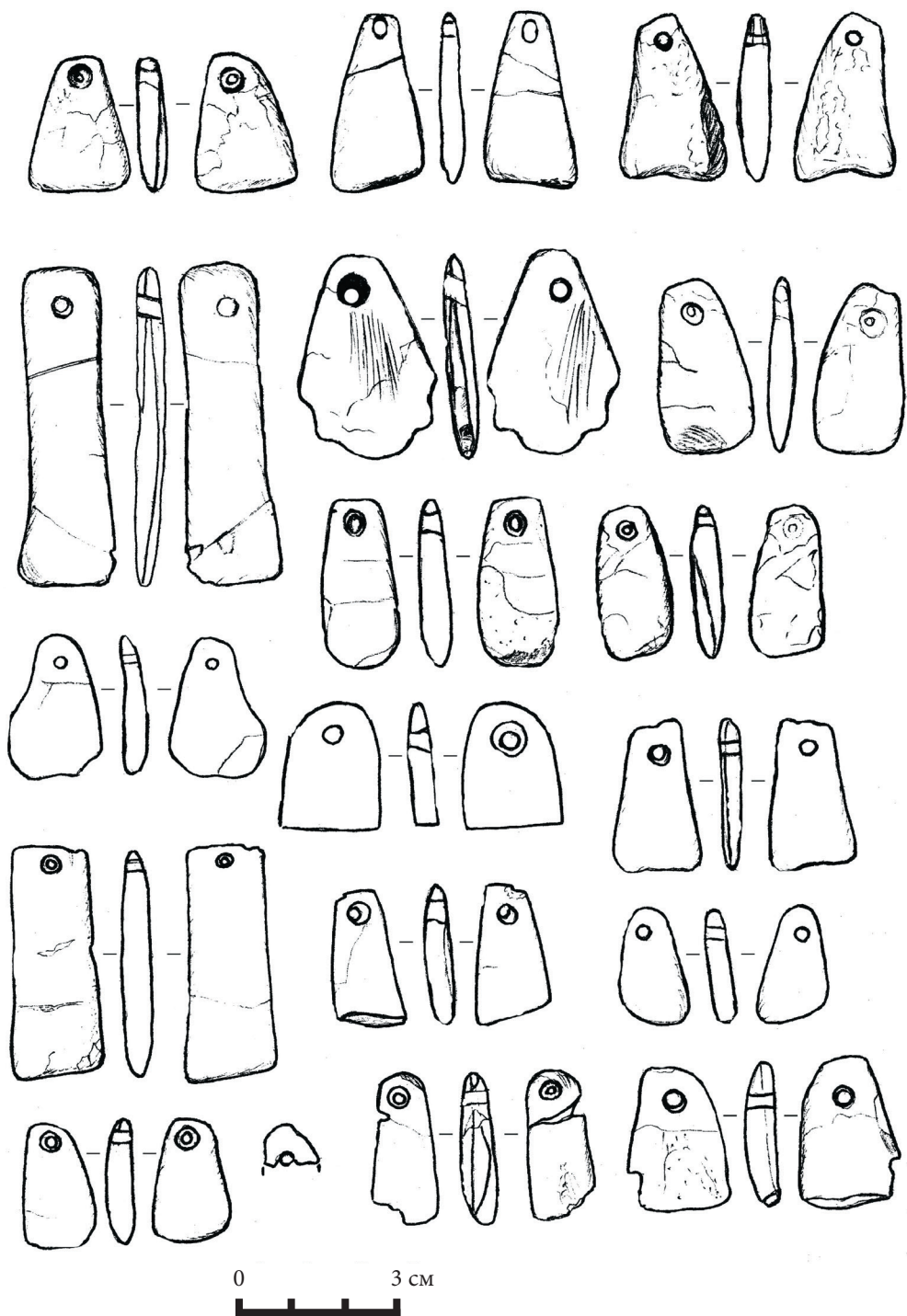

Рис. 3. Янтарные подвески из могильника Каргулино (Крохинские Пески)
 (коллекция Череповецкого музейного объединения)

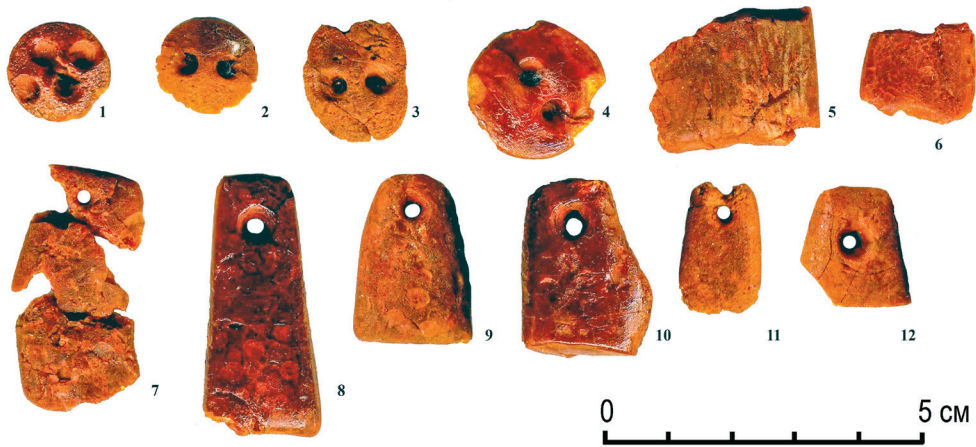

Рис. 4. Янтарные украшения из могильника Каргулино (Крохинские Пески)
(коллекция Вологодского государственного музея-заповедника)

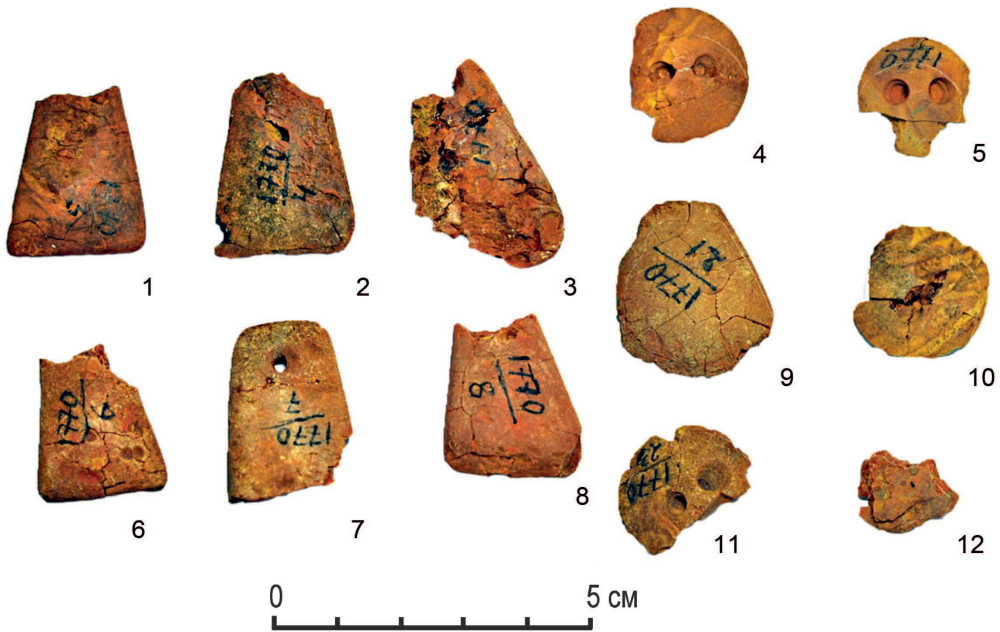

Рис. 5. Янтарные подвески и пуговицы
из могильника Каргулино (Крохинские Пески)
(коллекция Государственного исторического музея, г. Москва)

в 1997 году на участке 8 в Центральной части правобережного поселения (рис. 6). Со слов С. Д. Захарова, вероятно, происходит из погребения, поскольку при ее обнаружении в воде было отмечено наличие охры. Находка передана в фонды Кирилло-Белозерского музея.

1 см

Рис. 6. Янтарная пуговица из сборов на территории древнего Белоозера

Коллекции янтаря погребальных комплексов более представительны, в отличие от находок на поселениях. Среди могильников исключение составляет неолитический могильник Бревенный (каргопольская культура), где найден всего один предмет — янтарная буса — шайба [Ошибкина, 1978, с. 59]. Могильник находится на окраине стоянки мыс Бревенный, найденной в 5 км от места Чаронда, на западном берегу оз. Воже (см. рис. 1). В погребении № 6 найден янтарный кружок (по С. В. Ошибкиной, — янтарная бусина). Датируется исследователем серединой III тыс. до н. э. и относится к позднему периоду каргопольского неолита.

Янтарные изделия собраны на каргопольской стоянке Место Против Гостиного берега (развитый неолит), всего два предмета: овальная подвеска с закругленным верхом и основанием и крупная круглая пуговица с V-образным сверлением. Стоянка находится на южном побережье оз. Воже (см. рис. 1). Находка янтаря объясняется близким расположением этой стоянки к стоянке Модлона и существующими между населением связями [Ошибкина, 1978, с. 54].

На разрушенном многокомплексном поселении Шолопасть найдена небольшая янтарная круглая пуговица [Андрианова, 2010].

Предмет с поселения Андога представлен небольшим неопределенным обломком янтаря [Кудряшов, 1999, с. 43].

Самая крупная коллекция янтаря происходит из 10 погребений могильника Тудозеро VI, который расположен на юго-восточном берегу Онежского озера, в 650 м к югу от протоки, соединяющей оз. Тудозеро с Онежским озером (см. рис. 1). А. М. Иванищев сопоставляет могильник с памятниками волосовской культурной общности середины III — начала II тыс. до н. э. [Иванищев, 1996]. Всего найдено 408 предметов (рис. 7), из них: бусы, шайбы и пронизи — 189 шт., пуговицы — 114 шт., подвески — 81 шт., кольца — 16 шт., обломки неопределимых изделий — 9 шт. (см. также статью М. В. Иванищевой в настоящем сборнике).

Пронизи найдены в пяти погребениях, при этом в погребении 3 встречен только этот вид украшений. Представлены пронизи цилиндрические, ровные и с утолщением посередине, косо и прямо обрубленные, разных размеров. Часть из них можно отнести к плоским бусинам. В погребении 8 обломок пронизки имеет два сверления, одно из которых не завершено. Из-за наличия второго сверления данный предмет ошибочно относят к подвескам. В четырех погребениях найдены пуговицы с V- и W-образным сверлением. Пуговицы крупные, овальные, с сегментовидным сечением, в двух случаях с кольцевой нарезкой и мелкие, круглые, с линзовидным и сегментовидным сечением. Кольца разного размера встречены в семи погребениях. Кольца линзовидного и сегментовидного сечения, с узким или широким отверстием в середине. На трех крупных кольцах имеются насечки по ребру. Большинство подвесок, из семи погребений, трапециевидной формы, крупного, среднего, маленького (2 см) размера, имеют прямо срезанные, слегка изогнутые или выемчатые основания. Помимо трапециевидных, присутствуют овальная, округлая, асимметричная и ключевидная подвески. Крупные подвески имеют по два отверстия. Две трапециевидные подвески по бокам имеют зубчатые выемки, одна — орнамент в виде крестообразных насечек. Следует отметить тот факт, что проводился небольшой ремонт вещей. Например, об этом свидетельствуют подвески из погребений 2, 5, которые имеют два отверстия.

Исследования комплекса многослойных поселений Вёкса способствовали пониманию историко-культурной ситуации в бассейне р. Верхняя Сухона. Эти памятники находятся в центре Присухонской

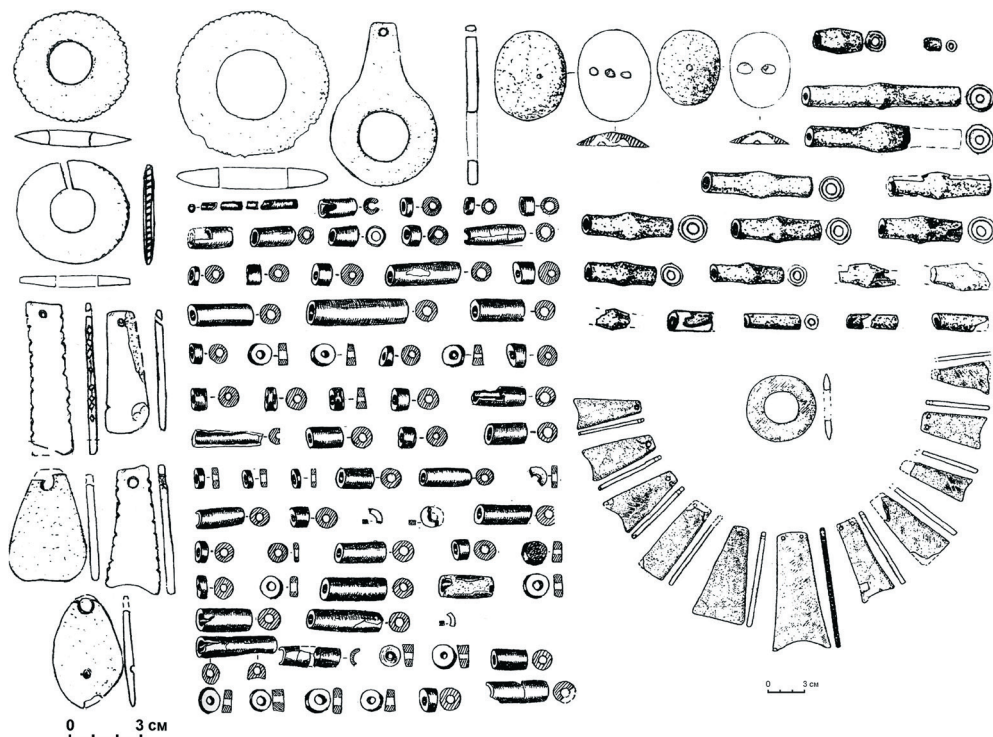

Рис. 7. Сводка типов янтарных украшений могильника Тудозеро VI. Погребения 1–8 (по А. М. Иванищеву)

низины. Здесь выявлены слои с периода раннего неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века, Средневековья. Поселенческие комплексы дополняются погребальными объектами. На Вёксе выделено 15 культурно-хронологических комплексов, которые дополняются девятью комплексами поселения Вёкса III, среди которых несколько комплексов с пористой керамикой [Недомолкина, 2020, с. 7]. Для свайной конструкции памятника Вёкса III получены даты, которые варьируют от 4445 до 4130 ВР (конвенциональные даты).

Также получены даты для двух деревянных объектов (матов-вершей). Объект № 1 относится ко времени 2872 года до н. э. (калиброванная дата) с вероятностью 95,4 % (4160 ± 28 ВР (MAMS-27315)). С вероятностью 68,2 % время существования этого объекта 2879–2633 года до н. э. (калиброванная дата). Объект № 2 датируется 2467 лет до н. э.

с вероятностью 95,4 % (3910 ± 28 BP (MAMS-27314)). С вероятностью 68,2 % это 2473—2300 лет до н. э. (калиброванная дата).

В слое поселения Вёкса найдены три подвески (одна обломок) и три обломка колец с округло-треугольным сечением. На втором участке поселения Вёкса III найдена подвеска подовальной формы с округлым основанием, переоформленная в пуговицу (рис. 8).

Нужно отметить своеобразие янтарных украшений с поселения Вёкса. Самобытность изделий позволяет предположить, что янтарь мог поступить сюда в виде заготовок. Об этом свидетельствует нетипичная форма подвесок и безуспешная попытка сверления с торца большой заготовки. Вторая подвеска имеет следы ремонта. Отмечалось, что в основе обмена на Севере лежало сырье [Витенкова, 1996].

Янтарные предметы, найденные на поселении Вёкса, массивностью заготовки, не типичностью формы напоминают янтарные изделия с энеолитических поселений Карелии. Вёксинские янтарные находки связаны с комплексами с пористой керамикой типа Модлона, Модлона 2.

Основываясь на типологии и хронологии восточно-прибалтийских типов янтарных украшений, разработанной И. А. Лозе [Лозе, 1979], все украшения из янтаря памятников Вологодской области разделены на четыре вида: подвески, кольца, кружки и бусины, в которые входят пронизи и пуговицы (таблица). Из подвесок, которые найдены на шести

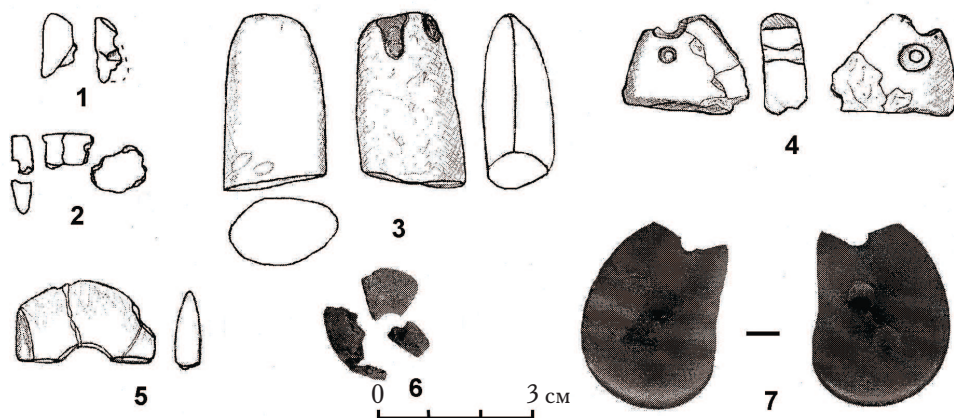

Рис. 8. Янтарные украшения: 1—6 — поселение Вёкса, 7 — поселение Вёкса III

**Типы янтарных украшений памятников археологии
Вологодской области**

Название, тип	Памятники								
	Шолонасть	Тудозеро VI	Каргулино	Модлона	МПГБ	Мыс Бревенный	Вёкса III	Вёкса	Белоозеро
Подвески									
1. Трапециевидные	—	—	—	—	—	—	—	—	—
А) с прямым основанием	—	+	+	+	—	—	—	—	—
Б) с вогнутым основанием	—	+	—	—	—	—	—	—	—
В) с насечками и зубчиками по краям	—	+	—	+	—	—	—	—	—
2. Овальные	—	+	+	—	+	—	+	—	—
3. Ключевидные	—	+	—	—	—	—	—	—	—
А) с большим отверстием	—	+	—	—	—	—	—	—	—
4. Асимметричные	—	+	+	—	—	—	—	—	—
5. Нерегулярные	—	—	+	+	—	—	—	+	—
6. Фигурные	—	—	+	—	—	—	—	—	—
7. Прямоугольные	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Кольца, кружки									
А) округло-треугольного (линзовидного) сечения	—	+	—	—	—	—	—	+	—
Б) сегментовидного	—	+	—	—	—	—	—	—	—
В) прямоугольного	—	+	—	—	—	+	—	—	—
Бусины									
1. Пронизи	—	—	—	—	—	—	—	—	—
А) цилиндрические	—	+	—	+	—	—	—	—	—
Б) кольцеобразные	—	+	—	—	—	—	—	—	—
В) бочонковидные	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Г) со 2-м сверлением	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Д) с расширением в середине	—	+	—	—	—	—	—	—	—
2. Пуговицы	—	—	—	—	—	—	—	—	—
А) округлые	+	+	+	+	+	—	—	—	+
Б) овальные	—	+	+	—	—	—	—	—	—
В) переоформленные из подвесок	—	—	—	—	—	—	+	—	—

памятниках, преобладают трапециевидные с прямым, закругленным основанием. На могильнике Тудозеро VI зафиксирован большой процент подвесок с вогнутым основанием, асимметричных на могильнике Каргулино. Овальные, нерегулярные, фигурные, ключевидная — присутствуют на разных памятниках в единичных экземплярах. Наиболее распространенный вид украшений — это *бусы* в виде пуговиц овальной и округлой формы, они представлены на шести памятниках. Для пуговиц характерно сечение линзовидной, сегментовидной формы, со сверлением V-образной формы и редко W-образной. *Кружки и кольца* встречаются в единичных экземплярах. Среди колец преобладают предметы с линзовидным или округло-треугольным сечением. Для всех видов и типов предметов характерны размеры — малый, средний, большой. Для *пронизей* — обработка концов делится на прямо рубленные и косо рубленные. Для подвесок: сверления — одно- и двусторонние, сечения — пластинчатые и объемные. Основной цвет янтаря оранжевый и желтый, редко красный (Модлона, Вёкса). Отмечено, что многие предметы, особенно на могильниках Каргулино и Вёкса, имеют следы ремонта.

Восточноприбалтийское происхождение предметов из янтаря, найденных на памятниках Русского Севера в эпоху неолита — энеолита, признается всеми исследователями. Территориальная локальность происхождения позволяет рассмотреть существовавшие в древности пути расселения и/или торговые связи с населением прибалтийского региона. Стоянки с находками янтаря на территории Вологодской области датируются в рамках III тыс. до н. э. и соотносятся с неолитической каргопольской керамикой и пористой керамикой круга Волосова. Все имеющиеся на памятниках виды и типы изделий из янтаря относятся к восточно-прибалтийской группе янтарных украшений. Отсутствие пуговиц в материалах поселения Вёкса, как и могильника Бревенный, позволяют датировать эти комплексы предположительно первой половиной III тыс. до н. э. Наблюдается достаточно типичный набор украшений для памятников Каргулино, Модлона, Место Против Гостиного берега, Шолопасть, Белоозеро, могильника Тудозеро VI (погребения 9—10), которые отнесены ко второй половине III тыс. до н. э. Отличается от всего набора янтаря материал погребений 1—8 могильника Тудозеро VI его

большей пластинчатостью и многообразием видов и типов украшений. Эти материалы, по нашему мнению, наиболее поздние — вторая половина III тыс. до н. э. — начало II тыс. до н. э., что не противоречит авторской датировке комплекса в целом [Иванищев, 1996, с. 9]. Янтарные украшения свидетельствуют о поступлении, как минимум, трех больших разновременных партий янтаря в Прионежье и на р. Сухону на протяжении III тыс. до н. э.

Библиографический список

1. Андрианова Л. С. Отчет о работе Сухонско-Кубенской АЭ в Белозерском и Тотемском районах Вологодской области в 2010 году / Л. С. Андрианова // Архив Института археологии РАН (рукопись).
2. Кудряшов А. В. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселений Октябрьский мост в г. Череповце, Андриюшино-Ирма в Шекснинском районе, Луковец в Череповецком районе и о разведках в Череповецком, Шекснинском, Белозерском и Кадуйском районах Вологодской области в 1999 году / А. В. Кудряшов // Архив музея археологии Череповецкого музейного объединения. — № 1189/09-6.
3. Брюсов А. Я. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области / А. Я. Брюсов // Материалы и исследования по археологии СССР : сб. ст. / Акад. наук СССР. — Москва ; Ленинград, 1951. — № 20 : Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР. — С. 7—76.
4. Витенкова И. Ф. Памятники позднего энеолита с примесью органики и асбеста / И. Ф. Витенкова // Археология Карелии / С. И. Кочкуркина, М. Г. Косменко, В. Ф. Филатова [и др.] ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. — Петрозаводск, 1996. — С. 161—173.
5. Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии / И. Ф. Витенкова ; Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т языка, лит. и истории. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 2002. — 180, [2] с. : ил., табл.
6. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро / С. Д. Захаров ; Рос. акад. наук, Ин-т археологии. — Москва : Индрик, 2004. — 392 с., [100] л. ил., цв. ил. : табл.

7. *Иванищев А. М.* Могильник на Тудозере / А. М. Иванищев // Известия Вологодского общества изучения северного края. — Вологда : ВОУБ, 1996. — Вып. V. — С. 3—28.
8. *Крайнов Д. А.* Волосовская культура / Д. А. Крайнов // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы / Ж. В. Андреева, И. И. Артеменко, О. Н. Бадер [и др.]; отв. ред. О. Н. Бадер [и др.]. — Москва, 1987. — С. 10—27.
9. *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины / И. А. Лозе. — Рига : Зинатне, 1979. — 204 с.
10. *Макаров Н. А.* Могильник Крохинские Пески — некрополь Белоозера X—XI вв. / Н. А. Макаров, Г. Л. Новикова // Средневековое расселение на Белом озере / Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А. П. Бужилова ; Ин-т археологии РАН. — Москва, 2001. — С. 279—309.
11. *Недомолкина Н. Г.* Энеолитические комплексы поселений Вёкса, Вёкса 3 в бассейне Верхней Сухоны / Н. Г. Недомолкина // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней : сб. тез. докл. науч. конф., Соловки, 7—12 сент. 2020 г. / Соловец. гос. истор.-архитектур. и природ. музей-заповедник ; отв. ред.-сост.: А. Я. Мартынов, А. В. Алёшкова. — Архангельск, 2020. — С. 93—101.
12. *Ошибкина С. В.* Каргопольская культура и памятники типа Модлона / С. В. Ошибкина // Неолит Северной Евразии / Т. Д. Белановская, В. В. Бжания, Н. Н. Гурина [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т археологии ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Москва, 1996. — С. 221—230. — (Археология / под общ. ред. Б. А. Рыбакова).
13. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья / С. В. Ошибкина. — Москва : Наука, 1978. — 230 с. : ил.
14. *Ошибкина С. В.* Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре / С. В. Ошибкина // Советская археология. — 1966. — № 4. — С. 27—37.
15. *Третьяков В. П.* Волосовская керамика Панфиловской стоянки / В. П. Третьяков // Советская археология. — 1967. — № 1. — С. 233—235.
16. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР / М. Е. Фосс. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — 280 с., 5 л. ил., карт. : ил., карт. — (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры; № 29).

Иванищева Марина Викторовна,

*начальник Восточно-Прионежской археологической экспедиции,
г. Вологда*

ПОСЕЛЕНИЕ ТУДОЗЕРО V И МОГИЛЬНИК ТУДОЗЕРО VI В ЮЖНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Могильник Тудозеро VI входит в комплекс археологических памятников «Поселения и могильники Тудозерская кенда» на юго-восточном берегу Онежского озера, расположенных в 2,3 км юго-западнее д. Щекино Андомского сельского поселения в Вытегорском районе Вологодской области. Название комплекса определяется расположением выявленных памятников на песчаной косе (кенде) между Онежским озером и оз. Тудозеро, протяженность которой около 1 км. Коса вытянута в направлении север — юг и отделена с севера от материковой части протокой, соединяющей озера. Центральным в комплексе является многослойное поселение Тудозеро V, в границах которого выделен в отдельный объект «Могильник Тудозеро VI» с погребениями, сопровождавшимися наборами янтарных украшений.

Первые археологические находки на Тудозере обнаружены И. С. Поляковым в 1871 году у залива Щучья Тоня у д. Бабовщина в ходе его экспедиции по Олонецкой губернии. Это была первая, ставшая известной, стоянка эпохи неолита на Русском Севере, в настоящее время входит в комплекс «Тудозерская кенда» как «Поселение Тудозеро VIII. Неолит — ранний железный век». Поиски археологических памятников в XX веке в южном Прионежье проводили А. Я. Брюсов, Г. А. Панкрушев, Ю. А. Савватеев, С. В. Ошибкина, открывшие ряд памятников по берегам Тудозера. Расположенные на кенде «Поселение и могильник Тудозеро VII. Неолит — Средневековье», «Стоянка Устье-Тудозерское. Энеолит, эпоха бронзы» открыты А. М. Иванищевым в 1986 году, как и центральное в комплексе «Поселение и могильник Тудозеро V. Мезолит — Средневековье» [Иванищев, 1997]. На возвышенной северной части поселения выявлен могильник каменного века, оставленный насельниками эпохи мезолита и раннего неолита [Иванищев, Иванищева, Болонин, 2006].

Многослойное поселение Тудозеро V занимает ровную площадку в центральной части косы, окруженную с севера и юга песчаными дюнами, в 0,65 км к югу от протоки. Высота поверхности над уровнем воды 2—5 м, наименьшая со стороны Тудозера. Общая площадь поселения около 3000 кв. м. В период с 1987 по 2005 год 14 раскопами исследованы 1276 кв. м при залегании культурных напластований в отдельных местах до глубины до 4,5 м под перекрытием песчаных дюн (рис. 1).

Памятник стратифицирован. Выявлены слои от эпохи мезолита до Средневековья. В наиболее пониженной части древнего рельефа — древней западине слой эпохи мезолита, залегающий ниже современного уровня воды, и два слоя раннего неолита разделены стерильными прослойками эолового происхождения и перекрыты 1,5-метровым слоем наносного песка, отделяющим нижний уровень напластований от верхнего.

Для объектов нижнего уровня культурных отложений получена серия радиоуглеродных определений. Дата из культурного слоя эпохи мезолита 8280 ± 35 ВР (ЛЕ-6701) указывает на начало заселения участка дюны в конце бореального периода. Каменная индустрия древних насельников в это время была целиком основана на местном сырье с приоритетом изготовления орудий из кремня и сланца [Иванищева, Васильева, Кулькова, 2015]. Костяные украшения и поделки, сохранившиеся во влажном культурном слое, имеют аналогии в Оленеостровском могильнике в северной части Онежского озера и подтверждают культурное единство населения Обонежья в этот период [Иванищева, 2010, с. 23].

Два ранненеолитических слоя свидетельствуют о поэтапном освоении участка разнокультурным населением. В нижнем слое с ранней гребенчатой керамикой выявлены многочисленные очаги, зольники, хозяйственные и ритуальные ямы — признаки долговременного (круглогодичного обитания) поселения. По углю из очага слой датирован 6600 ± 20 ВР (ЛЕ-6700). Вышележащий слой с керамикой раннего этапа культуры сперрингс связан с кратковременными, периодически возобновляющимися стоянками, по углю из кострища датирован 6075 ± 20 ВР (ЛЕ-6699) [Иванищева, Иванищев, 2004]. Даты по нагару на керамике:

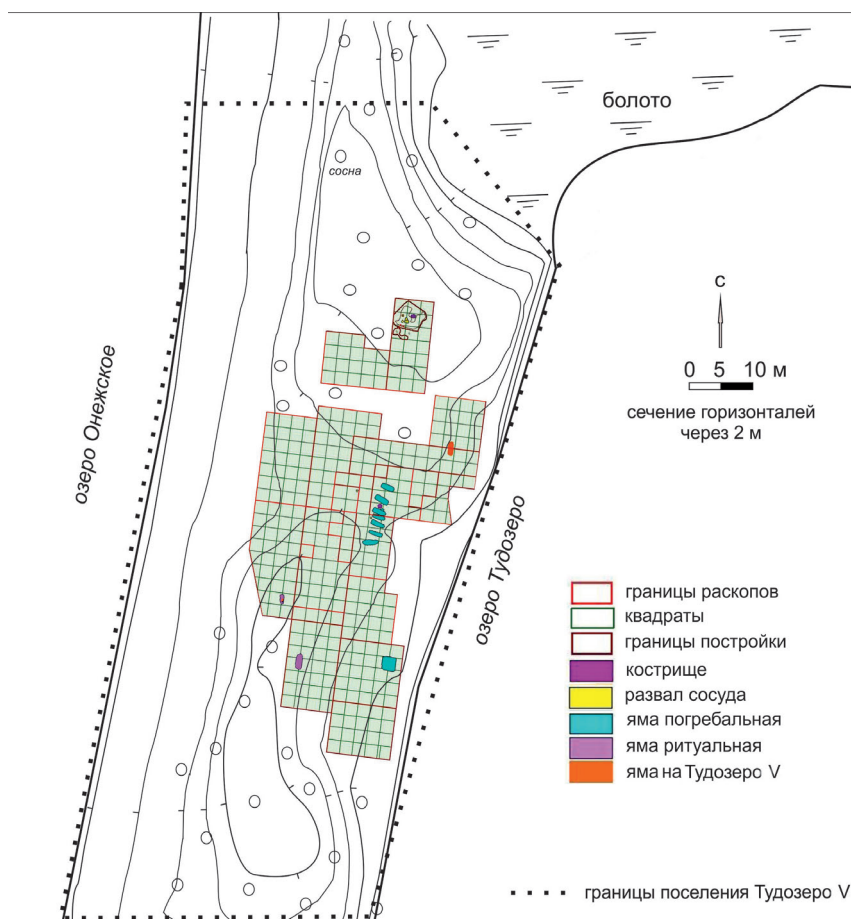

Рис. 1. План поселения Тудозеро V и могильника Тудозеро VI.
Рельеф поверхности

с гребенчатым орнаментом — 6660 ± 32 BP (AAR-17174) и с позвонковым орнаментом — 6241 ± 30 BP (AAR-17173) подтверждают стратиграфические данные и уточняют время появления разнокультурных групп населения в раннем неолите в Обонежье [Иванищева, 2014].

В верхнем уровне отложений наиболее выражен слой раннего железного века рубежа эр с жилыми постройками, производственным железоделательным комплексом и гончарным горном в виде глубокой ямы с воздуходушными каналами и развалами обжигавшихся сосудов [Иванищев, 2005].

Находки грубой лепной керамики в разнообразных по устройству постройках средневекового слоя свидетельствуют об использовании участка косы разноэтничным населением в конце I — начале II тыс. н. э. в качестве перевалочного пункта на магистральном водном пути из ранних городских центров Северной Руси — Ладоги, Новгорода, Белоозера — на Балтику [Иванищева, 2018].

Материалы среднего неолита — энеолита приурочены к верхнему уровню отложений — к рыже-желтому песку, подстилающему слои Средневековья и раннего железного века. Отдельные скопления ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики маркируют кратковременные сезонные стоянки этого времени [Иванищева, Жульников, Кулькова, 2019].

Могильник Тудозеро VI, устроенный на выровненной после заноса древней западины поверхности, был исследован А. М. Иванищевым в 1989—1991 годах, а в северной возвышенной части поселения изучено жилище с пористой и асбестовой керамикой со свидетельствами металлообработки, датированное концом III — началом II тыс. до н. э. [Иванищев, Иванищева, 2006]. В комплекс объектов, связанных с могильником, входит яма в северо-восточной части памятника, заполненная охрой, — для хранения и обработки минерала, использовавшегося в ритуальной практике. Две ямы с засыпкой охрой и кремневыми отщепами выявлены на юго-западной окраине раскопанной площади. По размерам они близки погребальным ямам могильника, но ориентированы по длинной оси меридионально, в отличие от близкой к широтной ориентировке могил некрополя (рис. 1).

Могильник в центральной части памятника состоит из 10 погребений, сопровождавшихся наборами янтарных украшений, каменным сырьем и орудиями [Иванищев, 1996]. Все погребения совершены в ямах чашеобразной формы, зафиксированная глубина ям 0,15—0,5 м. На дне ям проявлены пятна охристой засыпки от красно-малинового до красно-коричневого цвета. Размеры охристых пятен в диапазоне 1,9—2,2 × 0,7—0,8 м близки положению вытянутого человеческого тела. Костяки не сохранились. По расположению янтарных украшений на охристом пятне определяется ориентировка погребенных — головой

на восток с небольшим отклонением к югу. Планиграфически выделяются две группы: компактно расположенные погребения 1–8 (индивидуальные) в северной части некрополя и погребение 9, 10 (парное) в единой яме в его южной части (рис. 2).

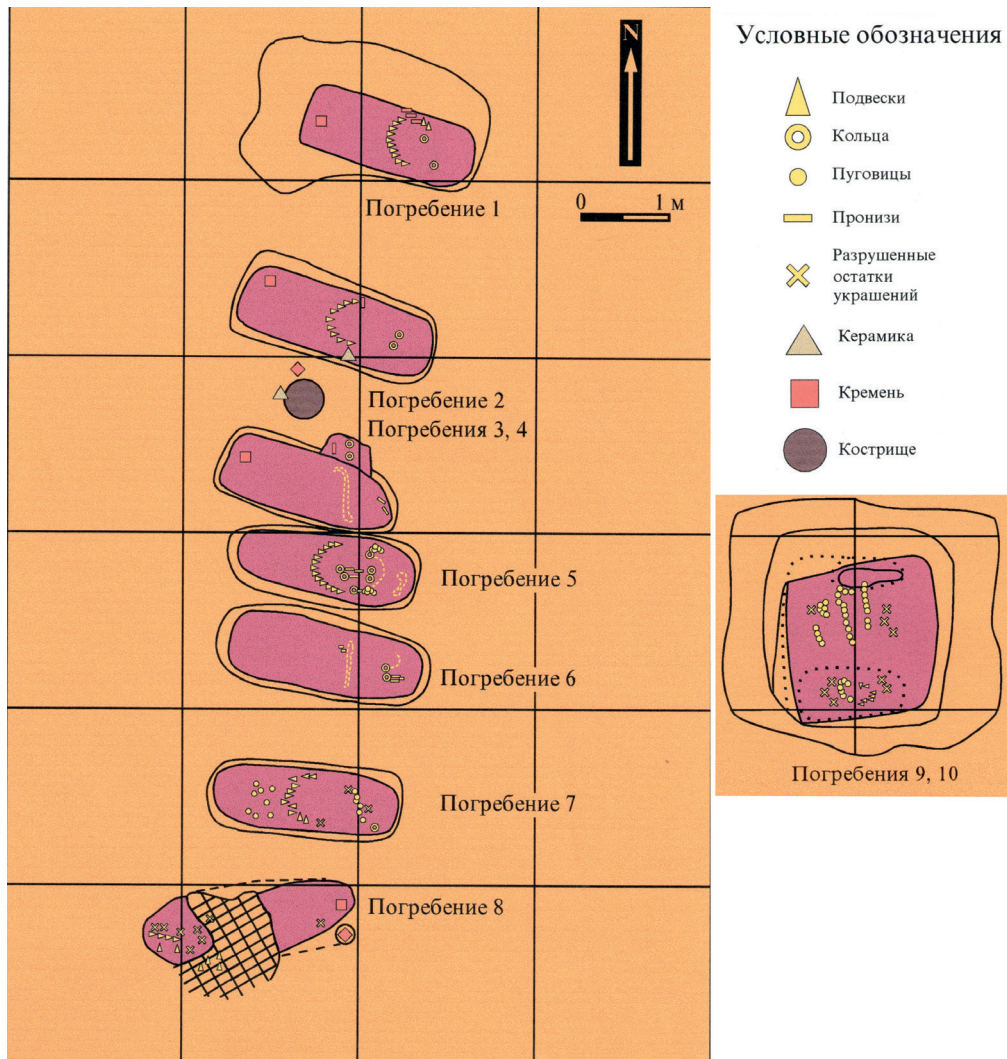

Рис. 2. Схема могильника Тудозеро VI. Северная часть. Погребения

В северной части некрополя между погребениями 2 и 3 располагалось ритуальное кострище с остатками обугленной плашки и воткнутым в нее наконечником копья из белого кремня, рядом найдена часть сосуда (рис. 3). Еще один фрагмент подобного, но неидентичного сосуда обнаружен в погребении 2. Керамика напоминает посуду «типа Пиести-ня» Восточной Прибалтики, откуда происходят и все янтарные украшения, найденные на Тудозере. Подчеркнем, что в культурных слоях поселения подобная керамика не обнаружена, несмотря на значительную вскрытую площадь, что, возможно, предполагает пришлый характер населения, оставившего могильник, по крайней мере, его раннюю часть [Иванищева, 2010, с. 23, 33].

Рис. 3. Могильник Тудозеро VI.

Находки из кострища:

- 1 — наконечник копья, кремень,
2 — фрагмент сосуда, керамика

По набору янтарных украшений могильник разделяется на две хронологические группы: раннюю, включающую погребения 1—8, совершенные в первой половине III тыс. до н. э., и более позднее парное погребение 9, 10 второй половины III — начала II тыс. до н. э. (в радиоуглеродных, некалиброванных датах) [Жульников, 2008, с. 137]. На более поздний характер погребений 9, 10 указывает наличие более мелких форм янтарных изделий, в том числе со следами ремонта, и различие в обрядности: обособленное месторасположение вне ряда ранних погребений, интенсивная засыпка охрой лишь части погребенного и, возможно, противоположная ориентировка — головой на запад.

Всего в 10 погребениях обнаружено 408 предметов из янтаря, сведения о составе которых представлены в таблице. Упорядоченное расположение янтарных изделий в погребениях дает представление об определенных наборах украшений, которые, скорее всего, нашивались на «парадный» костюм.

Таблица

Могильник Тудозеро VI.

Количественное соотношение янтарных украшений в погребениях

№ погребения	Подвески	Кольца	Пронизи	Шайбы и бусы	Пуговицы	Обломки неопред.	Всего
1	12	2	—	—	—	—	14
2	9	2	—	—	—	—	11
3	—	—	30	39	—	—	69
4	—	2	—	—	—	1	3
5	27	6	30	12	15	1	91
6	—	2	51	14	—	2	69
7	12	1	—	—	15	4	32
8	11	1	12	—	—	—	24
9	1	—	—	—	64	1	66
10	9	—	—	—	20	—	9
Всего	81	16	123	65	114	9	408

Рассмотрим погребальный убор наиболее «богатого» погребения 5 в центральной части раннего могильника и сделаем отсылки на подобные наборы в других погребениях.

Все янтарные наборы были обнаружены в восточной половине овального охристого пятна размером $2,1 \times 0,8$ м, вытянутого по линии запад — восток, зауженного в западной и расширенного в восточной части (см. рис. 2). Конечно, рост погребенного был несколько меньше размеров пятна. Учитывая положения «в ногах» сопутствующего инвентаря в других погребениях на 20—30 см от концов пятен, можно полагать, что средний рост данного погребенного был в диапазоне 170—180 см. Разделив оставшуюся длину пятна на восемь частей, соответствующих пропорциям человеческого тела, рассмотрим расположение наборов украшений в соответствии с ними (рис. 4).

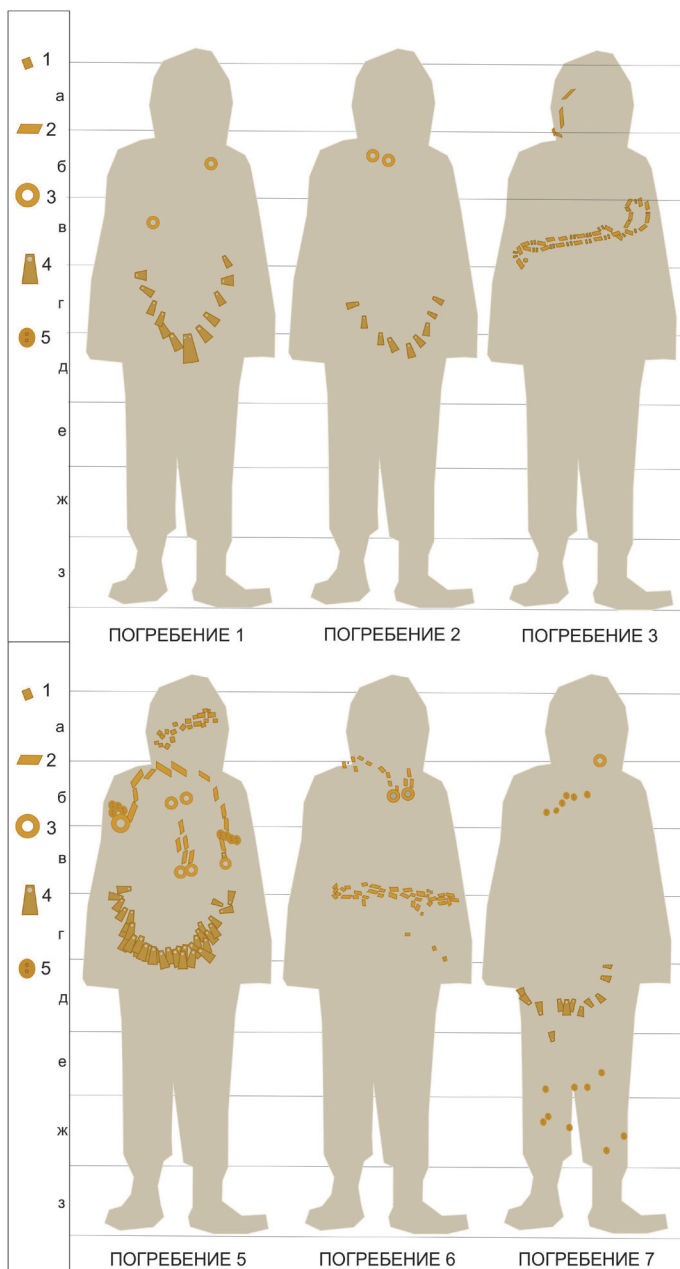

Рис. 4. Могильник Тудозеро VI. Схема расположения янтарных украшений в погребениях 1–7: 1 – бусы, шайбы, 2 – пронизи, 3 – кольца, 4 – подвески, 5 – пуговицы: а – головной убор, б – шейно-плечевая гарнитура, в – нагрудная гарнитура, г – поясная гарнитура, д – набедренная гарнитура, е, ж – украшения ног, з – голеностопная зона

В зоне головы в погребении 5 располагались 27 украшений, в числе которых: тонкие цилиндрические (рис. 5: 7, 10, 15) и бочонковидные (см. рис. 5: 13) пронизи с равномерно расширенной центральной частью средних размеров (около 2 см), шайбы — косо и прямо обрубленные изделия с длиной, равной диаметру или меньшей (см. рис. 5: 8, 9, 11, 12), и кольцевидные бусы (см. рис. 5: 1—6, 14, 16). В погребении 3 головной убор украшали только тонкие цилиндрические пронизи (см. рис. 4).

Шейно-нагрудная гарнитура погребения 5 включала «ожерелье» из 15 изящных с расширенной округлой центральной частью бутылковидных пронизей средних и крупных размеров, достигающих в длину 6 см (см. рис. 5: 27—36). На концах свисающих на груди ниток пронизей красовались четыре кольца: одно крупных размеров с внешним диаметром 5,5 см и линзовидным сечением (см. рис. 5: 30), кольцо с выступом общей высотой 6 см (см. рис. 5: 4) и два кольца средних размеров с внешним диаметром 4 см, линзовидным сечением и насечками по краю (см. рис. 5: 40, 41). Еще два кольца средних размеров — одно с сегментовидным сечением и насечками по краю, другое — с узким внутренним отверстием и линзовидным сечением (см. рис. 5: 37, 38) — украшали область шеи в районе «ворот» (рис. 6).

Пронизи являются наиболее многочисленной группой украшений во всех ранних погребениях. В погребении 3 цилиндрические пронизи средних и крупных (4 см и более) размеров вместе с шайбами и кольцевидными бусами составляли основной нагрудно-плечевой набор с характерным чередованием длинных и парных коротких изделий. А в погребении 6 такой же набор из цилиндрических, бутылкообразных пронизей и кольцевидных бус располагался в области талии и, возможно, был нашит на пояс костюма (см. рис. 4).

Кольца встречены в семи погребениях в шейной и нагрудной областях: в погребении 1 и 2 — попарно, в погребении 6 — в составе с ожерельем из пронизей, а в погребении 7 — вместе с пуговицами, которыми, возможно, был обшит ворот/капюшон костюма (см. рис. 4).

В погребении 5 овальные пуговицы крупных размеров (2,7—3,5 × 2,3—2,8 × 0,5 см) располагались кучно с внешних сторон крайних нагрудных колец (см. рис. 4). Пуговицы имели линзовидное сечение

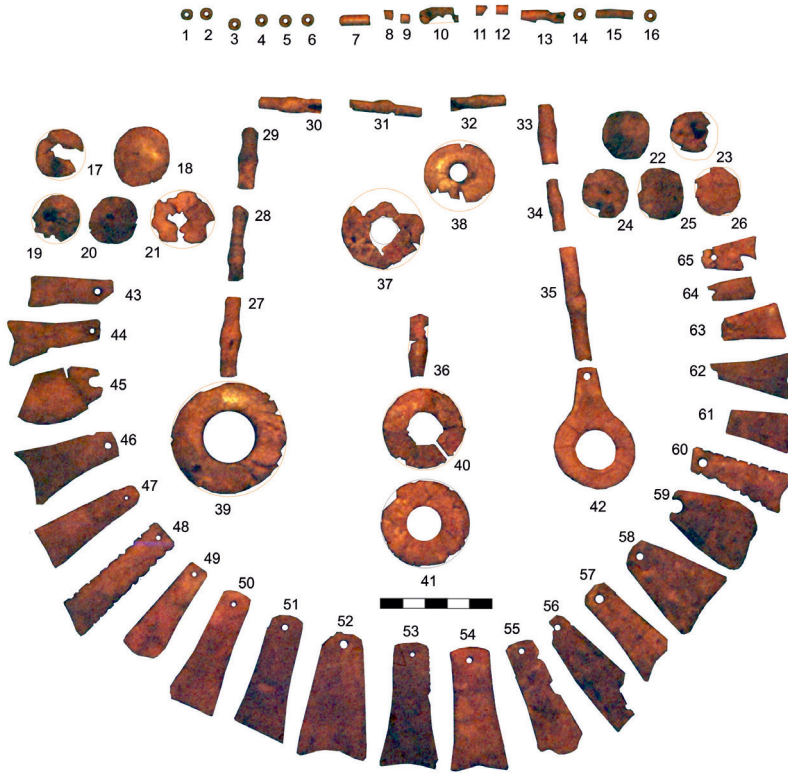

Рис. 5. Могильник Тудозеро VI. Погребение 5.
 Янтарные украшения: 1—16, 27—35 — бусы и пронизи, 17—26 — пуговицы,
 36—41 — кольца, 42 — кольцо с выступом, 43—65 — подвески

Рис. 6. Реконструкция костюма по материалам погребения 5 могильника Тудозеро VI
 (рисунок Н. Б. Васильевой)

и V-образное сверление с плоской стороны, иногда С-круговые нарезки по центру выпуклой стороны (см. рис. 5: 17—21, 22—26). Парно сложенные плоскими сторонами по семь с каждой стороны, они, скорее всего, были нашиты на рукава костюма в области предплечья (см. рис. 6). В ранних погребениях пуговицы немногочисленны. Их применение в уборе этого времени ограничивалось плечевой и икроножной областью, как в погребении 7, где они могли быть нашиты на нижнюю/брючную часть костюма по типу лампасов (см. рис. 4). В погребениях поздней группы 9, 10 пуговицы с V-образным сверлением составляют абсолютное большинство украшений, имеют более мелкие размеры (1,5—1,7 см), линзовидное или сегментовидное сечение. Как правило, они нашивались в несколько рядов на участки различных частей костюма (см. рис. 2).

Важную, если не ведущую, по значимости группу украшений в ранних погребениях представляли «ожерелья» из подвесок, составлявших поясную гарнитуру наборов. В погребении 5 обнаружены 27 пластинчатых подвесок средних размеров высотой 5—6 см, полукругом спускавшихся от пояса на верхнюю часть бедер. Большинство подвесок трапециевидной формы, с одним отверстием в узкой части, различались деталями оформления: прямым либо вогнутым основанием (см. рис. 5: 43—66); единичны изделия овальной формы и с асимметрично скругленным основанием (см. рис. 5: 45, 59); с вогнутыми гранями (см. рис. 5: 44), с рельефными боковыми гранями (см. рис. 5: 48, 60) и крестообразными насечками на них (см. рис. 5: 54). Подобные ожерелья из подвесок располагались в тазобедренной области в погребениях 1 и 2 (см. рис. 4). В погребении 1 представлены наиболее крупные экземпляры этих изделий высотой 8—10 см и 4—5 см по основанию, с двумя отверстиями в верхней части, при этом характерно центральное положение наиболее крупной подвески и уменьшение размеров изделий к краям гарнитуры (рис. 7: 1—11). В погребении 7 набор из 12 трапециевидных подвесок располагался исключительно в области верхней части бедер, не поднимаясь к поясу. Возможно, они были нашиты на подол короткой верхней части костюма (см. рис. 4).

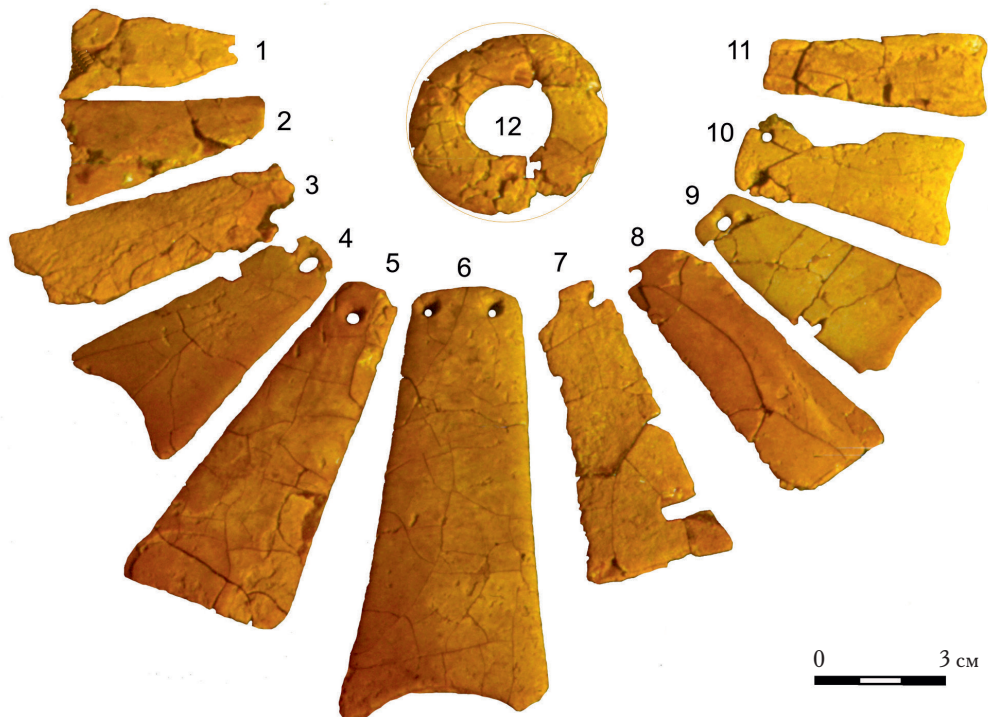

Рис. 7. Могильник Тудозеро VI. Погребение 1. Янтарные украшения:
1–11 — подвески, 12 — кольцо

Таким образом, рассмотрев наборы украшений из погребений могильника Тудозеро VI, можно констатировать, что древним насельникам была не чужда эстетика моды, а строго определенное расположение групп украшений на теле имело, по-видимому, и сакральный смысл. Наборы украшений имели большое значение в обрядовой практике и, вероятно, определяли особый социальный статус их обладателей, о чем свидетельствуют обилие украшений, следы ремонта и переоформления изделий.

Библиографический список

1. Жульников А. М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н. э. как фактор социального взаимодействия / А. М. Жульников // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций /

- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 134—145.
2. *Иванищев А. М.* Древности Вытегории / А. М. Иванищев // Вытегра: Краеведческий альманах. — Вологда, 1997. — Вып. 1. — С. 11—42.
 3. *Иванищев А. М.* Жилище эпохи энеолита на поселении Тудозеро-V в Южном Прионежье / А. М. Иванищев, М. В. Иванищева // Археология: история и перспективы : вторая межрегион. конф. : сб. ст. / отв. ред. А. Е. Леонтьев. — Ярославль, 2006. — С. 75—84.
 4. *Иванищев А. М.* Комплексы раннего железного века поселения Тудозеро-V / А. М. Иванищев // Археология Севера : материалы археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева (Череповец, 25 февр. 2004 г.). — Череповец, 2005. — Вып. 1. — С. 42—54.
 5. *Иванищев А. М.* Могильник на Тудозере / А. М. Иванищев // Известия Вологодского общества изучения северного края. — Вологда, 1996. — Вып. V. — С. 3—28.
 6. *Иванищев А. М.* Реконструкция погребального обряда каменного века на Тудозере (по материалам раскопок 1995—2005 гг.) / А. М. Иванищев, М. В. Иванищева, Я. Е. Болонин // Международная научно-практическая конференция «Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции» : сб. науч. ст. и докл. — Соловки, 2006. — С. 342—352.
 7. *Иванищева М. В.* Картинки с выставки / М. В. Иванищева // Вытегра: Краеведческий альманах. — Вологда, 2010. — Вып. 4. — С. 13—44.
 8. *Иванищева М. В.* Комплексный анализ каменного инвентаря и керамики раскопа 12 поселения Тудозеро-V в Южном Прионежье / М. В. Иванищева, Н. Б. Васильева, М. А. Кулькова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы : к 60-летию А. В. Уткина / редкол.: Е. Л. Костылёва, В. А. Аверин. — Иваново, 2015. — Вып. 4. — С. 54—65.
 9. *Иванищева М. В.* Раннеэнеолитические памятники Юго-Восточного Прионежья / М. В. Иванищева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Самара, 2014. — Т. 16, № 3. — С. 255—259.
 10. *Иванищева М. В.* Ромбо-ямочная и гребенчато-ямочная керамика поселения Тудозеро-V / М. В. Иванищева, А. М. Жульников, М. А. Кулькова // Археология

Севера : материалы VIII археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева (Череповец, 21—22 февр. 2018 г.) / Муницип. бюджет. учреждение культуры «Череповец. музейн. об-ние», ФГБОУ ВПО «Череповец. гос. ун-т». — Череповец, 2020. — Вып. 8. — С. 30—47.

11. *Иванищева М. В.* Средневековые памятники на Тудозере в Южном Прионежье / М. В. Иванищева // Археология Севера : материалы VII археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева (Череповец, 25—26 февр. 2016 г.) / Муницип. бюджет. учреждение культуры «Череповец. музейное об-ние», ФГБОУ ВПО «Череповец. гос. ун-т» ; ред. А. В. Кудряшов. — Череповец, 2018. — Вып. 7. — С. 67—78.
12. *Иванищева М. В.* Хронология памятников раннего неолита южного Прионежья / М. В. Иванищева, А. М. Иванищев // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). — Санкт-Петербург, 2004. — С. 60—69.

Гусенцова Татьяна Матвеевна,

научный сотрудник АНО «Научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия»,
кандидат исторических наук, Санкт-Петербург

ЯНТАРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЭПОХ НЕОЛИТА — РАННЕГО МЕТАЛЛА С ПАМЯТНИКОВ ОХТА 1 (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ), ПОДОЛЬЕ 1, ПОДОЛЬЕ 3 (ЮЖНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ)

В последние годы в регионе Санкт-Петербурга и сопредельной территории Южного Приладожья, благодаря исследованиям трех новых памятников — Охта 1 (2008—2009 гг.) и Подолье 1, 3 (2011—2019 гг.) (рис. 1: 12, 13, 14), получены значительные коллекции артефактов эпох неолита

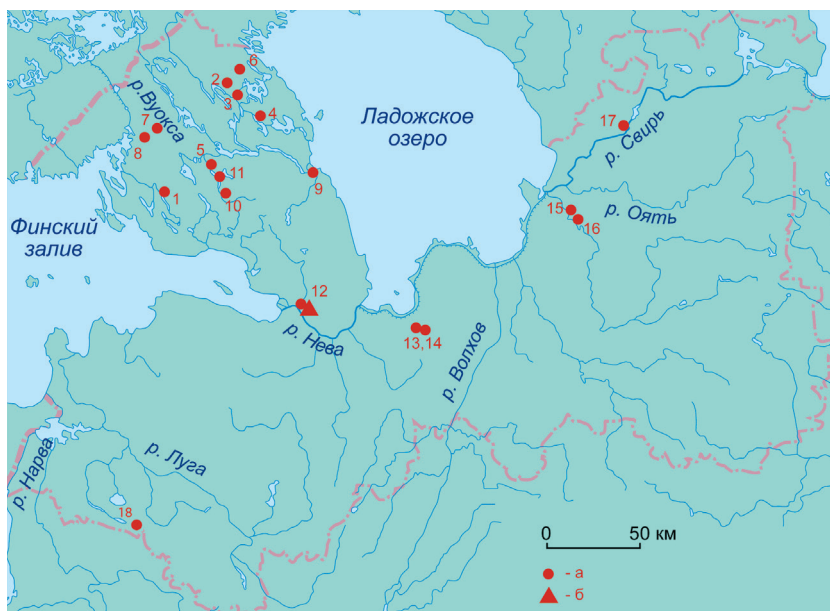

Рис. 1. Карта мест находок янтарных украшений на территории Ленинградской области (составлена А. М. Жульниковым): а — стоянка или местонахождение, б — погребения с янтарными украшениями; 1 — Камышевка, 2 — Большое Заветное 4, 3 — Комсомольское 3, 4 — Ряйсиля Питкяярви, 5 — Силино, 6 — Каукола Риукъярви, пункт 12, 7 — Гвардейское 1, 8 — Выборг Пихкаланъярви, 9 — Метсапиртти Суванто, 10 — Лехтокюла Муолаа, 11 — Телккяля Муолаа, 12 — Охта 1, 13 — Подолье 1, 14 — Подолье 3, 15 — Усть-Рыбежна 1, 16 — Усть-Рыбежна 2, 17 — Негежма, 18 — Сяберская III

и раннего металла. Культурные слои указанных памятников содержат подводные конструкции — вбитые сваи, остатки рыболовных загородок из лучин и вершей. Они относятся к уникальным для региона Восточной Балтики археологическим объектам, где особые природные условия обеспечили хорошую сохранность органики — деревянных конструкций. Коллекции представлены несколькими культурно-хронологическими группами керамики, разнообразным каменным инвентарем, предметами из органики и янтарными украшениями [Гусенцова, Сорокин, 2012, с. 182—199; Гусенцова, 2015, с. 39—42; Гусенцова, Кулькова, 2016, с. 388—396]. В раннем и среднем неолите в регионе жило население культур сперрингс, типичной гребенчато-ямочной керамики. Поздний неолит представлен культурой ямочно-гребенчатой керамики с минеральными добавками, гребенчато-ямочной керамики с органическими примесями, период раннего металла — культурами ромбо-ямочной, пористой и асбестовой, текстильной керамики. Перечисленные культуры распространены на территории Прибалтики, Финляндии, Ладожского и Онежского озер [Янитс, 1959; Жульников, 1999; Нордвист, 2015; Холкина, 2017]. Среди основной массы артефактов, связанных с перечисленными культурами, присутствует несколько категорий импортных изделий и сырья — асбеста, сланца, кремня. Наиболее яркая категория импортных изделий — янтарные украшения.

На памятнике Охта 1 коллекция янтарных украшений из раскопок 2008—2009 гг. насчитывает 69 экз. [Гусенцова, Сорокин, 2012, с. 431—432]. Украшения реставрированы и законсервированы в лаборатории Государственного Эрмитажа. Все украшения изготовлены из красновато-коричневого прозрачного янтаря. Большинство украшений было не сломано, что позволило сделать их классификацию. За основу классификации, используемой большинством исследователей, была принята форма изделий, их размеры и характер крепления (Loze, 2008). По этим признакам украшения Охта 1 могут быть разделены на следующие группы:

«Пуговики» (бусы) округлой формы с V-образным креплением — 20 экз. Основная масса изделий (13) найдена рядом с остатками погребения 1 (рис. 2). Остальные «пуговицы» найдены на разных участках

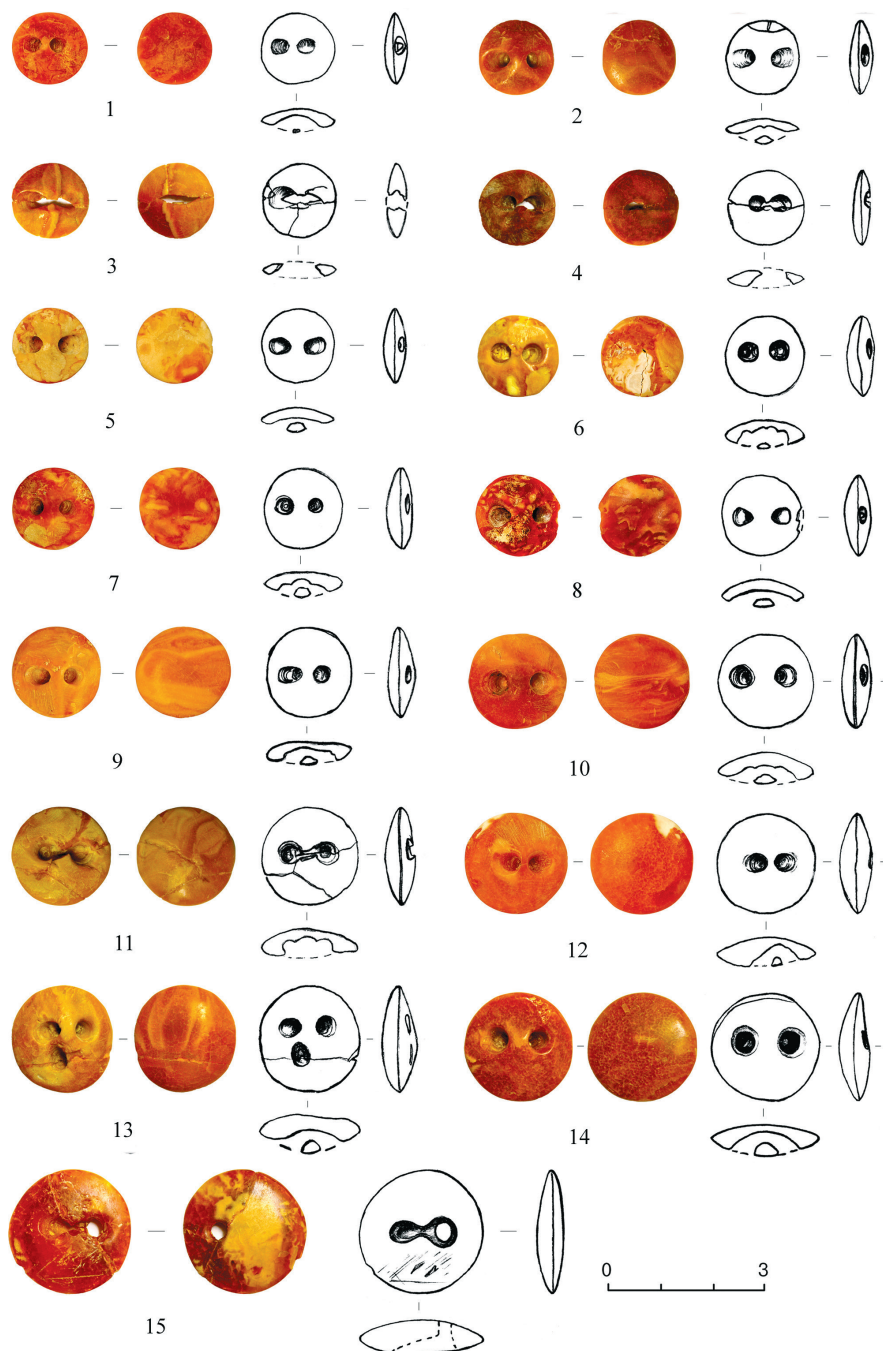

Рис. 2. Янтарные «пуговицы» из погребения (раскоп 7/2) с поселения Охта 1: 1 – 845, 2 – 851, 3 – 854, 4 – 852, 5 – 850, 6 – 847, 7 – 844, 8 – 345, 9 – 842, 10 – 843, 11 – 849, 12 – 846, 13 – 853, 14 – 985, 15 – 848

раскопов (рис. 3). «Пуговки» имеют различный размер: мелкие (диаметром 1,4—1,7 см); средние (диаметром 1,8—2,0 см); крупные (диаметром до 2,2—2,4 см). Все изделия отличаются линзовидным сечением, толщина их 0,3—0,5 см. На обратной стороне изделий имеется два встречных отверстия, которые образовывали канал V-образной формы. Через него протягивалась «нить», служившая для крепления пуговицы. Иногда снаружи украшений прослеживаются дополнительные отверстия — следы починки или брака в изготовлении. Поверхность украшений и их края обычно гладкие, лишь одна пуговица имеет насечки по краю (см. рис. 3: 3).

Подвески уплощенные овальной или прямоугольной формы с закругленными углами — 11 экз. (рис. 4). Длина их от 1,4 до 2,1 см, ширина — от 1,3 до 2,0 см. Сечение овальное, толщина изделий 0,7—1,1 см.

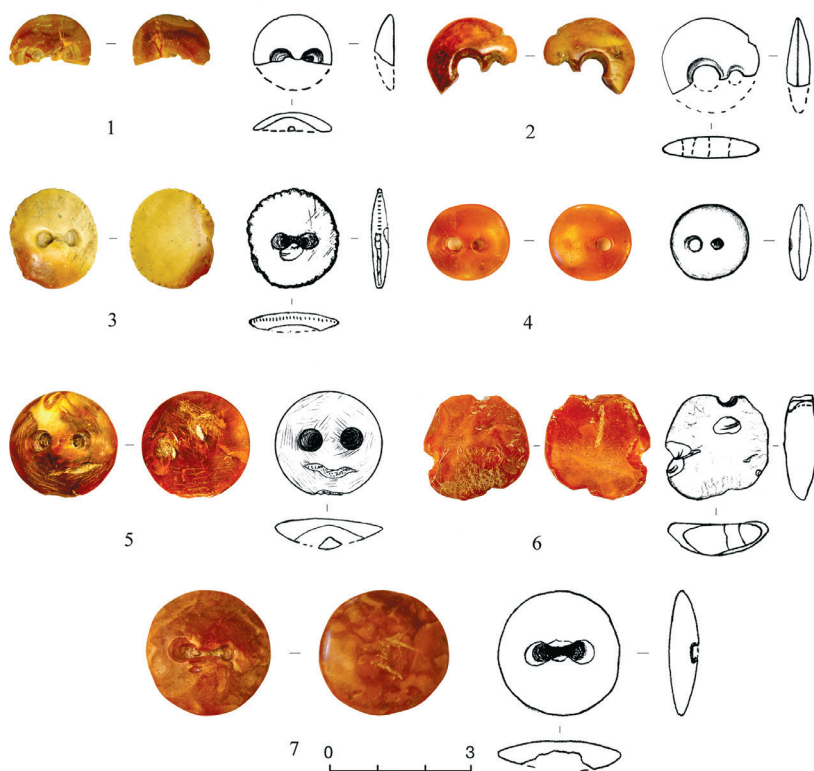

Рис. 3. Янтарные «пуговицы» с поселения Охта 1: 1 — 7/2—976, 2 — 7/2—1188, 3 — 5/2—969, 4 — 7/2—5117, 5 — 20—70, 6 — 7/2—1784, 7 — 10—168

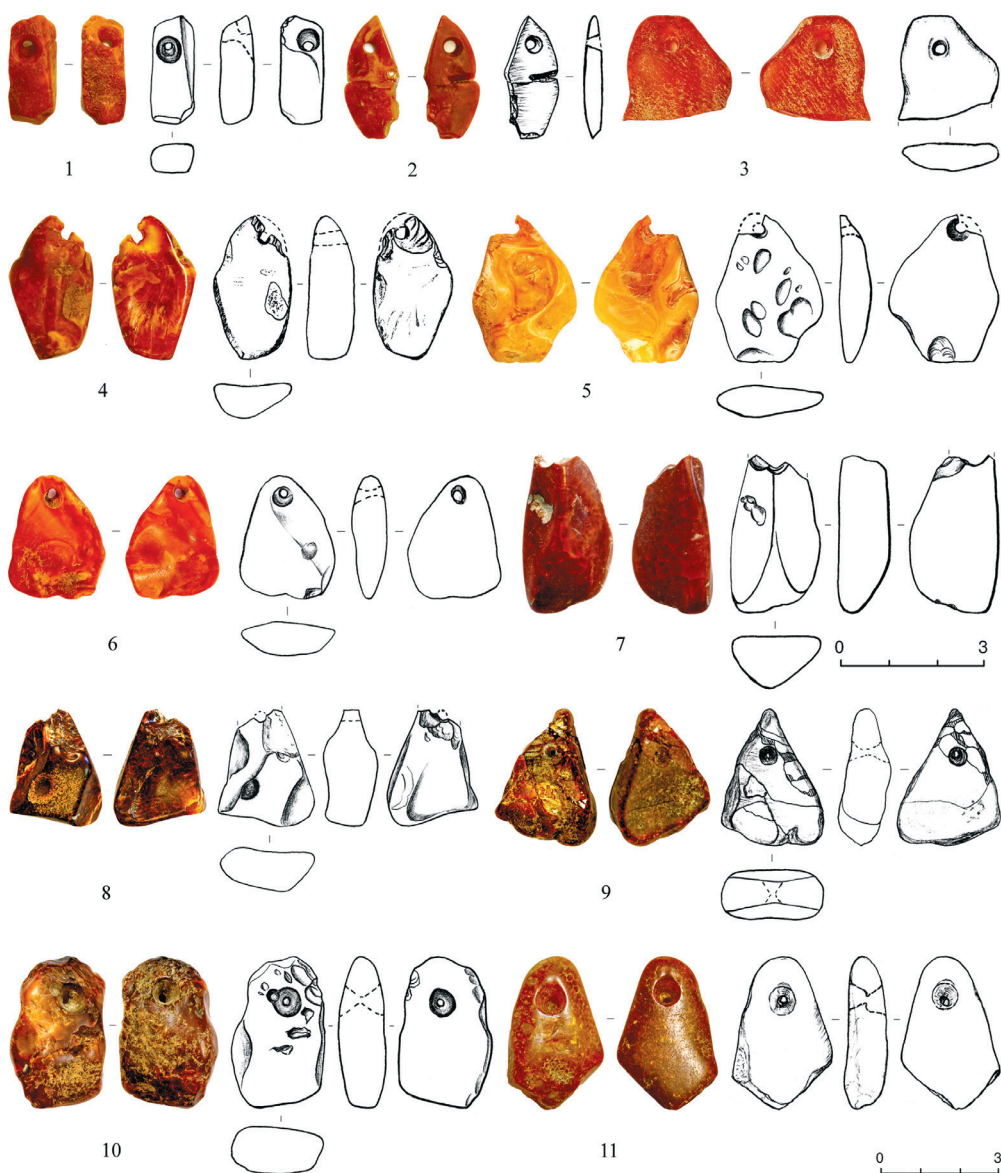

Рис. 4. Янтарные подвески овальной и прямоугольной формы с поселения Охта 1: 1 – 10–326, 2 – 15, 3 – 7/2–4575, 4 – 7/1/3–199, 5 – 7/2–2190, 6 – 5/2 1579, 7 – 14/1–/3–617, 8 – 15–406, 9 – 18–248, 10 – 5/2–1271, 11 – 7/2–986

Украшения крепились через отверстие диаметром 3—4 мм, просверленное с одной стороны на узком конце подвески.

Подвески уплощенные трапецевидной формы — 10 экз. (рис. 5). Длина подвесок 2,2—3,2 см, ширина — от 1,3 до 2,2 см. Сечение овальное или прямоугольное, толщина 0,5—0,9 см. Три подвески гораздо крупнее остальных: 7,2—5,0 × 1,8—2,6 см (см. рис. 5: 7, 9, 10). На подвесках просверливалось одно отверстие. Только у одной подвески прослеживается два парных отверстия (см. рис. 5: 10).

Подвески объемные — 6 экз. Короткие с выступом на конце (2,3—2,4 × 1,2 × 1,4 см), каплевидные (2,7 × 2,2 × 1,1 см; 3,0 × 2,8 × 0,9 см; 4,5 × 3,3 × 1,1 см), асимметричная (2,4—1,2 × 0,7 см). У всех подвесок одно отверстие (рис. 6). Сечение прямоугольной или овальной формы, толщина 0,9—1,1—1,4 см.

Обломки подвесок (8 экз.) представлены верхними частями подвесок с отверстиями различной степени сохранности.

Стоянка Подолье 1. Коллекция янтарных украшений составляет 46 экземпляров. Украшения изготовлены из красно-коричневого и желтого янтаря (7 экз.). Два изделия обожженные и два раскрошенные. Несколько подвесок покрыты коркой от выветривания (рис. 8: 9, 13, 17, 22). Украшения представлены «пуговками» (бусами), подвесками и одним обломком кольца.

«Пуговки» (бусы) округлой формы с V-образными отверстиями — 11 экз. (рис. 7: 1—8). Четыре из них сломаны (см. рис. 7: 9, 10, 13, 16). Шесть изделий изготовлено из желтого янтаря (см. рис. 7). Диаметр от 1,4 до 1,6—1,8 и 2,0 см. Сечение линзовидное, толщина 0,3—0,5 см. На нескольких «пуговках» имеются дополнительные сквозные отверстия, выполненные, скорее всего, специально для подвешивания (см. рис. 7: 3—5). Одна «пуговка» имеет прямоугольную форму с закругленными углами размером 2,0 × 1,5 см, толщиной 0,5 см (см. рис. 7: 11). В качестве «пуговки», вероятно, использовалась плоская подвеска треугольной формы размером 2,1 × 1,8 см, толщиной 0,5 см, у которой параллельно к основному просверлено еще одно отверстие (см. рис. 7: 12).

Подвески (рис. 8). Поверхность нескольких подвесок покрыта коркой, образовавшейся от выветривания (см. рис. 8: 9, 11, 13, 17, 22).

Рис. 5. Янтарные подвески трапециевидной формы с поселения Охта 1:
 1 — 7/2—3117, 2 — 5/2—1070, 3 — 7/2—5636 (раскоп 7/2), 4 — 5/2—1201,
 5 — 7/2—353, 6 — 5—771, 7 — 7/2, 8 — 7/2—2830, 9 — 15/1—555, 10 — 15/1—566

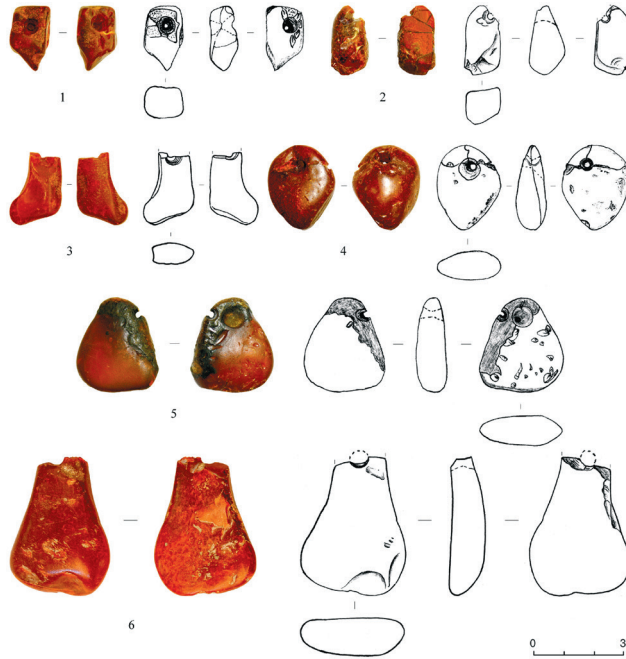

Рис. 6. Янтарные подвески объемной, каплевидной и другой форм с поселения Охта 1: 1 – 5/2–1063, 2 – 7/2–622, 3 – 7/2–1818, 4 – 5/2–933, 5 – 7/2–5600, 6 – 10–311

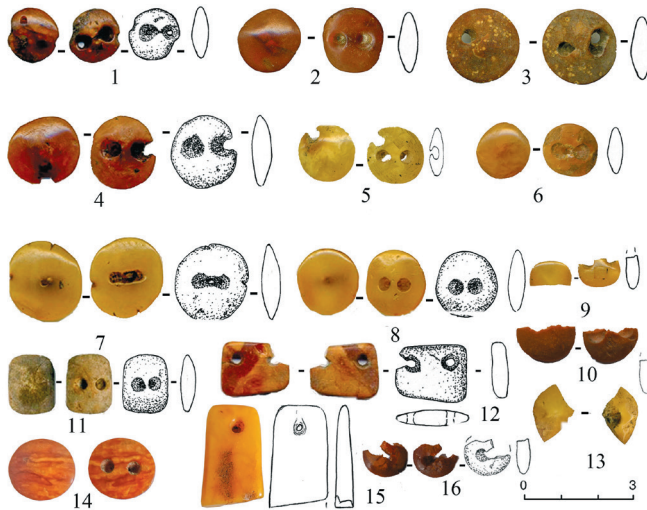

Рис. 7. Янтарные «пуговицы» с поселения Подолье 1: 1: 1761, 2: 82, 3: 1761а, 4: 1763, 5: 3676, 6: 3669, 7: 1764, 8: 1771, 9: 3650, 10: 3677, 11: 126, 12: 1761, 13: 1768, 16: 1762; янтарные украшения с поселения Подолье 3 (2017): янтарная «пуговица» – 14: 48, янтарная подвеска – 15: 101

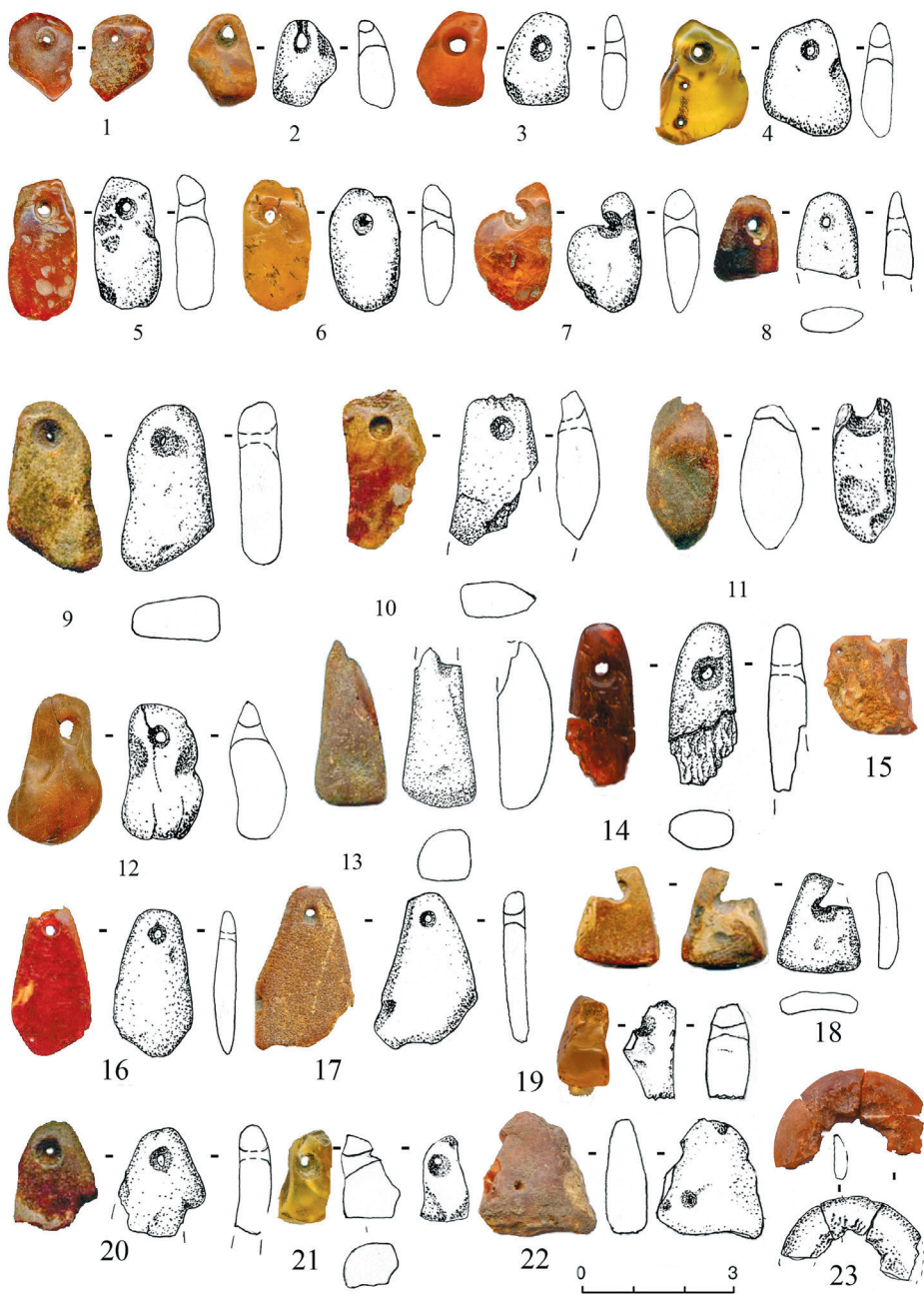

Рис. 8. Янтарные подвески с поселения Подолье 1: 1: 3666, 2: 3670, 3: 3657, 4: 3667, 5: 3671, 6: 3652, 7: 3653, 8: 1766, 9: 1733, 10: 1770, 11: 1760, 12: 1769, 13: 1769, 14: 1769, 15: 3675, 16: 1772, 17: 3658, 18: 1767, 19: 1765, 20: 1765, 21: 3651, 22: 3663; обломок янтарного кольца с поселения Подолье 1: 23: 3674

Подвески овальной и прямоугольной формы с закругленными углами, сечение овальное — 12 экз. Три из них короткие, размером $1,8-2,1 \times 1,3-1,5$ см, толщиной $0,5-0,8$ см (см. рис. 8: 1—3). У четвертой, плохой сохранности, на плоской заготовке, отверстие для подвешивания обломлено, рядом сделано отверстие меньшего диаметра (см. рис. 8: 15). Одна подвеска, изготовленная из прозрачного желтого янтаря, ближе к овальной форме размером $2,3 \times 2,1$ см, толщиной $0,7$ см (см. рис. 8: 4). Семь подвесок удлинённой формы, размером $2,7-3,4 \times 1,5-1,8$ см, толщиной от $0,5$ до $0,7-0,9$ см (см. рис. 8: 5—8, 14, 16). Две подвески этого типа представлены обломками верхней части (см. рис. 8: 8, 20).

Подвески уплощенные треугольной формы — 3 экз. (см. рис. 8: 17, 18, 22). Одна из них небольшая, размером $2,1 \times 1,6$ см, толщиной $0,4$ см, другая размером $3,2 \times 2,8$ см, толщиной $0,5$ см. У третьего изделия верхнее отверстие сломано, на поверхности сохранились два несквозных отверстия, размер подвески $2,4 \times 1,9$ см, толщина $0,9$ см (см. рис. 8: 22).

Подвески объемные — 3 экз. По форме близки к двум описанным, но отличаются толщиной заготовки. Одна из них вытянутой треугольной формы размером $3,3 \times 1,4$ см, толщиной $1,2$ см (см. рис. 8: 13). Вторая вытянутой овальной формы размером $3,1 \times 1,3$ см, толщиной $1,3$ см. Третья овальной формы, отличается утолщенным изогнутым концом заготовки, размером $2,9 \times 1,6$ см, толщиной $1,1$ см (см. рис. 8: 12).

Обломки украшений. Два изготовлены на объемных заготовках из прозрачного желтого янтаря (см. рис. 8: 19, 21). Одна из них размером $1,8 \times 0,9$ см, толщиной $1,2$ см с полностью сохранившимся отверстием и подправленными сторонами могла быть использована в качестве подвески (см. рис. 8: 21). У четырех обломков подвесок форму установить не удалось, просверленные отверстия сохранились частично.

Обломок кольца состоит из трех частей, сечение полуовальное, диаметр $2,7$ см, толщина $0,3$ см (см. рис. 8: 23).

На стоянке Подолье 3 найдено два янтарных украшения. «Пуговка» изготовлена из коричневого полосатого янтаря с V-образным креплением с внутренней стороны, сечение овальное, диаметр $1,5$ см, толщина $0,5$ см (см. рис. 7: 14). Подвеска из желтого янтаря прямоугольной

формы, размером $2,7 \times 1,5$ см, толщиной 0,7 см. Нижний конец ее обломлен (см. рис. 7: 15).

Янтарные украшения поселений Охта 1, Подолье 1, 3 обнаруживают значительное сходство по форме, размерам, способу обработки поверхности и просверливания отверстий для крепления преимущественно с одной стороны. Степень сохранности украшений зависела от особенностей культурного слоя памятников. На стоянке Охта 1 они найдены в сильно увлажненном культурном слое. На поселениях Подолье 1, 3 хорошо сохранились украшения из слоя торфа. Поверхность небольшой части изделий стоянки Подолье 1 из культурного слоя, сложенного песком или песком с торфом, подвергалась выветриванию. В качестве особенностей украшений из янтаря стоянки Подолье 1 следует отметить наличие изделий из желтого янтаря и фрагмента уплощенного кольца из красно-коричневого янтаря. На изделиях стоянки Подолье 1 имеются следы просверливания украшений для вторичного использования, очевидно свидетельствующие о навыках работы с янтарными украшениями вдали от первоначального центра изготовления. Украшения всех памятников аналогичны изделиям торфяниковой стоянки Сарнате в Латвии [Ванкина, 1970, табл. 6] и стоянок Лубанской низменности [Loze, 2008, с. 440—450, рис. 13, 14].

Янтарные украшения памятников относятся ко времени позднего неолита и начала эпохи раннего металла (IV — первая половина III тыс. до н. э.) [Жульников, 2008, с. 134—145]. Основная часть изделий может быть связана с комплексами керамики с органическими примесями и асбестом, датированными по нагару 3300—2800 лет до н. э. Это подтверждается датой по C_{14} , полученной по углю из остатков погребения Охта 1, рядом с которым были найдены янтарные «пуговицы», 3345—2550 лет до н. э. [Гусенцова, Сорокин, 2012, табл. 1].

Библиографический список

1. Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате / Л. В. Ванкина ; Музей истории Латв. ССР. — Рига : Зинатне, 1970. — 268 с., 6 л. черт. : ил.
2. Гусенцова Т. М. Первый памятник эпох неолита и раннего металла (Охта 1) в Санкт-Петербурге / Т. М. Гусенцова, П. Е. Сорокин // Мезолит и неолит

- Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 182—199.
3. Гусенцова Т. М. Импорт в материальной культуре неолита и раннего металла региона Санкт-Петербурга и Южного Приладожья / Т. М. Гусенцова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы : к 60-летию А. В. Уткина / редкол.: Е. Л. Костылёва, В. А. Аверин. — Иваново, 2015. — Вып. 4. — С. 39—42.
 4. Гусенцова Т. М. Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) / Т. М. Гусенцова, М. А. Кулькова // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тысячелетия до н. э. : коллектив. моногр. / сост. Г. И. Зайцева [и др.]. — Смоленск, 2016. — С. 388—396.
 5. Жульников А. М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н. э. как фактор социального взаимодействия / А. М. Жульников // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН ; отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 134—145.
 6. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
 7. Нордвист К. Неолитическая керамика в Финляндии: терминология, хронология, распространение / К. Нордвист // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей [и др.] ; редкол.: И. Н. Черных (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2015. — Вып. 10 : Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». — С. 249—265.
 8. Холкина М. А. Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.06 / Холкина Маргарита Алексеевна. — Санкт-Петербург, 2017. — 33 с. — Место защиты: Ин-т истории матер. культуры РАН.

9. Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонской ССР) / Л. Ю. Янитс ; Акад. наук Эстон. ССР, Ин-т истории. — Таллин : [б. и.], 1959. — 382 с., 18 л. ил. : ил., карт.
10. Loze I. B. Amber Processing in Ica Late Neolith settlement (Lake Lubans Depression) / I. B. Loze // Человек, адаптация, культура : сборник / Рос. акад. наук, Ин-т археологии ; отв. ред. А. Н. Сорокин. — Москва, 2008. — С. 440—450.

Герасимов Дмитрий Владимирович,

научный сотрудник Отдела антропологии ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук», кандидат исторических наук, Санкт-Петербург

Жульников Александр Михайлович,

доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», кандидат исторических наук, г. Петрозаводск

Холкина Маргарита Алексеевна,

доцент кафедры археологии Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», младший научный сотрудник Отдела антропологии ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук», кандидат исторических наук, Санкт-Петербург

**О НАЗНАЧЕНИИ АСБЕСТА ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ КЕРАМИКИ
В НЕОЛИТЕ — ЭНЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ**

Фенноскандия и Северо-Запад России являются уникальным регионом, где в древности сформировалась традиция изготовления глиняной посуды с примесью асбеста, сохранявшаяся на значительной территории на протяжении нескольких тысячелетий (рис. 1). Эта традиция не была единой во времени и пространстве и представлена значительным количеством типов керамики, в том числе существенно различающихся по технологии изготовления, морфологии и орнаментации сосудов (рис. 2, 3) [Жульников, 1999; Meinander, 1954; Carpelan, 1979; Siiriäinen, 1984; Hulthén, 1991; Lavento, Hornytzkyj, 1996; Pesonen, 1996].

Согласно широко распространенной точке зрения, использование асбеста в качестве примеси в керамике связано с технологическими и функциональными преимуществами такой посуды [Edgren, 1965; Carpelan, 1978; Pesonen, 1996; Huurre, 2003]. Результаты исследований последних лет позволяют предположить, что примесь асбеста могла иметь и иное значение [Холкина, Гусенцова, Герасимов, 2020].

Рис. 1. Карта упомянутых в тексте археологических памятников. Светлая область — ареал максимального распространения асбестовой керамики в конце IV тыс. до н. э.

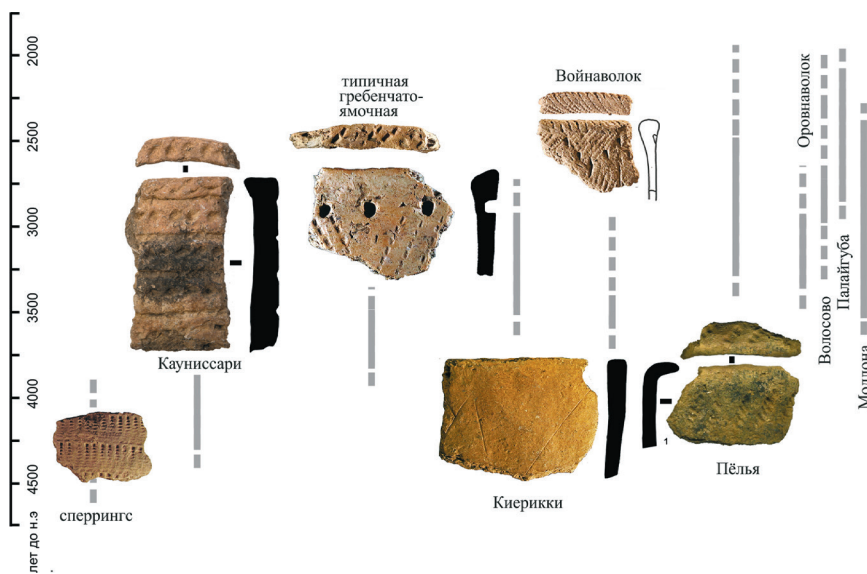

Рис. 2. Хронология основных типов асбестовой керамики неолита — энеолита

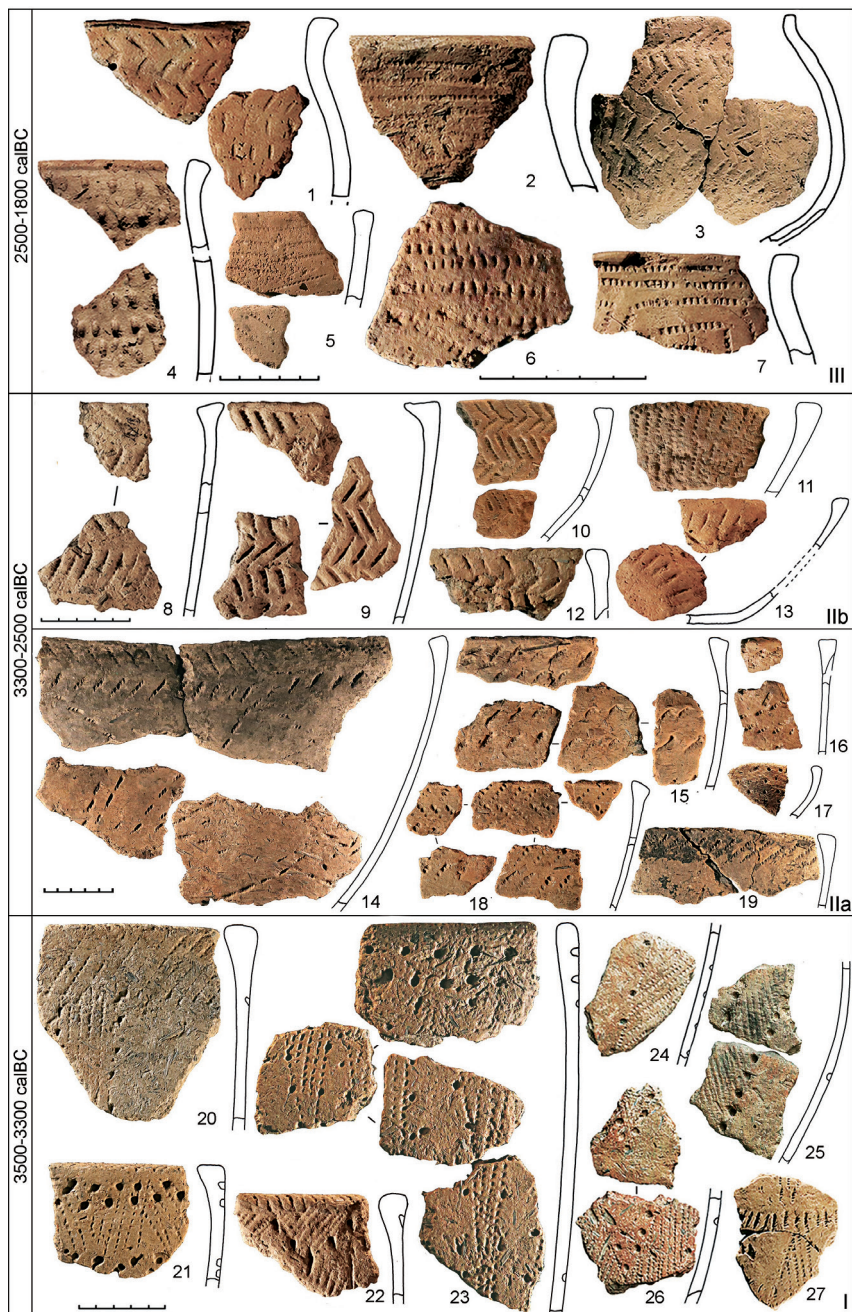

Рис. 3. Типы асбестовой керамики на энеолитических стоянках бассейна Онежского и Ладожского озер: I — керамика типа Войнаволок, IIa, IIb — керамика типа Оровнаволок (ранний и поздний этапы), III — керамика типа Палайгуба; 1–4, 7 — Розмега II, 5, 27 — Илекса (на Куштозеро), 6 — Деревянное XXI, 8, 9, 13 — Деревянное XII, 10, 11 — Деревянное XVI, 12 — Деревянное XI, 14–26 — Фофаново XIII

Экспериментальное моделирование неолитических технологий изготовления керамики с примесью асбеста и другими примесями (дресва, пух, перо, ракушка) показало, что изготовление сосудов с асбестом требовало особых технологических приемов, включая добычу асбеста из природных месторождений и его предварительную обработку. Вероятность разрушения сосудов с примесью асбеста, изготовленных по неолитической технологии, при обжиге и при использовании для кипячения жидкости выше, чем у сосудов с примесью дресвы, пера, раковины (см. статью М. А. Холкиной, А. М. Жульникова, Р. И. Муравьева в настоящем сборнике). Технологические преимущества асбеста как примеси, позволяющей делать тонкостенные, более легкие, но в то же время прочные сосуды, проявляются лишь с возникновением принципиально новых приемов подготовки формовочной массы — прежде всего раскатывания, зафиксированного в археологических материалах бронзового и раннего железного века Норвегии [Hulthén, 1991].

На многих комплексах всех периодов неолита — энеолита выявлено значительное количество сосудов, где примесь асбеста встречается в незначительном (иногда крайне незначительном — отдельные иголки) количестве. Часто асбест в качестве примеси использовался вместе с другими примесями (пух, перо, дресва, раковина). Особенно много таких сосудов на периферии ареала асбестовой керамики — на поселениях Охта 1, Подолье 1, на ряде памятников Карельского перешейка [Кулькова, Гусенцова, 2012; Гусенцова, Холкина, 2015; Gerasimov, Gusentsova, Kholkina, 2019]. В этих случаях технологическое назначение добавления асбеста в глиняное тесто маловероятно. Такова вся известная типичная гребенчато-ямочная керамика с асбестом, керамика типа Залавруга (Прибеломорье), также на памятниках Гвардейское 1 и Комсомольское 3 (Карельский перешеек) выявлены фрагменты шнуровой керамики с незначительной примесью асбеста.

Эстетика может быть одним из объяснений начала применения волокнистого минерала — использование примеси игл асбеста дает возможность сделать поверхность сосудов «искрящейся». Тем не менее возможность использования асбеста для украшения сосудов не объясняет наличие незначительной примеси асбеста в керамике,

при изготовлении которой с технологическими целями использовались другие примеси.

Одной из гипотез может быть предположение о символическом (сакральном?) значении асбеста для древнего населения Восточной Фенноскандии. «Символизация» минерала могла произойти лишь в среде населения, которому были доступны природные источники асбеста, а таких выходов, согласно нашим исследованиям, немного даже в районах, где имеются богатые промышленные залежи асбеста. Систематизированные сведения об асбестовых месторождениях Карелии и Кольского полуострова, проведенные полевые изыскания показали, что даже в районах, где залегают промышленные залежи асбеста, доступность его для древнего человека была неочевидна. Природные выходы месторождений асбеста на поверхность достаточно редки, и добыча минерала для использования в качестве примеси при изготовлении керамики требовала специальных усилий.

Асбест в качестве примеси в керамике (часто незначительной с технологической точки зрения) начинает использоваться в начале V тыс. до н. э. носителями традиции керамики типа сперрингс, первой керамической традиции в Южной Финляндии, на Карельском перешейке и в Карелии, во всем ареале ее распространения, а не только в регионе оз. Саймаа, как предполагалось ранее [Carpelan, 1979; Pesonen, 1996]. Анализ археологических коллекций позволил выявить керамику типа сперрингс с примесью асбеста на территории Карелии и керамику типа Кауниссаари в южной части Карельского перешейка [Gerasimov, Gusentsova, Kholkina, 2019]. Согласно финской типологии, наиболее ранняя керамика с примесью асбеста относится к стилю Ka1:2asb, что предполагает ее несколько более поздний возраст по сравнению с самой ранней керамикой стиля Ka1:1. На настоящий момент это подтверждается и имеющимися прямыми радиоуглеродными датировками нагара на керамике стиля Ka1:2asb — полученные даты относятся ко времени после 4900 лет до н. э. [Pesonen et al., 2012; Nordqvist, Mökkönen, 2017], хотя количество их пока еще очень невелико.

Выявление раннеолитической керамики типа сперрингс с примесью асбеста в археологических коллекциях с территории Карелии

указывает на то, что особые представления, возможно связанные с «символическим» значением асбеста, были свойственны в V тыс. до н. э. населению Восточной Фенноскандии, культурная (социальная?) общность которого определяется в ареале распространения керамики типа сперрингс.

На территории Карелии, Финляндии и Карельского перешейка появление и распространение традиции изготовления посуды из глины не было связано с приходом нового населения и в целом с существенной сменой жизненного уклада [Крийска, Герасимов, 2014]. Это позволяет предположить, что особую роль этот минерал мог получить в культуре населения региона еще до появления керамики. На стоянке Великая Губа I на западном побережье Онежского озера, относящейся к концу мезолита — началу неолита, обнаружены куски асбеста, хотя керамики с примесью асбеста здесь не найдено. На стоянке Чёрная Губа XII на северо-западном побережье Онежского озера в слое с поздненеолитической гребенчато-ямочной керамикой обнаружена мастерская по производству подвесок из асбеста [Жульников, 1994, с. 16—17]. Наиболее ранние глиняные сосуды на рассматриваемой территории могли быть предметами ритуального назначения (напр., [Nordqvist, 2018, p. 94]).

В начале IV тыс. до н. э. на значительной территории Восточной Фенноскандии распространяется традиция типичной гребенчато-ямочной керамики. В археологических комплексах того времени появляется значительное количество импортных изделий (предметы из кремня и янтаря), что свидетельствует о развитой и устойчивой системе межрегиональных коммуникаций, значительно более интенсивных, чем в предыдущий ранненеолитический период.

Сама керамика существенно отличается от предшествующей ей керамики сперрингс по технологии изготовления, морфологии и орнаментации. Ранее также считалось, что в период бытования типичной гребенчато-ямочной керамики (3900—3600 лет до н. э.) асбест практически не использовался в качестве примеси к керамике, очень немногочисленные случаи были зафиксированы опять-таки в регионе оз. Древняя Сайма [Carpelan, 1979].

Однако примесь асбеста в небольших количествах встречается и в сосудах этой традиции, в том числе на поселениях, расположенных на значительном отдалении от природных источников минерала, к примеру, на стоянке Берёзово 2 на Карельском перешейке [Холкина и др., 2020] и Чёрная Губа IX в Карелии. Вероятно, при существенных культурных и социальных изменениях, произошедших на рассматриваемых территориях с появлением типичной гребенчато-ямочной керамики, асбест сохранил свое символическое значение, по крайней мере, для части населения.

Гомогенные в культурном отношении археологические комплексы с типичной гребенчато-ямочной керамикой датируются в настоящее время в восточной части региона Финского залива в достаточно узком хронологическом промежутке — в пределах 3950—3600 лет до н. э. [Nordqvist, Mökkönen, 2017]. После этого в ареале типичной гребенчато-ямочной керамики появляются комплексы с так называемой «поздней гребенчато-ямочной» керамикой, весьма вариативной типологически во времени и пространстве. Зачастую в одних и тех же контекстах присутствуют сосуды, различные в технологическом отношении, но сходные по форме и орнаментации — керамика с примесью асбеста, пуха и пера, раковины, а также с минеральными примесями (керамика, типологически атрибутируемая как типичная гребенчато-ямочная, присутствует в археологических контекстах, датируемых вплоть до конца IV тыс. до н. э.).

Наибольшее распространение на территории лесной полосы Восточной Европы асбестовая керамика получила, судя по последним имеющимся сводкам радиоуглеродных дат [Tarasov et al., 2017; Nordqvist, Mökkönen, 2017], именно после завершения относительно короткого периода «безраздельного господства» типичной гребенчато-ямочной керамики, после 3600 лет до н. э. Как показали исследования последних лет, широкое распространение асбестовой керамики во второй половине IV тыс. до н. э. было одним из наиболее ярких, но не единственным проявлением кардинальных социально-культурных трансформаций, происходивших в то время [Nordqvist, Herva, 2013]. Среди этих проявлений — появление специализированных мастерских, ориентированных

на производство изделий для обмена, обеспечивавших развитие престижной экономики [Тарасов, 2020; Муравьев, Ткач, Герасимов, 2020]; (см. также статьи Тарасова и Муравьева в настоящем сборнике), активные манипуляции с окружающей средой [Aleinius et al., 2020]. Одной из культурных новаций рассматриваемого периода является начало обработки самородной меди в Карелии. Комплекс явлений, реконструируемых по археологическим материалам, показывает, что во второй половине IV тыс. до н. э. реорганизация древних сообществ происходит не только в среде земледельческих коллективов Центральной и Западной Европы, но и среди охотников, рыболовов и собирателей Восточной Европы.

Во второй половине IV тыс. до н. э. еще более расширяется и стабилизируется система удаленных межрегиональных связей (условно «обмена»), что отчетливо прослеживается по распространению импортных изделий и изделий из импортных материалов в лесной полосе Восточной Европы и в Фенноскандии. Для территории распространения асбестовой керамики наиболее показательными являются артефакты из янтаря, кремня и онежского метатуфа.

Асбест, очевидно, также становится одним из востребованных импортных материалов. Специфика асбеста, импортировавшегося из порой весьма удаленных месторождений специально для использования в качестве примеси при изготовлении глиняной посуды, уже отмечалась исследователями и использовалась для обоснования моделей древних систем коммуникаций [Carpelan, 1979; Жульников, 2006; Кулькова, Гусенцова, 2012]. Распространение асбестовой керамики нельзя объяснить лишь передвижениями отдельных групп древнего населения и импортом сосудов. В подавляющем большинстве керамика изготавливалась на месте из местной глины, лишь в редких случаях выделяются импортные сосуды. Об изготовлении посуды с примесью асбеста на поселениях, удаленных от природных источников минерала на значительное расстояние, свидетельствует и сходство с другими сосудами в тех же комплексах по морфологии и орнаменту. Таким образом, в большинстве случаев асбест был включен в систему обмена именно в виде сырья. Об этом же свидетельствуют и находки отдельных частей асбеста (в том числе

«комков» из волокон) на памятниках вне регионов с природными выходами (Вёкса, Модлона, Охта 1, Подолье 1).

Исследование керамики и асбеста комплексом естественнонаучных методов показало, что на стоянках, расположенных вблизи определенных рудопроявлений асбеста, в качестве примеси использовалось локальное сырье. В то же время на стоянках, расположенных на значительном (в несколько сотен километров) расстоянии от возможного местоположения природных источников, в качестве примеси на одном и том же памятнике использовался асбест из разных, порой весьма удаленных друг от друга месторождений — такая ситуация прослежена для нескольких памятников, где были проведены геохимические исследования керамики — Илекса на Куштозере, Вёкса, Подолье 1, Охта 1 [Кулькова, Гусенцова, 2012; Kulkova et al., 2022].

Вполне возможно, что в условиях становления престижной экономики на рассматриваемой территории «эффектность» сосудов, «мерцающих» волокнами асбеста, стала причиной их массового производства, в том числе на территориях, удаленных от природных месторождений асбеста. На материалах стоянки-мастерской по производству рубящих орудий русско-карельского типа Фофаново XIII было показано, что именно фактор «престижности» можно рассматривать как определяющий в распространении керамики с примесью асбеста во второй половине IV тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021]. Для рассматриваемого периода, возможно, на передний план выходит фактор «престижа» и «моды», а не «символическое» или «сакральное» значение примеси асбеста в керамике. Именно этим может объясняться максимально широкое распространение границ ареала, где асбест использовался в качестве примеси к керамике. В конце IV—III тыс. до н. э. керамика с примесью асбеста изготавливалась на стоянках Вологодской, Новгородской, Архангельской областей, в нескольких сотнях километров от ближайших мест, где могли быть выходы минерала. Возможно, именно «престижность» использования примеси асбеста привела к технологически труднообъяснимому увеличению процента асбеста в составе формовочной массы до 40 % и более, наблюдаемому в керамике типа Пёлья.

В начале III тыс. до н. э. в регион Финского залива с западных и юго-западных прилегающих территорий проникают носители культуры шнуровой керамики, и в результате взаимодействия с аборигенным населением здесь формируется региональный эстонский вариант культуры шнуровой керамики [Крийска, Нордквист, 2021]. Пришлое население, по-видимому, взаимодействовало с сохранявшимися на протяжении какого-то времени самобытность носителями традиции асбестовой и пористой керамики.

В материалах стоянки Гвардейское 1 на Карельском перешейке — предположительно археологически гомогенного памятника — представлены и керамика типа Пёлья, и эстонский вариант шнуровой керамики. Асбест в качестве примеси к шнуровой керамике не использовался, хотя в материалах стоянки Гвардейское 1 во фрагменте шнуровой керамики отмечены отдельные иглы асбеста.

Анализ пространственно-временной динамики феномена асбестовой керамики Восточной Фенноскандии позволяет наметить четыре этапа его становления — появление немногочисленной раннеэнеолитической керамики с примесью асбеста в V тыс. до н. э.; короткий период повсеместного распространения типичной гребенчато-ямочной керамики (3900—3600 лет до н. э.), когда асбест в редких случаях использовался вместе с минеральной примесью; вторая половина IV — III тыс. до н. э., когда керамика с асбестом становится одним из элементов престижной экономики и получает широчайшее распространение; резкое уменьшение использования асбеста в качестве примеси при изготовлении керамики в эпоху бронзы, смещение ареала распространения асбестовой керамики на север, сопровождавшееся технологическими инновациями при изготовлении керамики, направленными на использование технологических характеристик асбеста для получения функциональных преимуществ.

Каждому из этапов, очевидно, соответствуют особые характеристики асбестовой керамики, свидетельствующие о различных ролях, которую играли асбест и асбестовая керамика в культуре древнего населения.

Статья подготовлена при поддержке РФФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19-18-00375.

Библиографический список

1. Гусенцова Т. М. Анализ технологии керамики эпохи неолита — раннего металла в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье / Т. М. Гусенцова, М. А. Холкина // Древние культуры Восточной Европы : эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 218—227. — (Замятнинский сборник ; вып. 4).
2. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
3. Жульников А. М. Асбест как показатель связей древнего населения Карелии / А. М. Жульников // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объединен. музей ; под ред. И. Н. Черных. — Тверь, 2006. — Вып. 6, т. 1. — С. 330—334.
4. Жульников А. М. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков / А. М. Жульников, А. Ю. Тарасов // Российская археология. — 2021. — № 4. — С. 21—34.
5. Крийска А. Период позднего мезолита в восточной части Балтийского моря: формирование берегового расселения от Рижского до Выборгского залива / А. Крийска, Д. В. Герасимов // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз. лит. и истории ; отв. ред. В. Н. Карманов. — Сыктывкар, 2014. — С. 5—36.
6. Крийска А. Эстонская культура шнуровой керамики (2800—2000 кал. лет до н. э.) / А. Крийска, К. Нордквист // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объединен. музей ; под ред. И. Н. Черных — Тверь, 2021. — Вып. 12. — С. 56—71.
7. Кулькова М. А. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита — раннего металла на поселении

- Охта 1 в Санкт-Петербурге / М. А. Кулькова, Т. М. Гусенцова // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие / Рос. акад. наук, Ин-т истории матер. культуры, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург, 2012. — С. 200—207.
8. *Муравьев Р. И.* Мастерская по обработке сланца Берёзово 2 на Карельском перешейке / Р. И. Муравьев, Е. С. Ткач, Д. В. Герасимов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. / М-во культуры Самар. обл., Самар. обл. истор.-краевед. музей им. П. В. Алабина, Самар. гос. соц.-пед. ун-т ; отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. — Самара, 2020. — Т. I. — С. 194—196.
9. *Тарасов А. Ю.* Энеолитические стоянки — мастерские Онежского озера / А. Ю. Тарасов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. / М-во культуры Самар. обл., Самар. обл. истор.-краевед. музей им. П. В. Алабина, Самар. гос. соц.-пед. ун-т ; отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. — Самара, 2020. — Т. I. — С. 213—214.
10. *Холкина М. А.* Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада / М. А. Холкина, Т. М. Гусенцова, Д. В. Герасимов // Археология Подмосквья : материалы научного семинара / Рос. акад. наук, Ин-т археологии ; отв. ред. А. В. Энговатова. — Москва, 2020. — Вып. 16. — С. 49—60.
11. Комплекс керамики памятника Берёзово 2 (к вопросу о типичной гребенчато-ямочной керамике с асбестом) / М. А. Холкина, А. М. Жульников, Р. И. Муравьев, Д. В. Герасимов // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. / М-во культуры Самар. обл., Самар. обл. истор.-краевед. музей им. П. В. Алабина, Самар. гос. соц.-пед. ун-т ; отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. — Самара, 2020. — Т. I. — С. 216—218.
12. Asbestos ceramics from archaeological sites of Southern Fennoscandia (Karelia) : mineralogical and geochemical aspects / M. A. Kulkova, D. V. Gerasimov, A. M. Kulkov [et al.] // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. — New York : Springer International Publishing, 2022. — P. 233—253. — (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences).
13. *Carpelan C.* Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien / C. Carpelan // Finskt Museum. — Helsinki : Helsingfors, 1979. — Vol. 85 (1978). — P. 5—25.

14. Early Subneolithic ceramic sequences in eastern Fennoscandia : a Bayesian approach / P. Pesonen, M. Oinonen, C. Carpelan, P. Onkamo // *Radiocarbon*. — 2012. — Vol. 54, no. (3–4). — P. 661–676.
15. *Edgren T.* Jysmä i Idensalmi. En boplatz med asbestkeramik och kamkeramik / T. Edgren // *Finskt Museum*. — Helsinki : Helsingfors, 1965. — Vol. 70. — P. 13–38.
16. *Gerasimov D. V.* Tracing the boundary : southeastern periphery of the neolithic asbestos ware / D. V. Gerasimov, T. M. Gusentsova, M. A. Kholkina // *Estonian Journal of Archaeology*. — 2019. — Vol. 23 (2). — P. 146–172.
17. *Hulthén B.* On Ceramic Ware in Northern Scandinavia During the Neolithic, Bronze and Early Iron Age : a ceramic-ecological study / B. Hulthén // *Archaeology and environment ; University of Umea ; Department of Archaeology*. — Umea, 1991. — 60 p.
18. Human-environment interaction during the Holocene along the shoreline of the Ancient Lake Ladoga : a case study based on palaeoecological and archaeological material from the Karelian Isthmus, Russia / T. Alenius, D. Gerasimov, T. Sapelko [et al.] // *The Holocene*. — 2020. — Vol. 30, is. 11. — P. 1622–1636.
19. *Lavento M.* Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland / M. Lavento, S. Hornytzkjy // *Pithouses and potmakers in eastern Finland : reports of the Ancient Lake Saimaa project ; ed. T. Kirkinen*. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 1996. — Vol. 9. — P. 41–70. — (Helsinki papers in archaeology).
20. *Meinander C. F.* Die Kiukaiskultur / C. F. Meinander // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. — Helsinki : Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1954. — Vol. 53. — 192 p.
21. *Nordqvist K.* Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (c. 5500–1800 BC) / K. Nordqvist, V.-P. Herva // *European Journal of Archaeology*. — 2013. — Vol. 16 (3). — P. 401–432.
22. *Nordqvist K.* Periodization of the Neolithic and radiocarbon chronology of the Early Neolithic and the beginning of Middle Neolithic in Finland / K. Nordqvist, T. Mökkönen // *Documenta Praehistorica*. — 2017. — Vol. 44. — P. 78–87.
23. *Nordqvist K.* The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 cal. BC. Bridging the gap between the East and the West / K. Nordqvist // *Acta*

- Universitatis Ouluensis B Humaniora. — Oulu : University of Oulu, 2018. — Vol. 160. — 164 p.
24. *Pesonen P.* Early asbestos ware / P. Pesonen // Pithouses and potmakers : reports of the Ancient Lake Saimaa Project ; ed. T. Kirkinen. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 1996. — Vol. 9. — P. 9–39. — (Helsinki Papers in Archaeology).
25. Radiocarbon chronology of the Neolithic-Eneolithic period in the Karelian Republic (Russia) / A. Yu. Tarasov, K. Nordqvist, T. Mökkönen, T. Khoroshun // Documenta Praehistorica. — 2017. — Vol. 44. — P. 98–121.
26. *Siiriäinen A.* On the late Stone age asbestos ware culture of Northern and Eastern Finland / A. Siiriäinen // Iskos. — Helsinki, 1984. — Vol. 4. — P. 30–36.

Холкина Маргарита Алексеевна,

*доцент кафедры археологии Института истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
младший научный сотрудник Отдела антропологии
ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук», кандидат исторических наук, Санкт-Петербург*

Жульников Александр Михайлович,

*доцент кафедры отечественной истории Института истории,
политических и социальных наук
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
кандидат исторических наук, г. Петрозаводск*

Муравьев Роман Иванович,

*студент кафедры археологии Института истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
старший лаборант Отдела антропологии
ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук», Санкт-Петербург*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОСУДОВ С ПРИМЕСЬЮ АСБЕСТА И ОРГАНИКИ

Традиция добавления асбеста в качестве примеси в керамике на территории Фенноскандии и прилегающих областей Северо-Запада России представляет собой своего рода феномен. Она зародилась в районе оз. Сайма в V тыс. до н. э. Особенно широко ареал асбестовой керамики разрастается во второй половине IV тыс. до н. э., доходя на востоке до Архангельской и Вологодской областей [Gerasimov et al., 2019; Kulikova et al., 2021]. Позднее, в бронзовом и железном веке, асбестовая керамика распространяется на север и запад Фенноскандии, доживая там до римского времени и эпохи переселения народов. История изучения керамики с примесью асбеста на территории Фенноскандии насчитывает более 150 лет. За этот период исследователями было выделено не менее 20 типов керамики с асбестом, бытовавших практически без перерывов на протяжении без малого 5000 лет (около 4300 лет

до н. э. — 500 год. н. э.). Асбестовой керамике отдельных регионов посвящен ряд обобщающих работ [Carpelan, 1978; Siiriäinen, 1984; Jorgensen, Olsen, 1988; Lavento, Hornytzkij, 1996; Pesonen, 1996; Жульников, 1999; Kristoffersen, Magnus, 2010; Damm, 2012; Мурашкин, Карпелан, 2013; Нор, 2016; 2020; Mökkönen, Nordqvist, 2017; Nordqvist, Mökkönen, 2021; Gerasimov et al., 2019].

Природные проявления асбеста в Восточной Финноскандии локализуются компактно в границах Балтийского кристаллического щита, но асбестовая керамика встречается и за несколько сотен километров от границ этой зоны [Жульников, 2006]. Это делает примесь асбеста важным индикатором перемещений и контактов человеческих коллективов в древности [Lavento, Hornytzkij, 1995, 1996], а также уникальным источником по изучению развития керамических традиций [Холкина и др., 2020]. Основной вопрос, касающийся этой проблематики: почему асбестовая керамика бытовала так долго и распространилась так широко, несмотря на ограниченность проявлений асбеста в природе? (рис. 1).

В историографии этого вопроса наибольшее внимание уделялось «функциональной» гипотезе. Целью данного исследования является

Рис. 1. Энеолитическая керамика с примесью асбеста со стоянок Карелии (а) и куски асбеста, обнаруженные при раскопках энеолитического поселения-мастерской Фофаново XIII (б)

проверка гипотезы о функциональном превосходстве асбеста над другими примесями, использовавшимися тем же населением в тот же промежуток времени. В задачи входит изучение литературы по вопросу и выделение описанных возможных преимуществ использования асбеста в качестве примеси; составление программы эксперимента с учетом выделенных по публикациям моментов; документированное наблюдение за проявлением свойств асбеста как примеси на стадиях подготовки формовочной массы, лепки, сушки, обжига и использования сосудов.

Необходимо оговориться, что в данной работе речь пойдет о моделировании технологии изготовления керамики эпохи неолита и раннего металла. Их отличительными чертами являются сравнительная толстостенность сосудов; чаще округлое, нежели плоское, дно; «неолитоидный» орнамент [см., напр.: Жульников, 1999; Mökkönen, Nordqvist, 2017; Nordqvist, Mökkönen, 2021; Жульников, Тарасов, 2021].

В упрощенной форме наиболее распространенную на данный момент гипотезу можно сформулировать так: примесь асбеста по своим функциональным свойствам превосходит иные добавки, используемые в то же время на той же территории (дресва, раковина, птичий пух и др.). Примесь асбеста обладает особым скрепляющим или связывающим эффектом, что позволяет получать сосуды с очень тонкими стенками при сохранении общих размеров. Неразрывным следствием тонкостенности является легкость сосуда [Edgren, 1965, p. 20; Carpelan, 1978; Pesonen, 1996; Huurre, 2003]. То же свойство «скреплять» стенки сосудов делает асбестовую керамику значительно более прочной [Edgren, 1965, p. 20; Carpelan, 1978; Pesonen, 1996; Huurre, 2003]. Для достижения этих полезных свойств асбест нужно правильно подготовить: разделить на длинные тонкие волокна, а, к примеру, не раздробить на кусочки или в пыль [Lavento, Hornytzkij, 1996, p. 42; Pesonen, 1996]. Еще одно важное свойство асбеста как минерала: огне- и кислотоупорность. Асбест обладает очень низкой теплопроводностью, не деформируется и не разрушается при обжиге [Lavento, Hornytzkij, 1996, p. 63; Pesonen, 1996]. По мнению некоторых исследователей, это делает асбестовую керамику удобной для нагревания и приготовления пищи. Этот последний аспект представляется особенно спорным, так как относительно

него высказывались противоположные точки зрения [см.: Жульников, 2006, с. 330].

В качестве основной задачи эксперимента было определено сопоставление свойств асбеста как примеси с иными синхронно использовавшимися добавками, в качестве которых были выбраны птичий пух и дресва гранито-гнейсовых пород. При выборе методики проведения экспериментов на первый план выступила задача минимизировать влияние внешних и случайных факторов, т. е. сделать условия эксперимента максимально стандартными, чтобы различия в результатах диктовались только разными свойствами асбеста и иных примесей (рис. 2—4). В качестве исходного пластичного сырья для всех сосудов использовалась чистая кембрийская голубая глина Чкаловского месторождения (Ленинградская обл.), фасованная упаковками по 1 кг. Таким образом, все сосуды изготавливались из одинакового объема одного и того же глинистого сырья, близкого к известному по данным археологии.

Первой добавкой служил асбест из Чевжаварского месторождения в Пряжинском районе Карелии. Асбест был измельчен, отделен от вмещающей породы, однако калибровка не проводилась (ввиду отсутствия достоверных данных о калибровке асбеста в древности), использовались как довольно длинные игловидные сростки кристаллов (до 2—3 см и толщиной до 5 мм), так и мелкие частицы.

Второй вид примеси — пух водоплавающих птиц (нами был использован пух гусей линдовской породы), наиболее распространенная примесь в группе пористой и асбестовой керамики позднего неолита — энеолита Восточной Фенноскандии [см., напр.: Жульников, 1999]. Третий вид — гранитная дресва, собранная в северной части Карельского перешейка, которая была механически измельчена и откалибрована в примерном соответствии археологическим данным (ок. 2—5 мм). Кроме того, были сделаны сосуды-модели и со смешанным составом «асбест + пух», который также был достаточно широко распространен в неолите и позднее. Примеси добавлялись в двух или трех разных концентрациях, близких к известным по археологическим данным [см., напр.: Жульников, 1999; Кулькова, Гусенцова, 2012; Гусенцова, Холкина, 2015].

Рис. 2. Стадии экспериментального моделирования сосудов с участием студентов ПетрГУ: подготовка формы-основы, лепка ленточным способом, заглаживание поверхности и декорирование

Экспериментальные сосуды были изготовлены студентами Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета в рамках прохождения археологической практики под руководством доцента кафедры отечественной истории А. М. Жульникова.

Для минимизации влияния случайных факторов и сокращения числа переменных сосуды лепились одинаковой формы, круглодонными, на формах-основах. Лепка велась ленточным способом с последующим выколачиванием стенок сосуда плоской деревянной лопаточкой для их

Рис. 3. Декорирование экспериментального сосуда-модели деревянным гребенчатым штампом

Рис. 4. Примеры сосудов-моделей, прошедших этап естественной сушки

выравнивания по толщине и упрочения. При лепке вода для смачивания глины использовалась по мере необходимости в зависимости от продолжительности лепки, объема примеси и т. д. Орнамент копировал схемы, известные для асбестовой керамики по данным археологии (гребенка, конические ямки и т. д.). Всего было изготовлено 98 сосудов-моделей с примесью асбеста, дресвы, пера/пуха схожих пропорций и размеров.

Обучение лепке сосудов по «неолитической» технологии начиналось с получения навыков работы с чистой глиной, без примесей. За каждым из практикантов была закреплена отдельная деревянная болванка — форма-основа, что отмечалось в журнале экспериментов. В процессе дальнейшего обучения каждому участнику эксперимента предстояло освоить лепку со всеми видами примесей, при постепенном увеличении ее концентрации. Важной частью исследования на этом этапе стало ежедневное протоколирование независимых мнений участников эксперимента о свойствах той или иной примеси в сравнении на стадии лепки сосудов.

Так, в процессе работы выяснилось, что вмешивание в глину примеси птичьего пера — достаточно трудоемкий процесс. Перо с пухом в естественном состоянии обладают водоотталкивающими свойствами, однако после смешивания с глиной и намочения обильно впитывают воду из глины, поэтому при составлении такой формовочной массы требуется добавление значительного количества воды. Из формовочной массы с добавкой неизмельченных перьев трудно формировать структурные элементы для лепки сосуда — жгуты или ленты, т. к. перья не позволяют отделять небольшие куски массы. Еще одной особенностью примеси пера является сложность в заглаживании стыков лент, особенно когда этой примеси много. Перо практически невозможно равномерно распределить в глине, оно сбивается плотными комками, между которыми остаются участки более эластичной чистой глины. Опытным путем выяснилось, что стыки лент лучше всего заглаживать твердым инструментом — гребенчатым штампом.

Подготовка формовочной массы с асбестом практически не отличается от использования иных минеральных примесей, например дресвы. По сравнению с примесью пера асбест не требует постоянного

добавления воды в формовочную массу. Только обильная примесь асбеста (360 г и 600 г на 1 кг глины) делает глину значительно менее пластичной, тонкие стенки сложно лепить на весу. Вместо «вытягивания» лент, как в случае с пером, удобнее раскатывать твердую плотную «камнеподобную» массу на ровной поверхности, а также использовать дополнительные инструменты для уплощения стенок сосуда — например, технику «лопаточки и наковаленки», скалку.

В литературе нередко можно встретить замечания о том, что твердые волокна асбеста не позволяют нанести на сосуд глубокий рельефный орнамент [Edgren, 1965, p. 23; Жульников, 1999, с. 41]. На практике выяснилось, что примесь пера в этом смысле даже проигрывает асбесту: мягкие длинные перья не ложатся параллельно стенке сосуда, могут торчать наружу, а орнамент через плотный каркас из перьев нанести сложнее, чем через сравнительно мелкие волокна асбеста.

Сушка сосудов велась в одном помещении при комнатной температуре с ежедневными замерами температуры и влажности и взвешиванием контрольной группы сосудов с разными примесями. Обжиг проводился после их окончательной сушки, в муфельной печи, предоставленной в пользование ООО «ПИК «АГНИ», Санкт-Петербург. Для сосудов-моделей выбрана единая программа обжига, при которой нагревание до максимальной температуры происходит в течение часа, затем следует час температурного плато и постепенное свободное остывание (до 6 ч). Изначально градации температуры обжига были выбраны приближенные к известным по петрографическому изучению археологической керамики: 600 °С, 800 °С и 1000 °С [см., напр.: Кулькова, Гусенцова, 2012; Гусенцова, Холкина, 2015; Кулькова и др., 2016]. Если обжиг при температуре 600 °С прошел без брака, то в результате обжига при температуре 800 °С шесть сосудов разрушились в крошево, а еще четыре покрылись трещинами. Во всех разрушившихся сосудах в качестве примеси был асбест, а на фрагментах можно видеть, что трещины распространялись вокруг крупных включений асбеста. Причина такого поведения асбеста — его дегидратация [Китайцев, 1970]. После получения результатов второго обжига (800 °С) обжиг при более высокой температуре не проводился.

Для оценки степени усадки сосуда измерялась высота сосуда до и после сушки и обжига. Для чистой глины без примесей процент усадки составляет от 5 до 13 %. Все добавляемые примеси в среднем усадку снижают. Меньше всего процент усадки у сосудов с примесью дресвы — 1—6 %. Примесь асбеста, пуха и смешивание этих двух компонентов снижают усадку на примерно одинаковый процент, существенно более низкий, чем у дресвы (1—13 %).

Предварительные результаты экспериментов с примесью асбеста свидетельствуют в пользу того, что у него нет особых функциональных преимуществ перед пером или дресвой. Этот тезис открывает перспективу говорить о примеси асбеста в широком контексте примесей, использовавшихся не с практической, а с какой-то иной целью.

В археологии известны примеры, когда в глину добавлялись примеси, которые функционально не делают сосуд прочнее, а даже, наоборот, усложняют процесс его изготовления и использования. В качестве примеров можно привести измельченный кремний и обсидиановую крошку [Петрунь, 1973, с. 42]. Наиболее схожим является пример с мастерами карасукской культуры, добавлявшими в глину измельченный пирит, который, как и асбест, при температуре выше 500—700 °С проходил диссоциацию с выгоранием серы и окислением железа [Глушков, 1996, с. 113]. В таких случаях помещаемые мастером в глину добавки не служили функциональным целям, а могли играть декоративную роль (блестящий золотистый пирит), либо им приписывались особые, даже сакральные, свойства. Подобное предназначение мог иметь и асбест, особенно на ранних стадиях его применения в качестве примеси к тесту сосудов.

Статья подготовлена при поддержке РНФ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19-18-00375.

Благодарим за участие в экспериментальном изготовлении сосудов с асбестом студентов I курса ИИПСН ПетрГУ и руководителя керамической студии Е. Н. Бевз.

Библиографический список

1. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник : монография / И. Г. Глушков ; Рос. акад. наук, Сибир. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии, Тобол. гос. пед. ун-т ; отв. ред. В. И. Молодин. — Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. — 327 с. : рис., табл.
2. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / Н. Н. Гурина. — Москва ; Ленинград : Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. — 588 с., 5 л. ил., карт. : ил., карт. — (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т археологии ; № 87).
3. Гусенцова Т. М. Анализ технологии керамики эпохи неолита — раннего мезолита в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье / Т. М. Гусенцова, М. А. Холкина // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 218—227. — (Замятнинский сборник ; вып. 4).
4. Жульников А. М. Асбест как показатель связей древнего населения Карелии / А. М. Жульников // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей [и др.] ; редкол.: И. Н. Черных (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2006. — Вып. 6, т. 1 : Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». — С. 330—334.
5. Жульников А. М. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков / А. М. Жульников, А. Ю. Тарасов // Российская археология. — 2021. — № 4. — С. 21—34.
6. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
7. Китайцев В. А. Технология теплоизоляционных материалов / В. А. Китайцев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Стройиздат, 1970. — 386 с. : ил., табл.
8. Кулькова М. А. Особенности технологии изготовления и радиоуглеродный возраст глиняной посуды стоянки Подолье 1 (Южное Приладожье) / М. А. Кулькова, Т. М. Гусенцова, А. М. Кульков // Традиции и инновации

- в изучении древнейшей керамики : материалы Междунар. науч. конф., 24—27 мая 2016 года, Санкт-Петербург, Россия / Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 215—218.
9. Кулькова М. А. Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита — раннего металла на поселении Охта 1 в Санкт-Петербурге / М. А. Кулькова, Т. М. Гусенцова // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие / Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург, 2012. — С. 200—207.
 10. Мурашкин А. И. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики / А. И. Мурашкин, К. Карпелан // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы : материалы темат. науч. конф., [4—6 дек. 2013 г.] / С.-Петерб. гос. ун-т, Ист. фак., каф. археологии ; редкол.: Е. А. Черленок (отв. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург, 2013. — С. 200—207.
 11. Петрунь В. Ф. Об одном интересном направлении в изучении состава отстающих примесей в керамических изделиях прошлого / В. Ф. Петрунь // Материальная культура Азербайджана / Акад. наук Азербайджан. ССР, Ин-т истории, Сектор археологии и этнографии. — Баку, 1973. — Т. VII. — С. 40—45.
 12. Холкина М. А. Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада / М. А. Холкина, Т. М. Гусенцова, Д. В. Герасимов // Археология Подмосковья : материалы научного семинара / Рос. акад. наук, Ин-т археологии ; отв. ред. А. В. Энгватова. — Москва, 2020. — Вып. 16. — С. 49—60.
 13. Цетлин Ю. Б. Проблемы научного эксперимента в изучении древнего гончарства / Ю. Б. Цетлин // Российская археология. — 1995. — № 2. — С. 59—68.
 14. Asbestos ceramics from archaeological sites of Southern Fennoscandia (Karelia) : mineralogical and geochemical aspects / M. A. Kulkova, D. V. Gerashimov, A. M. Kulkov [et al.] // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. — 2021. — P. 233—253.
 15. Carpelan C. Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien / C. Carpelan // Finskt Museum. — 1978. — Vol. 85. — P. 5—25.

16. *Damm C.* From entities to interaction : replacing pots and people with networks of transmission / C. Damm // *A Linguistic Map of Northern Europe*. — Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2012. — Vol. 266. — P. 41–62. — (Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia = Mémoires de la Société finno-ougrienne).
17. *Edgren T.* Jysmä i Idensalmi. En boplat med asbestkeramik och kamkeramik / T. Edgren // *Finskt Museum*. — 1965. — Vol. 70. — P. 13–38.
18. *Gerasimov D. V.* Tracing the boundary : South-eastern periphery of the Neolithic asbestos ware / D. V. Gerasimov, T. M. Gusentsova, M. A. Kholkina // *Estonian Journal of Archaeology*. — 2019. — Vol. 23 (2). — P. 146–172.
19. *Hop H. M. B.* Asbestos ceramics along the West Norwegian coast — influences, age and morphology in the Bronze age — Early Pre-Roman Iron Age (ca. 1700–400 BC) / H. M. B. Hop // *Prehistoric pottery across the Baltic : regions, influences and methods* / P. Pettersson (ed.). — British Archaeological Reports Oxford Ltd, 2016. — P. 3–12.
20. *Hop H. M. B.* Keramikk fra norske bronsealdergraver : en studie av morfologi, kronologi, forbindelser og deponeringspraksiser i tidsrommet 1700–500 f. Kr. : avhandling for graden philosophiae doctor (ph. d.). / H. M. B. Hop ; — Bergen : Universitetet i Bergen, 2020. — 465 p.
21. *Hulthen B.* On ceramic ware in Northern Scandinavia during the Neolithic, Bronze and Early Iron Age / B. Hulthen // *Archaeology and Environment*. — 1991. — Vol. 8. — P. 1–60.
22. *Huurre M.* Viipurin läänin kivikausi / M. Huurre // *Viipurin läänin historia : Karjalan synty*. — 2003. — Vol. 1. — P. 151–244.
23. *Jørgensen R.* Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge, 2100 f. Kr. — 100 e. Kr. / R. Jørgensen, B. Olsen. — Tromsø : Universitetet i Tromsø, 1988. — Vol. 13. — 90 p. — (Tromsø Kulturhistorie).
24. *Kristoffersen S.* Spannformete kar : utvikling og variasjon / S. Kristoffersen, B. Magnus ; Universitetet i Stavanger. — Stavanger : Arkeologisk museum, 2010. — 117 p.
25. *Lavento M.* Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia / M. Lavento, S. Hornytzkij // *Pithouses and potmakers in Eastern Finland : reports of the Ancient Lake Saimaa Project*. — 1996. — Vol. 9. — P. 41–70.

26. *Lavento M.* On asbestos used as temper in Finnish Subneolithic, Neolithic and Early Metal Period pottery / M. Lavento, S. Hornytzkij // *Fennoscandia Archaeologica*. — 1995. — Vol. 12. — P. 71–77.
27. *Lindell S.* Pöljä, keramiikkaryhmä vai reunamuoto? : pöljän keramiikkaa outokummun Laavussuolla / S. Lindell. — Helsinki : Helsingin yliopisto, 2014. — 96 p.
28. *Meinander C. F.* Die Kiukaiskultur / C. F. Meinander // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. — Helsinki : Finska Fornminnesforeningens Tidskrift, 1954. — Vol. 58. — 192 p.
29. *Mökkönen T.* Kierikki ware and the contemporary Neolithic asbestos- and organic-tempered potteries in North-East Europe / T. Mökkönen, K. Nordqvist // *Fennoscandia Archaeologica*. — 2017. — Vol. XXXIV. — P. 83–116.
30. *Nordqvist K.* Pöljä Ware : properties, dating and regional variation / K. Nordqvist, T. Mökkönen // *Fennoscandia Archaeologica*. — 2021. — Vol. XXXVIII. — P. 29–58.
31. *Oppvang J.* Asbestkeramikk fra Slettnes, Finnmark : typologi, teknologi og bruk / J. Oppvang // *Mastergradsoppgave i arkeologi*. — Tromsø : Universitetet i Tromsø, 2009. — 155 p.
32. *Pesonen P.* Early Asbestos Ware / P. Pesonen // *Pithouses and potmakers in Eastern Finland. Helsinki papers in archaeology*. — 1996. — Vol. 9. — P. 9–39.
33. *Siiriäinen A.* On the late Stone Age asbestos ware culture of Northern and Eastern Finland / A. Siiriäinen // *Iskos*. — 1984. — Vol. 4. — P. 30–36.

Тарасов Алексей Юрьевич,

*старший научный сотрудник, руководитель сектора археологии
Института языка литературы и истории — обособленного подразделения
ФГБУН «Карельский научный центр Российской академии наук»,
кандидат исторических наук, г. Петрозаводск*

ИНДУСТРИЯ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА В КАРЕЛИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Каменные рубящие орудия — топоры, тесла, долота с трапециевидным или полуовальным поперечным сечением, отличающиеся достаточно строгой геометрической формой и очень тщательной обработкой, изготовленные из зеленокаменной породы (рис. 1), получили в историографии обозначение «орудия русско-карельского типа». Индустрия этих орудий, производившихся на западном побережье Онежского озера и распространявшихся на чрезвычайно обширной территории, является одной из наиболее ярких страниц первобытной истории Карелии. В настоящее время накоплен значительный корпус источников, позволяющий подробно описать основные особенности производства и распространения этих изделий, а также осветить некоторые особенности организации общества, создавшего данное явление.

Индустрия русско-карельского типа изучается в течение длительного времени. В западной исследовательской традиции еще в первой половине — середине XX века она успела стать одним из хрестоматийных примеров создания изделий для обмена в доисторический период. Финляндскими исследователями, прежде всего Э. Мякиненем и А. Яюряпяя, был установлен факт производства таких орудий в мастерских в низовье р. Шуя из горных пород вулканического происхождения, выходы которых имеются в близлежащих скальных массивах, и распространение их на очень обширной территории, включающей, помимо значительной части современной российской Карелии, также почти всю Финляндию и прибрежные

Рис. 1. Орудия русско-карельского типа (1–2, 4, 6–7, 13 – желобчатые тесла; 3, 5, 8, 9, 12, 11–16 – тесла; 9 – долото; 10 – желобчатое тесло без вышлифованного желоба): 1 – стоянка Кинема, Архангельская область, 2 – стоянка Сахтыш VIII, 3 – стоянка Сахтыш II, Ивановская область, 5, 10 – стоянка Подолье I, Ленинградская область, 6 – стоянка Наакамяэ, Эстония, 7 – стоянка Кладовец Va, Карелия, 8 – случайная находка, д. Косалма, Карелия, 9 – случайная находка, д. Нелгомозеро, Карелия, 11 – стоянка Акали, Эстония, 12 – случайная находка из д. Шуя, Карелия, 13 – случайная находка, Аесоо, Эстония, 14 – стоянка Суна VI, Карелия, 15 – стоянка Суна I (Суна Часовенская), 16 – случайная находка, Нижегородская область

восточно-балтийские регионы. Во второй половине XX века интерес к данной проблематике постепенно угасал, по всей видимости, в связи с этнокультурной (а не социально-экономической) направленностью большинства археологических исследований этого периода, хотя необходимо отметить краткую систематизацию накопленных данных в работах Т. Хейккуринен и В. Ф. Филатовой [Äyräpää, 1944; Кларк, 1953; Heikkurinen, 1980; Филатова, 1971].

Вторичное открытие мастерских низовья р. Шуя [Жульников, 1999, с. 21—22; Тарасов, 2003] в конце XX века позволило вернуться к исследованию данной индустрии, прежде всего, конкретному анализу организации производства и рассмотрению особенностей его функционирования в общем культурно-историческом и экономическом контексте финального каменного века — начала эпохи раннего металла (IV—III тыс. до н. э.) в Северо-Восточной Европе. Результаты этого исследования кратко представлены в данной работе.

Все орудия и заготовки русско-карельского типа, происходящие из надежно идентифицируемых археологических контекстов на территории российской Карелии, связываются с комплексами с асбестовой и пористой керамикой типов Войнаволок, Оровनावолок, Залавруга и Палайгуба. За пределами Карелии они найдены в комплексах, содержащих синхронные или частично синхронные карельской асбестовой и пористой керамике типы керамической посуды — Пёлья и Киэрикки, поздняя гребенчатая, волосовская, типа Модлона. Общий хронологический диапазон может быть установлен на основании значительной серии датировок, сделанных по различным материалам и из различных контекстов, включая датировки конструкций жилищ, полученные конвенционным методом, и датировки нагара и смолы на поверхности сосудов, полученные методом АМС. В целом время существования керамических типов, в комплексах с которыми встречаются орудия русско-карельского типа, укладывается во вторую половину IV—III тыс. до н. э. в калиброванной хронологии. Примерное время существования керамики типа Войнаволок укладывается в диапазон 3600—3000 лет до н. э., типа Оровनावолок — 3400—2500 лет до н. э., Залавруга — 3500—2900 лет до н. э., Палайгуба — 2500—1900 лет до н. э. [Tarasov et al., 2017].

Согласно распространенной в российской историографии традиции, период бытования асбестовой и пористой керамики указанных выше типов и вместе с ними орудий русско-карельского типа принято относить к энеолиту в связи с наличием свидетельств использования населением этого периода меди в незначительных объемах. Встречается также обозначение «эпоха раннего металла» (начало данной эпохи). Принятая у нас периодизационная схема не совпадает с периодизацией, используемой западными исследователями (финляндскими и прибалтийскими), согласно которой синхронные карельским керамические типы рассматриваются в качестве средне- и позднеэнеолитических [Nordqvist, 2018, p. 47—54]. Вне зависимости от региональных периодизационных схем культурные черты и образ жизни населения Северо-Восточной Европы в течение среднего-позднего неолита — энеолита демонстрируют значительное сходство.

Среди наиболее характерных и ярких черт образа жизни следует назвать оседлый, в значительной степени, образ жизни с формированием крупных поселений с долговременными жилищами [Ванкина, 1970; Жульников, 2003, с. 126—127; Bērziņš, 2008, p. 300—304, 383—386; Mökkönen, 2011, p. 29—65], развитие сетей обмена, связывающих территории, отстоящие друг от друга на расстояние до 1000 км [Гурина, 1974; Zhulnikov, 2008, Nuñez & Franzen, 2011; Кашина, 2012; Kriiska, 2015; Tarasov, Nordquist, 2021], возникновение производства, ориентированного на обмен, и появление занятых в этом производстве мастеров [Ванкина, 1970, с. 105—114; Loze, 1993; 2001; 2003; Bērziņš, 2003; Rimantienė, 2005, p. 443—444, 474—476; Tarasov, 2015], свидетельства военных столкновений [Sipilä & Lahelma, 2007], строительство своеобразных монументальных сооружений (известных пока только на побережье Ботнического залива, т. н. «церкви гигантов») [Nuñez, Okkonen, 2005]. В культурно-идеологической сфере отмечается формирование специфического мировосприятия, открытого к вовлечению в сферу культуры все большего количества элементов природного окружения, т. е. освоение новых природных материалов, таких как глина и металл (медь), а также освоение природного ландшафта и формирование ландшафта окультуренного [Herva et al., 2014]. Все вышеобозначенное находит свое

выражение и в культово-обрядовых практиках и художественном освоении действительности, примером которого является, с одной стороны, мелкая глиняная и каменная пластика [Кашина, 2007, 2015: а, б, в], с другой стороны — специфическое монументальное наскальное искусство Фенноскандии [Herva et al., 2014; Нордквист, Крийска, 2018]. Явные свидетельства расслоения общества и формирования элит отсутствуют, однако обозначенные процессы позволяют ставить вопрос о какой-то начальной степени общественного неравенства [Нордквист, Крийска, 2018; Tarasov, Nordquist, 2021], поскольку иерархическая организация сетей обмена или строительство «церквей гигантов» требовали наличия лиц, способных координировать усилия многих людей, т. е. исполнять властные функции, а культовые практики, вероятнее всего, требовали наличия «специалистов» по отправлению культа.

Производственный комплекс по изготовлению рубящих орудий русско-карельского типа западного побережья Онежского озера в настоящее время является наиболее исследованным комплексом специализированных мастерских в Северо-Восточной Европе [Tarasov, 2015]. В комплекс входят немногочисленные пока выявленные каменоломни (рис. 2), приуроченные к месторождениям древних вулканических пород, хорошо подходящих для изготовления рубящих орудий (обобщенное наименование — «метатуф»), и стоянки-мастерские, преимущественно располагающиеся южнее месторождений. Мастерские к текущему моменту известны в трех локациях: низовье р. Шуя, окрестности д. Косалма к северу от низовьев р. Шуя, непосредственно в зоне расположения месторождений сырья, и окрестности с. Деревянное к югу от низовьев р. Шуя.

В нижнем течении р. Шуя располагается наиболее крупное, известное к текущему моменту скопление стоянок-мастерских, насчитывающее 34 памятника. Мастерские сильно различаются по своим размерам и насыщенности находками (прежде всего, отходами от изготовления рубящих орудий), но в целом, как можно судить по имеющимся данным, здесь имел место полный цикл изготовления этих изделий, т. е. представлены отходы от всех стадий производства. На ряде мастерских из этого скопления происходило действительно интенсивное

Рис. 2. Каменоломня Косалма XI («Гора Сампо»). Общий вид скального обрыва, ниша искусственного происхождения и следы добычи каменной породы на отдельных участках скальной поверхности

изготовление орудий. В окрестностях д. Косалма обозначены четыре памятника очень небольшой площади, для которых пока имеются только данные разведочной шурфовки. В окрестностях с. Деревянное, где выявлены поселения с жилищными впадинами, датирующиеся временем бытования асбестовой и пористой керамики, исследована только одна стоянка-мастерская, на которой происходило завершение обработки частично готовых изделий.

Ввиду отсутствия образцов для радиоуглеродного датирования, большинство мастерских можно датировать только на основании обнаруженных фрагментов керамической посуды. Среди них представлены все разновидности энеолитической керамики с примесью асбеста и органики, бытовавшие в южной половине Карелии (Войнаволок, Оровнаволок и Палайгуба). Однако можно отметить, что мастерские, на которых найдена керамика типа Палайгуба, единичны, что коррелирует с небольшим количеством орудий рассматриваемого типа, обнаруженных на поселениях этого периода, и свидетельствует об угасании традиции. Кроме этого, самые крупные и насыщенные находками мастерские (Фофаново XIII, Фофаново VI) содержат в своих комплексах керамику типа Войнаволок, а мастерские, из которых происходит только керамика типа Оровнаволок, менее крупные, но при этом более многочисленные.

Наиболее значительной, известной в настоящее время стоянкой-мастерской по изготовлению орудий русско-карельского типа является Фофаново XIII (рис. 3). Памятник имеет площадь свыше 40 000 кв. м и исключительно насыщен культурными остатками — плотность находок в пределах раскопа (30 кв. м) составила 11 305 предметов на 1 кв. м, всего свыше 330 000 предметов.

Коллекция находок, как и у остальных стоянок-мастерских, содержит преимущественно отходы от изготовления рубящих орудий из метатуфа (рис. 4), при этом остающаяся часть коллекции также весьма многочисленная и разнообразная (рис. 5). По особенностям инвентаря можно заключить, что, наряду с изготовлением рубящих орудий, здесь также, в меньших масштабах, изготавливались бифасиальные наконечники из местного и импортного сырья, шлифованные сланцевые

Рис. 3. Раскоп на стоянке-мастерской Фофаново XIII

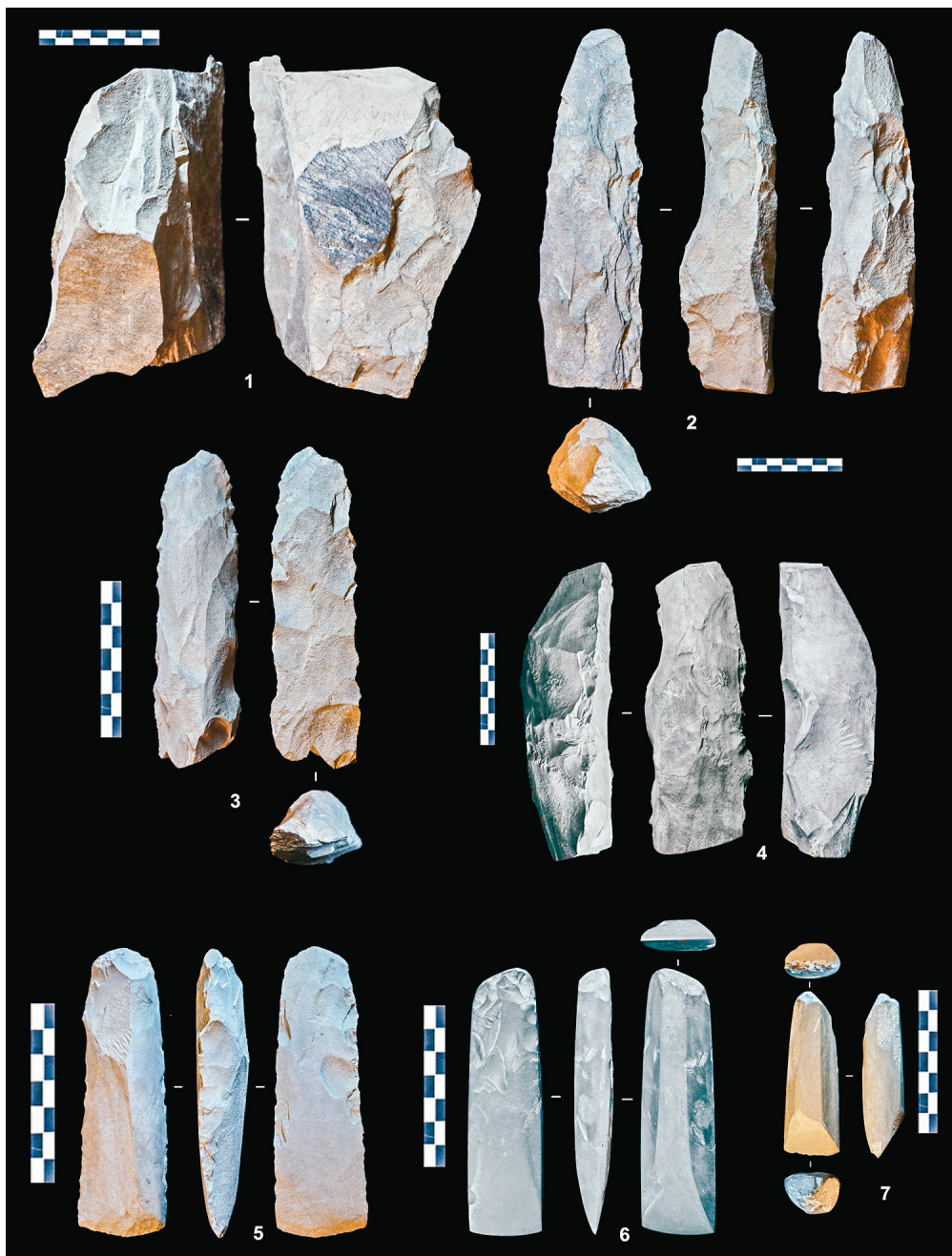

Рис. 4. Заготовки и готовые рубящие орудия русско-карельского типа из раскопа на стоянке-мастерской Фофаново XIII (метатуф):
 1 — заготовка 1-й стадии, 2 — заготовка 2-й стадии, 3—4 — заготовки 3-й стадии,
 5 — заготовка 4-й стадии, 6—7 — готовые орудия (тесла)

Рис. 5. Находки из раскопа на стоянке-мастерской Фофаново XIII:
 1 — скульптура, глина, 2 — скульптура, кремль, 3 — медный стержень,
 4—6 — янтарные подвески, 7 — наконечник стрелы, лиддит, 8 — наконечник стрелы,
 кремль, 9 — заготовка наконечника дротика, халцедон,
 10 — заготовка шлифованного наконечника, сланец,
 11—12 — шлифованные наконечники стрел, сланец, 13 — острие, кость,
 14 — нож, метатуп, 15 — скребок из фрагментированного наконечника дротика,
 кремль, 16 — унифасиальный нож, кремль, 17—18 — асбестовая керамика

наконечники, формировались иглы асбеста для использования в качестве отощителя в керамическом производстве. Однако производственная функция, являясь основной, не исчерпывает всех особенностей памятника.

Наибольшая среди всех исследованных памятников с асбестовой и пористой керамикой плотность находок керамических сосудов, значительная (для раскопанной площади) серия янтарных украшений, кусков самородной меди, присутствие мелкой скульптуры позволяют также предполагать использование территории стоянки Фофаново XIII в качестве площадки для собраний — церемоний и празднеств, частью которых мог быть обмен изготовленными здесь рубящими орудиями и иными предметами, в том числе импортными. Как свидетельствуют этноархеологические исследования, в обществах, стоявших на сходном уровне развития, обменные операции чаще всего производились именно во время празднеств [Spielman, 2002; Hampton, 1999, p. 300]. Особый тип памятников — «causewayed enclosures», основное предназначение которых заключалось в проведении празднеств и церемоний, известен в неолите Западной и Центральной Европы [Thomas, 1991, p. 38—45; Bradley, Edmonds, 1993, p. 30—53; Bradley, 1998, p. 73—82; Healy, 2008; Turek, 2012 и литература, на которую ссылаются авторы].

Отсутствие признаков долговременных построек и результаты анализа уникальной для Фенноскандии фаунистической коллекции, состоящей, в основном, из необожженных костей, свидетельствуют о сезонном функционировании памятника — в течение бесснежного периода. Этот вывод может быть распространен и на все стоянки-мастерские низовья р. Шуя, ни на одной из которых или в непосредственной близости от них за все годы исследований не были найдены признаки стационарных жилищных сооружений. Датировка памятника основывается на 10 радиоуглеродных датах (рис. 6), полученных по различным материалам, которые в целом свидетельствуют о существовании его во второй половине IV тыс. до н. э. [Tarasov et al., 2017]. Продолжительность существования можно оценить в размере около 300—400 лет.

Основным морфологическим признаком орудий русско-карельского типа, производившихся из метатуфового сырья в мастерских

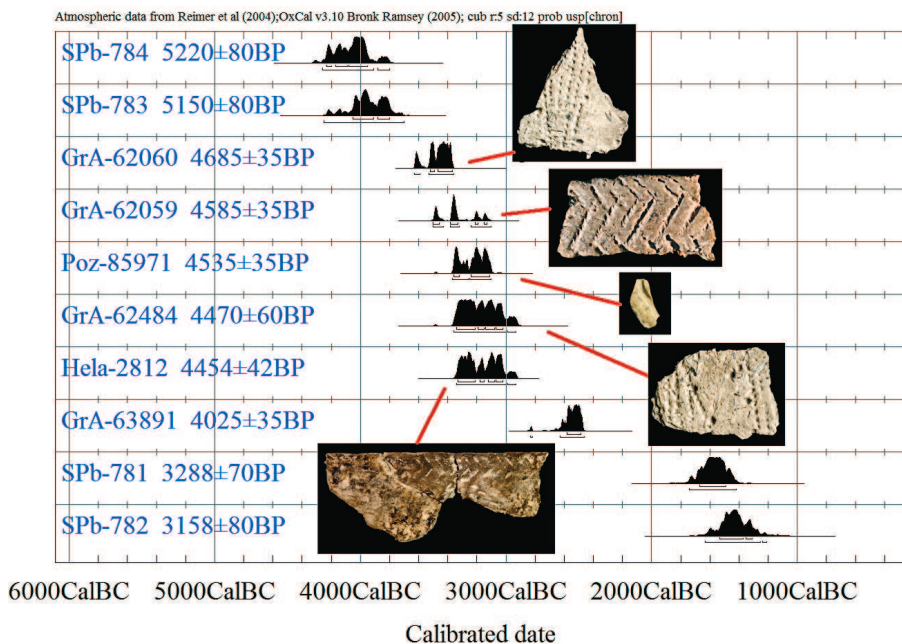

Рис. 6. Радиоуглеродные датировки со стоянки-мастерской Фофаново XIII

западного побережья Онежского озера, является поперечное сечение в виде трапеции или полуовала. Возникновение такого признака тесно связано с технологическими особенностями их создания (путем расщепления). Данную неразрывную связь морфологии и технологии предложено обозначить как «технико-морфологическую модель». Технико-морфологическая модель русско-карельского типа является промежуточным вариантом между моделями бифасиальных рубящих орудий и орудий с четырехгранным поперечным сечением. Модель не является исключительной только для Онежского побережья. Технологический анализ материалов поселений Сахтышского торфяника в Верхнем Поволжье (Сахтыш I, II, III, VIII) позволил сделать вывод, что она характерна также для рубящих орудий волосовской культуры, производившихся из местного сырья — кремня и окремненного известняка [Тарасов, 2017].

В предложенной генерализованной реконструкции технологии изготовления орудий русско-карельского типа [Tarasov, Stafeev, 2014]

выделены три стадии расщепления, на которых происходит формирование общей формы изделия, за ними следует стадия абразивной обработки — шлифования и полирования. Расщепление основано на прямом ударе, преимущественно через посредник, который дополняется ударом жестким и мягким отбойником. При абразивной обработке используется специфический прием многогранной шлифовки. На поверхности большинства изделий отмечается полировка, т. е. создание очень гладкой поверхности с зеркальным блеском. Технология достаточно сложная, требующая обучения даже для создания наиболее простых небольших предметов, но при этом позволяющая достигать высокой степени морфологической стандартизации и создавать предметы исключительного эстетического качества.

Как показывает технологический анализ, в мастерских низовья р. Шуя, рассмотренных на примере стоянки-мастерской Фофаново XIII, представлены все стадии технологического процесса. При этом фиксируется факт участия как опытных, так и начинающих мастеров (учеников). Материалы стоянки-мастерской Деревянное XVIII, расположенной в 40 км южнее шуйского центра, наоборот, свидетельствуют только о завершении обработки частично готовых изделий опытным мастером [Tarasov et al., 2020].

Согласно оценке масштабов производства в пределах раскопанной площади на стоянке-мастерской Фофаново XIII, полученная реконструкция при использовании результатов эксперимента по репликации орудий русско-карельского типа показывает, что наиболее вероятное количество произведенных здесь готовых изделий составляет около 1000 штук [Tarasov, Stafeev, 2014]. В пределах всего памятника, таким образом, были произведены десятки, если не сотни тысяч орудий. Даже учитывая достаточно длительный период функционирования памятника и всего шуйского производственного центра, масштаб производства позволяет говорить о том, что изделия создавались в количестве, превышавшем потребности изготовителей. Соответственно, производство было ориентировано на обмен.

Обнаруженные к настоящему моменту орудия русско-карельского типа происходят из различных археологических контекстов. В самом

первом приближении их можно разделить на контексты памятников и случайных находок. Среди памятников вычленяются мастерские, поселения, могильники и клады (представленные всего одним примером).

Абсолютное большинство находок из памятников связано с поселениями и мастерскими. Могильники в целом являются нехарактерными для археологизации этих предметов, имеются всего два примера. Первый из них — могильники, находящиеся в пределах поселений сахтышского торфяника в Верхнем Поволжье, где рассматриваемые изделия связываются с территорией могильников, но не с конкретными погребениями [Тарасов, Костылёва, 2015]. Второй — погребение культуры шнуровой керамики Суинтио Даламалъм в Финляндии [Edgren, 1970, p. 81—82], которое относится уже к другому, инородному для Северо-Восточной Европы кругу культур.

Случайные находки также неоднородны по особенностям их обнаружения. Помимо собственно случайных находок, об обстоятельствах обнаружения которых отсутствуют какие-либо сведения, можно выделить несколько специфических ландшафтных контекстов. Такими контекстами являются находки, сделанные в поле, как правило, при сельскохозяйственных работах, в лесу, на дне водоемов — рек или озер, а также, в единичных случаях, на вершинах холмов. Многие случайные находки по косвенным признакам с высокой вероятностью можно признать изначально происходящими из контекстов мастерских или поселений. Особенно уверенно такое заключение можно делать для значительной серии заготовок из района д. Шуя на западном побережье, т. е. из зоны концентрации мастерских.

Однако значительное количество случайных находок изначально не были связаны ни с какими археологическими памятниками, т. е. их археологизация происходила в природном, а не культурном окружении. В таких случаях можно ставить вопрос о неутилитарных (ритуальных) действиях древнего населения, что неоднократно предполагалось для случайных находок каменных рубящих орудий на территории Европы [Johansson, 2006 и литература, на которую ссылается автор]. Наиболее уверенно такой вывод может быть сделан для находок из «водного»

контекста, которые обнаруживались при рыбной ловле, добыче железной руды или работах по углублению русла рек.

О различиях между предметами, археологизировавшимися в утилитарных и неутилитарных контекстах, свидетельствует изучение их качественных характеристик, т. е. таких, которые могут отражать их ценность для древнего населения и выполняемую ими социальную функцию. Ценностные характеристики орудий русско-карельского типа рассмотрены на примере длины орудий, качества абразивной обработки, фрагментированности, наличия признаков утилизации, ремонта и переоформления. В среднем ценность орудий из неутилитарных контекстов на момент их археологизации можно оценить как более высокую по сравнению с орудиями из поселений или мастерских — они более длинные, лучше зашлифованы и гораздо реже фрагментированы.

Безусловно, в древней культурной среде разделение утилитарных и неутилитарных контекстов не являлось четким, каким оно не всегда является и в настоящее время, однако можно говорить о существовании общей тенденции выбора более ценных предметов для ритуального захоронения (подношения божествам?). Также показательно, что заготовки практически не найдены в качестве собственно случайных находок (без учета тех, которые с наибольшей вероятностью связаны с мастерскими низовья р. Шуя), т. е. заготовки расценивались только как потенциальные орудия и не играли никакой дополнительной социальной роли.

Отдельным вариантом социальной «жизни» очень многих орудий и заготовок русско-карельского типа является их использование в поздних и позднейших контекстах, т. е. в Средневековье, Новое и Новейшее время, в основном в качестве магических предметов в ритуальных практиках крестьянского населения [Juvelius, 1889; Галченко, 1913; Журавлёв, 1997]. Подобные примеры фиксировались в различных регионах мира и прослеживаются, по крайней мере, уже с раннего железного века [см.: Johanson, 2006].

Для картографирования и анализа пространственной динамики распространения орудий [Tarasov, Nordqvist, 2022] использованы данные по 2689 предметам, включая 1367 заготовок и 1322 орудия, для которых

имеются достаточно точные сведения о месте их обнаружения. Картографирование заготовок (рис. 7) показывает, что абсолютное большинство из них сосредоточено непосредственно в производственном центре, т. е. в низовье р. Шуя, при этом заготовки ранних стадий обработки (1-й и 2-й) за пределы этого центра практически не выходят. Некоторое количество заготовок 3-й и 4-й стадий встречается за пределами шуйского центра, но не далее 150 км от него и только в бассейне Онежского озера. По всей вероятности, этот предел маркирует зону, из которой происходили мастера, приходившие в низовье р. Шуя для добычи сырья и изготовления орудий. Часть «полуфабрикатов» они забирали с собой и завершали их обработку вблизи базовых поселений с долговременными жилищами на небольших мастерских (примером которых является поселение Деревянное XVIII) либо непосредственно на поселениях.

За пределами этой зоны встречаются только готовые орудия, которые распространялись в результате обмена. Крайние пункты находок, учтенные при подготовке работы, отстоят друг от друга на расстоянии около 2000 км. Анализ пространственной динамики в их распространении свидетельствует, что равномерного уменьшения численности предметов по мере удаления от производственного центра не происходит, т. е. распространение орудий русско-карельского типа не соответствует наиболее простой модели доисторического обмена «down-the-line» по К. Ренфрю [Renfrew, 1977]. На графике (рис. 8) присутствуют промежуточные пики, наиболее значительные из которых приурочены к расстоянию около 150 км от низовьев р. Шуя (при переходе к зоне, в которой полностью исчезают заготовки орудий и, соответственно, прекращается прямое регулярное взаимодействие производителей и потребителей), 250–300 км, 400 км и 600 км.

Подобный вариант распределения свидетельствует о прямых перемещениях изделий между некоторыми удаленными друг от друга узлами обменной сети, т. е. о существовании своего рода центров «перераспределения». Дальнейшее распространение в пределах округов, в которых эти центры располагались, происходило уже в соответствии с моделью «down-the-line», т. е. от одной общины к другой с постепенным уменьшением количества обмениваемых предметов.

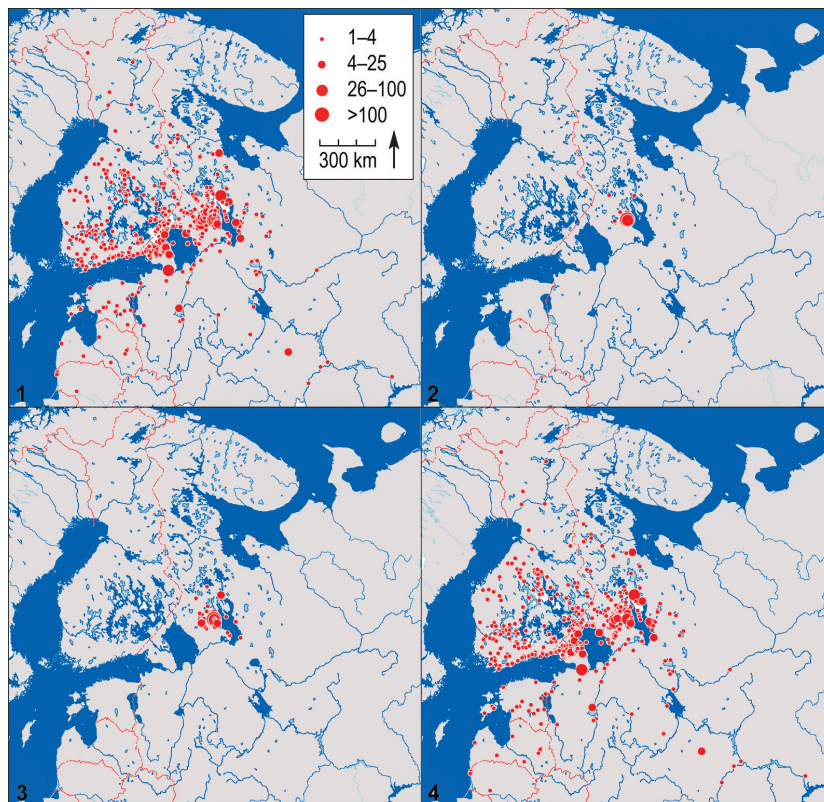

Рис. 7. Карты находок изделий русско-карельского типа: 1 — все находки, 2 — заготовки 1-й и 2-й стадий обработки, 3 — заготовки 3-й и 4-й стадий обработки, 4 — готовые орудия [Tarasov, Nordqvist, 2022]

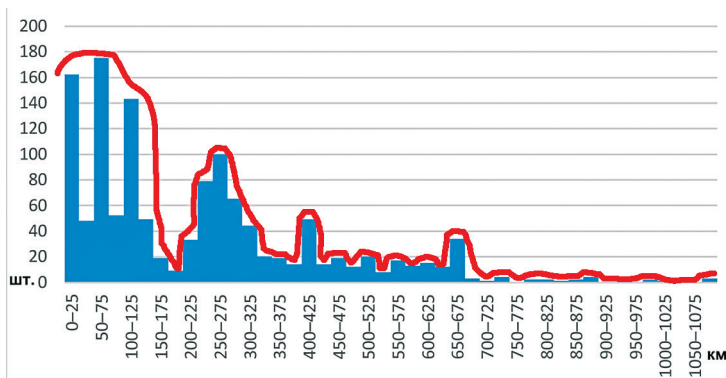

Рис. 8. Гистограмма. Количество находок орудий русско-карельского типа на различных расстояниях от производственного центра в устье р. Шуя [Tarasov, Nordqvist, 2022]

Рассмотренные в предлагаемой работе особенности производства и распространения орудий русско-карельского типа позволяют использовать их в качестве источника для изучения социально-экономических процессов IV—III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Европе. Изготовление орудий в объемах, превышавших потребности производителей, т. е. ориентированное на обмен с другими людьми, не участвующими в производстве, регулярность изготовления орудий для такого обмена и сложность технологии, требующая серьезного опыта даже для рядовых предметов, сделанных в соответствии с русско-карельской технико-морфологической моделью, и наряду с этим позволяющая создавать своего рода «шедевры» каменной индустрии, позволяют говорить о появлении производственной специализации.

Специализация в области изготовления каменных рубящих орудий, т. е. появление особой социальной группы мастеров, неоднократно была описана археологами и этноархеологами на примере обществ периода неолита — раннего металла из различных регионов мира, в том числе находящихся на догосударственной стадии развития мира [Torrence, 1986, p. 139—163; Shafer, Hester, 1986, 1991; Pelegrin, 1990; Roux, 1990; Costin, 1991; Cobb, 1993; Johnson, 1996; Petrequin et al., 1998; Hampton, 1999, p. 226—231; Apel, 2001; Bayman, Nakamura, 2001; Stout, 2002; Shortman, Urban, 2004; Whittaker et al., 2009; Barzilai, 2010, p. 151—156; Колесник, 2012; Nicolas, Guéret, 2014 и др.].

Возникновение такой специализации, несомненно, было вызвано активизацией обмена экзотическими и престижными вещами в Северо-Восточной Европе, одним из наиболее ярких примеров которого, наряду с орудиями русско-карельского типа, являются украшения из прибалтийского янтаря [Вуоринен, 1984; Лозе, 1985; Zhulnikov, 2008; Nunez, Franzen, 2011]. Обмен в догосударственных обществах преимущественно ориентировался на установление социальных отношений, а не на извлечение коммерческой прибыли и происходил, главным образом, в виде дара [Malinovski, 1922; Mauss, 1966]. Вместе с тем существование в обществе представления о богатстве и престиже, которое проявляется в существовании престижных вещей и обмене такими вещами [Taffinder, 1998, p. 32—35, 44—50, 96—98; Hayden, 1998], само по себе свидетельствует

о принятии обществом идеи неравенства. Обмен престижными вещами в таком случае может выступать в качестве фактора социальной трансформации и способствовать появлению индивидов и групп, различающихся по своему статусу. Одной из таких групп могла стать и группа мастеров.

Особенности распространения орудий русско-карельского типа, а также некоторые особенности стоянки-мастерской Фофаново XIII, позволяющие предполагать ее использование также и в качестве площадки для собраний (празднеств), позволяют ставить вопрос о том, что организация обмена в Северо-Восточной Европе в рассматриваемый период была сходна с той, которая реконструируется для других обществ неолитического и постнеолитического периодов. Для нее характерно, во-первых, проведение основного количества транзакций в ходе разного рода празднеств, привлекавших участников из обширной округи. Во-вторых, существование своего рода центров перераспределения, между которыми происходили прямые перемещения обмениваемых товаров, а значит, и существование индивидов, контролировавших в той или иной мере этот процесс, что также могло выступать одним из факторов возникновения начального неравенства [Bradley, Edmonds, 1993, p. 51–52, 204–205; Petrequin et al., 2015].

Указанные выше соображения позволяют сравнивать общества Северо-Восточной Европы IV–III тыс. до н. э. с т. н. «сложными» («зажиточными», «высшими») охотниками-рыболовами и собирателями, уходящими или ушедшими от эгалитарности, которые были описаны для различных регионов земного шара [Sassaman, 2004; Nuñez, Okkonen, 2005; Vaneckhout, 2010; Nunez, Franzen, 2011; Costopoulos et al., 2012; Arnold et al., 2016]. Безусловно, относить их именно к «сложным» охотничье-собирательским группам было бы преждевременно, в том числе и в связи с расплывчатостью этого понятия самого по себе. Тем не менее рассмотренные в этой работе особенности организации производства и обмена, а также система жизнеобеспечения, базирующаяся на водных пищевых ресурсах, оседлый (в значительной степени) образ жизни, сложная религиозно-ритуальная практика, свидетельства военных столкновений и появление монументальной архитектуры

позволяют говорить о том, что социальная «сложность» имела место. Соответственно, имело место и какое-то начальное неравенство, скорее всего, однако, не приведшее к формированию четко оформленных страт с наследуемым статусом.

Индустрия рубящих орудий, получивших в историографии название орудий русско-карельского типа, является весьма ярким явлением в истории древнего населения Карелии и значительной части Северо-Восточной Европы в доисторический период. Индустрия возникла в эпоху заметной интенсификации контактов в пределах данного региона, располагающегося почти целиком в лесной зоне. Распространение целого набора импортных и экзотических изделий и материалов, причем в значительных количествах и на обширной территории, далеко за пределами мест залегания месторождений сырья и расположения центров по его обработке, свидетельствует о формировании очень обширной сети контактов и взаимодействий и достаточно сложном устройстве общества, в рамках которого эти взаимодействия происходили.

Библиографический список

1. Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате / Л. В. Ванкина ; Музей истории Латв. ССР. — Рига : Зинатне, 1970. — 268 с., 6 л. черт. : ил.
2. Вуоринен Ю. Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита / Ю. Вуоринен // Новое в археологии СССР и Финляндии : докл. Третьего Сов.-финлянд. симп. по вопр. археологии, 11—15 мая 1981 г. / под ред. Б. А. Рыбакова. — Ленинград, 1984. — С. 54—60.
3. Галченко А. П. О каменном веке и об остатках его в Олонецкой губернии / А. П. Галченко // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. — 1913. — Т. 1, № 1. — С. 27—51, [1] л. ил.
4. Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху / Н. Н. Гурина // Краткие сообщения Института археологии / гл. ред. Н. А. Макаров. — Москва, 1974. — Вып. 138 : Торговля и обмен в древности. — С. 12—23.
5. Жульников А. М. Древние жилища Карелии / А. М. Жульников ; М-во культуры Респ. Карелия, Карел. гос. краевед. музей. — Петрозаводск, 2003. — 199 с. : ил., табл. — Библиогр. : с. 103—108.

6. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
7. Журавлёв А. П. Долота «грома святого Ильи» и психотерапия в древней Карелии / А. П. Журавлёв // Традиционная культура финно-угров и соседних народов : проблемы комплексного изучения : международ. симп., г. Петрозаводск, 9—12 февр. 1997 г. : тез. докл. / М-во культуры Респ. Карелия, Петрозав. гос. консерватория [и др.] ; редкол.: Т. В. Краснопольская (отв. ред.) [и др.]. — Петрозаводск, 1997. — С. 98—100.
8. Кашина Е. А. Изображения человека на нео-энеолитической керамике лесной зоны Восточной Европы / Е. А. Кашина // Международная научно-практическая конференция «Первобытная средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции» : сб. науч. ст. и докл. — Соловки, 2006. — С. 92—96.
9. Кашина Е. А. К проблеме изучения обменных и брачно-родственных связей в неолите — энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии / Е. А. Кашина // Труды Государственного Исторического музея. — Москва, 2012. — Вып. 189 : Образы времени : из истории древнего искусства : к 80-летию С. В. Студзицкой / отв. ред. И. В. Белоцерковская. — С. 35—41.
10. Кашина Е. А. Кремневая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины / Е. А. Кашина // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей [и др.] ; редкол.: И. Н. Черных (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2015. — Вып. 10, т. 1 : Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». — С. 462—466.
11. Кашина Е. А. Наборы глиняных скульптур неолита — энеолита лесной зоны Восточной Европы: морфология, хронология, смысловая интерпретация / Е. А. Кашина // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Виктора Петровича Третьякова, Санкт-Петербург, 12—16 мая 2015 г. / Рос. акад. наук, Ин-т ист. материал. культуры [и др.] ; отв. ред.: В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 130—134.

12. *Кашина Е. А.* Наборы лепных зооморфных скульптур в неолите — энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии / Е. А. Кашина // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. — Екатеринбург ; Сургут, 2007. — С. 125—135.
13. *Кашина Е. А.* Резные и кремневые скульптуры змей финала каменного века в лесной зоне Восточной Европы / Е. А. Кашина // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы : к 60-летию А. В. Уткина / редкол.: Е. Л. Костылёва, В. А. Аверин. — Иваново, 2015. — Вып. 4. — С. 72—75.
14. *Кашина Е. А.* Энеолитические каменные шлифованные орудия для обработки дерева из раскопок поселения Великодворье 1 (Московская обл.): морфологический и пространственный анализ по результатам ремонтажа / Е. А. Кашина // Труды Государственного исторического музея : сб. — Москва, 2014. — Вып. 201 : Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников / науч. ред.: Д. В. Журавлев, Н. И. Шишлина. — С. 74—81.
15. *Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа : экономический очерк / Дж. Г. Д. Кларк ; пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой ; ред. и предисл. А. Я. Брюсова. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1953. — 332 с., 16 л. ил. : ил., карт.
16. *Колесник А. В.* Вариантность форм производящей экономики в археологии. Аспект кремнеобработки (на примере Большого Донбасса) / А. В. Колесник // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. — 2012. — № 2. — С. 183—191.
17. *Лозе И. А.* Об основных центрах и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита / И. А. Лозе // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий : сб. ст. / АН ЭССР, Ин-т истории ; под ред. Ю. Селиранда. — Таллинн, 1985. — С. 70—77.
18. *Нордквист К.* Неолит северо-востока Европы в балтийской перспективе / К. Нордквист, А. Крийска // *Российская археология*. — 2018. — № 2. — С. 162—171.
19. *Тарасов А. Ю.* Техничко-морфологическая модель русско-карельского типа рубящих орудий в энеолите Карелии и Верхнего Поволжья / А. Ю. Тарасов. — DOI 10.17746/1563-0102.2017.45.2.000-000 // *Археология, этнография и антропология Евразии*. — 2017. — Т. 45, № 2. — С. 26—34.

20. Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии / А. Ю. Тарасов // Археологические Вести : сб. / гл. ред. В. А. Лапшин. — Санкт-Петербург, 2003. — Вып. 10. — С. 60—74.
21. Тарасов А. Ю. Рубящие орудия из волосовских комплексов Сахтышских стоянок. Техничко-типологический и планиграфический анализ / А. Ю. Тарасов, Е. Л. Костылёва // Тверской археологический сборник / Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей [и др.]; редкол.: И. Н. Черных (отв. ред.) [и др.]. — Тверь, 2015. — Вып. 10, т. 1 : Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». — С. 375—406.
22. Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии / В. Ф. Филатова // Советская археология. — 1971. — № 2. — С. 32—38.
23. *Apel J.* Daggers knowledge and power : the social aspects of flint dagger technology in Scandinavia (2350—1500 cal BC) : PhD diss. / J. Apel ; Uppsala university. — Uppsala, 2001. — 365 p.
24. *Barzilai O.* Social complexity in the Southern Levantine PPNB as reflected through lithic analysis / O. Barzilai // British Archaeological Reports International Series. — Oxford : Archaeopress, 2010. — Vol. 2180. — 204 p.
25. *Bayman J. M.* Craft specialization and adze production on Hawai'i Island / J. M. Bayman, J. J. M. Nakamura // Journal of Field Archaeology. — 2001. — Vol. 28 (3/4). — P. 239—252.
26. *Bērziņš V.* Amber working as a specialist occupation at the Sārnate Neolithic site, Latvia / V. Bērziņš // Proceedings of the fourth International Conference on Amber in Archaeology in Talsi. — Riga : Institute of the History of Latvia Publishers, 2003. — P. 34—46.
27. *Bērziņš V.* Sārnate : living by a Coastal Lake during the East Baltic Neolithic / V. Bērziņš // Acta universitatis Ouluensis B Humaniora 86. — Oulu : Oulu University Press, 2008. — 474 p.
28. *Bradley R.* The significance of monuments : on the shaping of human experience in Neolithic and Bronze Age Europe / R. Bradley. — London : Routledge, 1998. — 192 p.
29. *Bradley R.* Interpreting the axe trade : production and exchange in Neolithic Britain / R. Bradley, M. Edmonds. — Cambridge : Cambridge University Press, 1993. — 236 p.

30. *Bronk Ramsey C.* OxCal : computer programm. Version 3.10. The Manual : [computer programm] / C. Bronk Ramsey. — Oxford, 2005. — URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal3/oxcal.htm> (usage date: 23.02.2022).
31. *Cathy L. C.* Craft specialization : issues in defining, documenting, and explaining the organization of production / L. C. Cathy // *Archaeological Method and Theory*. — 1991. — Vol. 3. — P. 1–56.
32. *Cobb C. R.* Archaeological approaches to the political economy of nonstratified societies / C. R. Cobb // *Archaeological Method and Theory*. — 1993. — Vol. 5. — P. 43–100.
33. *Costin C.* Craft specialization : issues in defining. Documenting and explaining the organization of production / C. Costin // *Archaeological Method and Theory*. — 1991. — Vol. 3. — P. 1–56.
34. *Cultivation of Perception and the Emergence of the Neolithic World / V.-P. Herva, K. Nordquist, A. Lahelma, J. Ikäheimo // Norwegian Archaeological Review*. — 2014. — Vol. 47 (2). — P. 141–160.
35. *Edgren T.* Studier över den snörkeramiska kulturens keramik i Finland / T. Edgren // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. — Helsinki : Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1970. — Vol. 72. — 118 p.
36. *Entrenched disbelief : complex hunter-gatherers and the case for inclusive cultural evolutionary thinking / J. E. Arnold, S. Sunell, B. T. Nigra [et al.] // Journal of Archaeological Method and Theory*. — 2016. — Vol. 23. — P. 448–499.
37. *From the raw material to the Neolithic stone axe : production processes and social context / P. Petrequin, A.-M. Petrequin, F. Jeudy [et al.] // Understanding the Neolithic of North-Western Europe / M. R. Edmonds, C. Richards (eds.)*. — Glasgow : Cruithne Press, 1998. — P. 277–311.
38. *Hampton O. W.* Culture of stone : sacred and profane uses of stone among the Dani / O. W. Hampton. — Texas : Texas A & M University Press, 1999. — 360 p.
39. *Hayden B.* Practical and prestige technologies : the evolution of material systems / B. Hayden // *Journal of archaeological method and theory*. — 1998. — Vol. 5 (1). — P. 1–55.
40. *Healy F.* Causewayed enclosures and the Early Neolithic : the chronology and character of monument building and settlement in Kent, Surrey and Sussex in the early to mid-4th millennium cal BC / F. Healy // *South East Research Framework assessment seminar*. — 2008. — URL: <https://www>.

- academia.edu/3372168/Causewayed_enclosures_and_the_Early_Neolithic_the_chronology_and_character_of_monument_building_and_settlement_in_Kent_Surrey_and_Sussex_in_the_early_to_mid_4th_millennium_cal_BC (usage date: 23.02.2022).
41. *Heikkurinen T.* Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat / T. Heikkurinen // Helsingin yliopiston arkeologian laitos. — Helsinki : Helsingin yliopiston monistuspalvelu, 1980. — 101 p.
 42. *Johanson K.* The contribution of stray finds for studying everyday practices : the example of stone axes / K. Johanson // Estonian Journal of Archaeology. — 2006. — Vol. 10. — P. 99—131.
 43. *Johnson J.* Lithic analysis and question of social complexity : the Maya / J. Johnson ; G. H. Odell (ed.) // Stone tools : theoretical insights into human prehistory. — New York : London Plenum Press, 1996. — P. 159—179.
 44. *Juvelius J. W.* Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta / J. W. Juvelius // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. — 1889. — Vol. 10 (1). — P. 1—89.
 45. *Kriiska A.* Foreign materials and artefacts in the 4th and 3rd millennia BCE Estonian comb ware complex / A. Kriiska // When Gods Spoke : researches and reflections on religious phenomena and artefacts. Studia in honorem Tarmo Kulmar / P. Espak, M. Läänemets, V. Sazonov (eds.). — Tartu : Tartu University Press, 2015. — P. 107—124. — (Studia Orientalia Tartuensia, Series Nova ; vol. VI).
 46. Lithic industry in a Maya center : an axe workshop at El Pilar, Belize / J. C. Whitaker, K. A. Kamp, A. Ford [et al.] // Latin American Antiquity. — 2009. — Vol. 20 (1). — P. 134—156.
 47. *Loze I.* Middle Neolithic amber workshops in the Lake Lubāns depression / I. Loze // Amber in archaeology : proceedings of the fourth international conference on amber in archaeology, Talsi, 2001 / C. W. Beck, I. Loze, J. M. Todd (eds.). — Riga : Institute of the History of Latvia Publishers, 2003. — P. 72—89.
 48. *Loze I.* Some aspects of research on Middle Neolithic amber in the Lake Lubāns depression / I. Loze // Baltic Amber : proceedings of the international interdisciplinary conference : Baltic Amber in Natural Sciences, Archaeology and Applied Arts, (13—18 September 2001) / A. Butrimas (ed.). — Vilnius [et al.] : Vilniaus Dailes Akademijos Leidykla, 2001. — Vol. 22. — P. 125—133. — (Acta Academiae Artium Vlnensis).

49. *Loze I. B.* Stone Age Amber in the Eastern Baltic / I. B. Loze // Amber in Archaeology : proceedings of the second international conference on amber in archaeology, (Liblice, 1990) / C. W. Beck, J. Bouzek, D. Dreslerová (eds.). — Praha : Institute of Archaeology, 1993. — P. 129–140.
50. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific : an account of native enterprise and adventure in the archipelagoes of Melanesian New Guinea / B. Malinowski. — London : George Routledge & Sons, LTD ; New-York : E. P. Dutton & Co., 1922. — 527 p.
51. *Mauss M.* The Gift. Forms and functions of exchange in archaic societies / M. Mauss ; transl. by Ian Cunnison. — London : Cohen & West LTD, 1966. — 130 p.
52. *Mökkönen T.* Studies on Stone Age housepits in Fennoscandia (4000–2000 cal BC) : changes in ground plan, site location, and degree of sedentism / T. Mökkönen. — Helsinki : Unigrafia, 2011. — 86 p.
53. *Nicolas C.* Armorican arrowheads biographies : production and function of an Early Bronze Age prestige good from Brittany (France) / C. Nicolas, C. Guéret // Journal of Lithic Studies. — 2014. — Vol. 1 (2). — P. 101–128.
54. *Nordquist K.* The Stone Age of North-Eastern Europe. Bridging the gap between the East and the West / K. Nordquist // Acta Universitatis Ouluensis B Humaniora. — Oulu : University of Oulu, 2018. — Vol. 160. — 320 p.
55. *Núñez M.* Implications of Baltic amber finds in northern Finland 4000–2000 BC / M. Núñez, P. Franzén // Archaeologia Lituana. — Vol. 12. — 2011. — P. 10–24.
56. *Núñez M.* Humanizing of north Ostrobothnian landscape during the 4th and 3rd millennia BC / M. Núñez, J. Okkonen // Journal of Nordic Archaeological Science. — 2005. — Vol. 15. — P. 25–38.
57. *Pelegriñ J.* Prehistoric lithic technology : some aspects of research / J. Pelegriñ // Archaeological review from Cambridge. — 1990. — Vol. 9 (1). — P. 116–125.
58. Project JADE 2 : ‘object-signs’ and social interpretations of Alpine jade axeheads in the European Neolithic : theory and terminology / P. Petrequin, A. Sheridan, E. Gauthier [et al.] // Connecting networks : characterising contact by measuring lithic exchange in the European Neolithic ; Kerig T., Shennan S. (eds.). — Oxford : Archaeopress, 2015. — P. 83–102.
59. Radiocarbon chronology of the Neolithic-Eneolithic period in Karelian Republic (Russia) / A. Tarasov, K. Nordquist, T. Mökkönen, T. Khoroshun. — DOI

- <https://doi.org/10.4312/dp.44.7> // Documenta Praehistorica. — 2017. — Vol. XLIV. — P. 98—121.
60. *Renfrew C.* Alternative models for exchange and spatial distribution / C. Renfrew // Exchange systems in prehistory ; T. K. Earle, J. E. Ericson (eds.). — London : Academic, 1977. — P. 71—90.
 61. *Rimantienė R.* Die Steinzeitfisher an der Ostseeelagune in Litauen / R. Rimantienė // Forshungen in Šventoji und Būtingė. — Vuilnius : Litauisches Nationalmuseum, 2005. — 525 p.
 62. *Roux N.* The psychological analysis of technical activities : a combination to the study of craft specialization / N. Roux // Archaeological review from Cambridge. — 1990. — Vol. 9 (1). — P. 142—153.
 63. *Sassaman K. E.* Complex hunter-gatherers in evolution and history : a North American perspective / K. E. Sassaman // Journal of Archaeological Research. — 2004. — Vol. 12 (3). — P. 227—280.
 64. *Shafer H. J.* Lithic craft specialization and product distribution at the Maya site of Colha, Belize / H. J. Shafer, T. R. Hester // World Archaeology. — 1991. — Vol. 23 (1). — P. 79—97.
 65. *Shortman E. M.* Modeling the roles of craft production in ancient political economies / E. M. Shortman, P. A. Urban // Journal of Archaeological Research. — 2004. — Vol. 12 (2). — P. 185—226.
 66. *Sipilä J.* War as a paradigmatic phenomenon : endemic violence and the Finnish Subneolithic / J. Sipilä, A. Lahelma // War and sacrifice : studies in the archaeology of conflict / T. Pollard, I. Banks (eds.). — Leiden ; Boston : BRILL, 2007. — P. 189—209.
 67. Social complexity in the mid-holocene North-Eastern Bothnian Gulf / A. Costopoulos, S. Vaneekout, J. Okkonen [et al.] // European Journal of Archaeology. — 2012. — Vol. 15 (1). — P. 41—60.
 68. *Spielmann K. A.* Feasting, Craft Specialization, and the Ritual Mode of Production in Small-Scale Societies / K. A. Spielmann // American Anthropologist. New Series. — 2002. — Vol. 104 (1). — P. 195—207.
 69. *Stout D.* Skill and cognition in stone tool production : an ethnographic case study from Irian Jaya / D. Stout // Current Anthropology. — 2002. — Vol. 43 (5). — P. 695—722.

70. *Taffinder J.* The allure of the exotic : the social use of non-local materials during the Stone Age in Sweden : diss. / J. Taffinder ; Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. — Uppsala, 1998. — 182 p.
71. *Tarasov A.* Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia / A. Tarasov. — DOI 10.3176/arch.2015.2 // Estonian Journal of Archaeology. — 2015. — Vol. 19 (2). — P. 83–109.
72. *Tarasov A.* Made for exchange : the Russian Karelian lithic industry and hunter-fisher-gatherer exchange networks in prehistoric north-eastern Europe / A. Tarasov, K. Nordquist. — DOI <https://doi.org/10.15184/aqy.2021.133> // Antiquity. — 2022. — Vol. 96 (385). — P. 34–50.
73. *Tarasov A.* Estimating the scale of stone axe production : a case study from Onega Lake, Russian Karelia / A. Tarasov, S. Stafeev // Journal of Lithic Studies. — 2014. — Vol. 1 (1). — P. 239–261.
74. The role of debitage size in assessing spatial organization of lithic production. The case of Lake Onega (Russia) axe and adze workshops / A. Tarasov, M. Zobkov, S. Stafeev. — DOI <https://doi.org/10.1080/01977261.2020.1738766> // Lithic Technology. — 2020. — Vol. 45 (3). — P. 140–153.
75. *Thomas J.* Understanding the Neolithic : a revised second edition of Rethinking the Neolithic / J. Thomas. — London : Routledge, 1991. — 266 p.
76. *Torrence R.* Production and exchange of stone tools : prehistoric obsidian in the Aegean / R. Torrence. — Cambridge ; London ; New York : Cambridge University Press, 1986. — 256 p.
77. *Turek J.* The Neolithic enclosures in transition. Tradition and change in the cosmology of early farmers in Central Europe / J. Turek // Enclosing the Neolithic. Recent studies in Britain and Europe / A. Gibson (ed.). — Oxford : Archaeopress, 2012. — Vol. 2440. — P. 185–201. — (British Archaeological Reports International Series).
78. *Vaneeckhout S.* House societies among coastal hunter-gatherers : a case study of Stone Age Ostrobothnia, Finland / S. Vaneeckhout // Norwegian Archaeological Review. — 2010. — Vol. 43 (1). — P. 12–25.
79. *Zhulnikov A.* Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions / A. Zhulnikov // Estonian Journal of Archaeology. — 2008. — Vol. 12 (1). — P. 3–15.

80. *Äyräpää A.* Itä-Karjala kivi-kauden asekäytön keskusta. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista / *A. Äyräpää* // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta / the National Board of Antiquities of Finland. — Korrehtuurivedos. — [Finland], 1944. — S. 55–73.

Муравьев Роман Иванович,

*студент кафедры археологии Института истории
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
старший лаборант Отдела антропологии
ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук», Санкт-Петербург*

СЛАНЦЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ МЕТАТЕЛЬНОГО ВООРУЖЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ-МАСТЕРСКОЙ БЕРЁЗОВО 2 НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Введение

Сланец являлся существенной составляющей материальной культуры населения Восточной Фенноскандии в неолите и в эпоху раннего металла, т. к. здесь отсутствуют природные выходы кремневого и иного высокоизотропного сырья. Наконечники метательного вооружения — одна из наиболее информативных категорий для культурно-хронологической атрибуции археологических контекстов [Гурина, 1997, с. 35] и выделения комплексов, особенно в условиях нестратифицированного залегания артефактов. Исследование и систематизация подходов к изучению сланцевого инвентаря приобретает особую актуальность в связи с активизацией исследований межрегиональных контактов населения Восточной Фенноскандии в неолите и энеолите, прослеживаемых в т. ч. по распространению на этих территориях импортов из сланца, янтаря, кремня и керамики.

Целью данной работы является изучение наконечников из материалов раскопок стоянки Берёзово 2 в северной части Карельского перешейка, вблизи северо-западного берега Ладожского озера, и определение их места в культурно-хронологическом контексте археологических памятников Фенноскандии. Коллекция, являющаяся основным источником данного исследования, хранится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее — МАЭ) и включает представительную серию сланцевых наконечников и их заготовок. При ее анализе следует показать специфику типологического ряда наконечников

метательного вооружения, характерных для носителей культуры асбестовой и пористой керамики в рамках исследованного комплекса и, если рассматривать комплекс как опорный, в рамках микрорегиона.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: историографический анализ исследований по каменному веку Карельского перешейка и сланцевым наконечникам стрел Восточной Фенноскандии; выделение из сланцевого орудийного набора целых форм и заготовок наконечников, а также их фрагментов; морфологический анализ, определение метрических характеристик, особенностей использованного сырья, следов обработки; ремонт фрагментированных наконечников; анализ распределения сланцевых наконечников и их фрагментов на памятнике Берёзово 2.

Стоянка Берёзово 2 открыта Прибалтийско-Ладужской археологической экспедицией МАЭ (Кунсткамера) РАН в 2013 г. в ходе разведочных работ по обследованию трассы землеотвода под проектируемую автомагистраль «Сортавала» в Приозерском районе Ленинградской области [Герасимов и др., 2018, с. 11]. Памятник попадал в створ строительства автомагистрали, поэтому в 2018 г. Берёзовской археологической экспедицией Института материальной культуры РАН под руководством Д. В. Герасимова раскопками было изучено 1525 кв. м, нескрытыми остались 225 кв. м на юго-западной периферии стоянки (рис. 1).

Раскопки практически на всей площади позволили проследить внутреннюю структуру стоянки и выявить функциональные зоны. В ходе анализа планиграфии была выявлена зона, которую можно рассматривать как технологическую ввиду концентрации сланцевых артефактов и отходов их производства [Герасимов и др., 2018, с. 19; Муравьев и др., 2020]. На поселении функционировала мастерская по изготовлению небольших изделий [Тарасов, 2001, с. 142] из шиферного сланца, которые могли не только использоваться утилитарно, но и составлять «обменный фонд» населения в контексте престижной экономики. Всего сланец в коллекции из раскопок Берёзово 2 представлен 1157 находками общим весом свыше 4,3 кг, что составляет 4,07 % от общего числа каменных артефактов ввиду подавляющего преобладания продуктов расщепления кварца (91,66 %).

Рис. 1. Расположение памятника Берёзово 2 на карте Карельского перешейка

Морфология

За основу описания сланцевых наконечников принята описательная номенклатура морфологических признаков, согласно схеме Г. И. Медведева [Медведев, 1981] и Н. Н. Гуриной [Гурина, 1978], с некоторыми дополнениями. Условное деление наконечника по вертикали (жало — тело — насад) принято проводить на три равные части. Для каждого наконечника стрелы обязательными являются наличие насада и пера. Здесь под насадом наконечника будет пониматься не нижняя треть, но зона в нижней части артефакта, специально обработанная (уплощенная) для закрепления наконечника в древке, безотносительно к пропорциональному соотношению ее и остальных частей наконечника. Насад на наконечниках выделяется, как правило, обработкой — шлифовкой, в отдельных случаях выделяется черешок. На насаде

выделяется база или основание — нижний его край. В случае со сланцевыми наконечниками точка базы (нижняя срединная точка) не выражена и ее выделение нецелесообразно, но есть точка жала (верхняя точка на верхнем конце наконечника). Перо — верхняя часть наконечника, выступающая из древка при его закреплении — делится на тело и жало (или острие по терминологии Н. Н. Гуриной). Плечико — выступающие по оба края пера наконечника участки, оканчивающиеся шипом. У ромбических в сечении наконечников в центре пера выражены ребра. Что касается формы пера, то под термином «листовидный» традиционно понимается форма пера, имеющая выпуклые края, иволистная форма — та же листовидная, но более узкая и длинная.

Типология

Работа с коллекцией проводилась на основании типологических разработок А. М. Жульникова по материалам Карелии [Жульников, 1999, с. 56—57, рис. 47] и с учетом определения типа Пюхеенсилта по К. Ф. Мейнандеру (по материалам раскопок поселения Мюнямяки Пюхеенсилта в Юго-Западной Финляндии, где известно свыше 100 сланцевых наконечников стрел и сходных по морфологии грузил) и Т. Эдгрёну [Meinander, 1939; Edgren, 1956]. Вычленение в коллекции этих типов наконечников приобретает особую значимость в свете того, что они по материалам Карелии и Финляндии достаточно надежно датированы и привязаны к стадиям развития неолитических и энеолитических археологических культур. А. М. Жульниковым были выделены пять типов сланцевых наконечников с подвариантами с упором на форму их насада и поперечное сечение. На территории Карелии преобладает тип 1 (85 % от числа находок), этот тип морфологически наиболее близок, а вариант 1а идентичен по описанию типу Пюхеенсилта.

Сланцевые наконечники метательного вооружения Берёзово 2

По признаку принадлежности к категории «наконечник метательного вооружения» выделяются 36 наконечников (10 условно целых и 26 фрагментов), а также 15 заготовок и их фрагментов (три условно целых, 12 фрагментов). За условно целые приняты артефакты с мелкими

сколами, не влияющими существенно на дальнейший метрико-морфологический анализ (как правило, скол кончика остря и сколы на наиболее тонком нижнем крае насада). Все эти артефакты несут на себе следы абразивной обработки — шлифовки на каменных абразивах, которые также представлены в коллекции. Следы преимущественно плохой сохранности ввиду эрозии нетвердого шиферного сланца от нахождения в песчаном дренируемом слое поселения. Заготовки на наиболее ранних стадиях (сланцевые плитки-отдельности до абразивной обработки, без выведенных граней) в исследование не были включены ввиду невозможности однозначного определения их как заготовок непосредственно наконечников, а не рыболовного инвентаря и других категорий орудий. На данный момент отобраны только те, чье определение вызывает наименьшие сомнения. Скорее всего, в коллекции артефактов из сланца памятника Берёзово 2 могут находиться еще фрагменты заготовок, которые по причине фрагментированности и незавершенности (бракованности) не вычлняются при визуальном анализе. Наличие заготовок на памятнике подтверждает местный характер производства и дополняет выводы о хронологии, т. к. именно в позднем неолите — энеолите отмечается развитие специализированных мастерских [Карманов и др., 2020].

Все наконечники и заготовки наконечников метательного вооружения из коллекции Берёзово 2 оказались сделаны из сходного материала, а именно из относительно нетвердого шиферного сланца с выраженной слоистостью. Основная сложность в построении технологического ряда применительно к такому сырью, как шиферный сланец, — это отсутствие дебитаж ввиду преобладания абразивных техник. Ударная обработка применялась очень ограниченно, например, при делении крупной плитки на более мелкие вдоль плоскостей слоистости, но не для оббивки. При делении плитки поперек слоистости применялся поперечный односторонний, редко — встречный двусторонний надпил с дальнейшим изломом по его оси.

Наконечники метательного вооружения стоянки Берёзово 2 преимущественно иволистные по форме пера, сильно удлинённых пропорций. Переход от тела наконечника к насаду без выраженных

плечиков, они выражены только в одном случае на самом крупном экземпляре (рис. 2: 1). Насад выделенный, преимущественно сужающийся и уплощенный к основанию. Само основание, как наиболее тонкая и подверженная слому в ходе археологизации часть, сохранилось

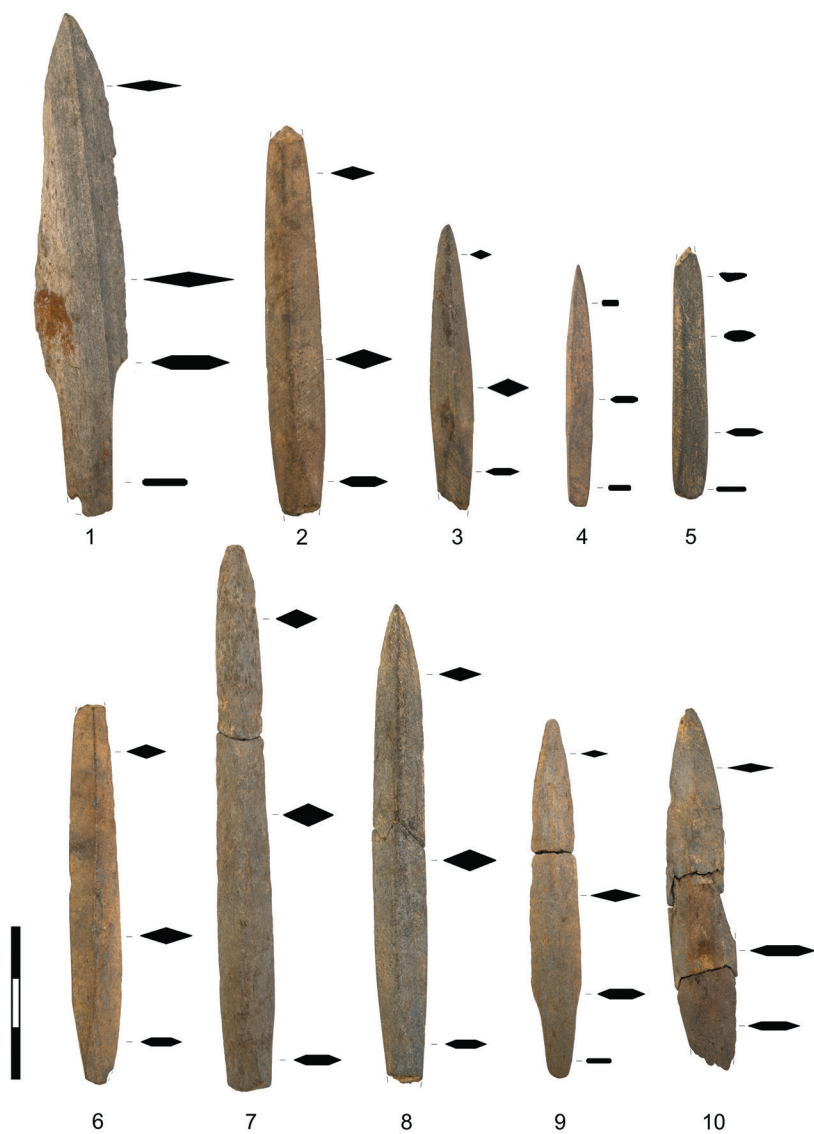

Рис. 2. Сланцевые наконечники поселения-мастерской Берёзово 2

лишь на восьми экземплярах. В шести случаях оно подокруглой формы, в двух — прямой.

Важным признаком также является поперечное сечение наконечника. У 19 из 27 артефактов центральное сечение (посередине пера) ромбическое. Ромбическое сечение, как и линзовидное (два случая), является характерным типобразующим признаком. В одном случае сечение усеченное ромбическое, что могло быть как результатом подшлифовки после выкрошенности от использования, так и изначальным недоведением мастером формы до ромба. Также есть единичные случаи трапециевидного, прямоугольного, треугольного сечения и два случая выведения сечения на сильно уплощенный шестигранник. Еще одной особенностью наконечников с трапециевидным и шестигранным сечением оказалась степень распространения ребра по поверхности: у первого ребро прослежено только с одной стороны предмета, а у второго оно сформировано лишь на жале наконечника, в то время как на теле наконечника ребро сошлифовано.

Основанием для функционального выделения наконечника № 1 (см. рис. 2: 1) как наконечника дротика, а не стрелы являются его большая ширина относительно других артефактов в серии, большой вес, иная морфология и, как следствие, соотношение метрических характеристик. Несмотря на это, данное выделение в определенной мере условно. Анализ соотношения длины и ширины наконечников метательного вооружения Берёзово 2 показывает, что нормальный показатель соотношения для сланцевых наконечников стрел от 6,5 и выше. Для целого наконечника дротика такой показатель составил 5,47. Стрела с наконечником такой формы не причиняет раневое повреждение с широким каналом и массивной кровопотерей, но направлена на глубокое проникновение в мышечные ткани крупной дичи и их «армирование». По мнению С. Пяльси, такая форма «сближает ее по поражающему эффекту с испанским стилетом» [Pälsi, 1915, с. 132]. Кроме того, использование подобных наконечников стрел требует определенного мастерства охотника. Это продиктовано тем, что столь сильно удлиненный наконечник должен войти в цель под углом, приближенным к прямому, чтобы избежать его слома. Также важны правильно подобранный

спайн (способность стрелы изгибаться при нагрузке) и учет дистанции, т. к. на близкой дистанции до 10 м стрела может не успеть стабилизироваться, что также может привести к излому длинного каменного наконечника. Косвенно это может свидетельствовать как об очень высокоспециализированной охоте на крупного зверя, так и об использовании наконечников для настороженных самострелов на звериной тропе. Фрагментацию наконечников в медиальной части пера можно с долей допущения трактовать именно как утилитарный излом, т. е. излом вследствие попадания (рис. 3).

В условиях нестратифицированного залегания артефактов на стоянке Берёзово 2 проследить какие-либо специфические закономерности стратиграфического распределения затруднительно, несмотря на то, что наконечники метательного вооружения распределены по условным горизонтам неравномерно. В ходе формирования песчано-гравийных отложений может происходить проникновение артефактов с древней поверхности обитания вглубь слоя, т. е. артефакты в нижних горизонтах могут быть моложе, чем вмещающие их отложения.

Планиграфически основная часть наконечников стрел, заготовок и их фрагментов тяготеет к технологической зоне мастерской по обработке сланца (рис. 4). Выделяются в плане наконечник № 7 и заготовка № 15, ассоциирующиеся с жилищной западиной. Был проведен ремонт фрагментов для анализа их пространственного распределения. Даже при практически полном исследовании площади памятника не все фрагментированные наконечники стрел удалось апплицировать. Вероятнее всего, это связано как с древними сломанами наконечников в охотничьих угодьях в процессе использования (охоты), так и с вторичным использованием обломанных фрагментов, их переоформлением в контексте мастерской по обработке сланца.

Типологически состав коллекции довольно гомогенен. Несмотря на фрагментированность, 27 наконечников и фрагментов (75 % от общего числа) могут быть отнесены к типу 1, варианту *a* по типологии А. М. Жульникова или типу Пюхеенсилта. Как и в любой коллекции, часть артефактов не соответствует ни одному из описанных типов. Необходимо принять во внимание, что ввиду возможных локальных

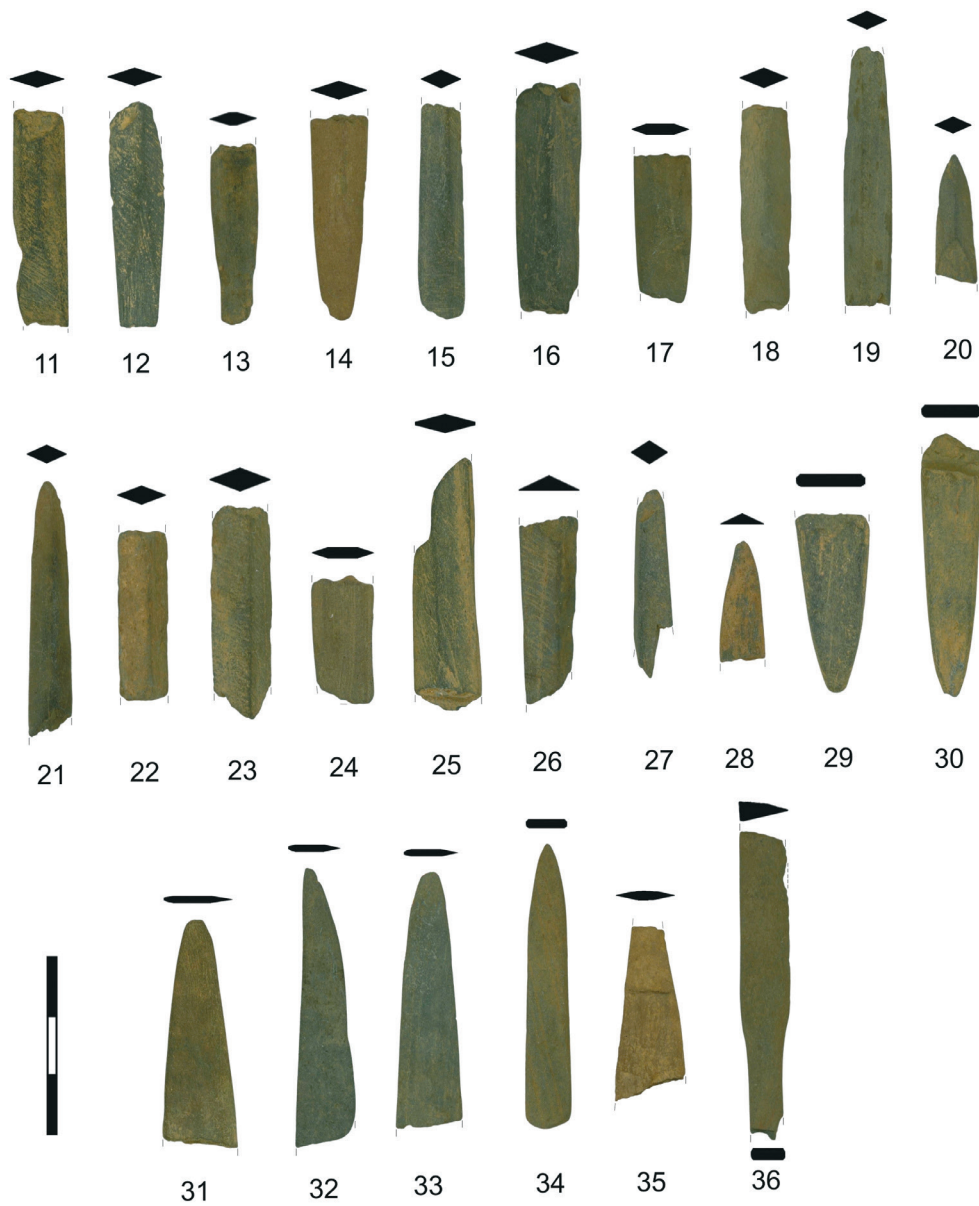

Рис. 3. Фрагменты сланцевых наконечников поселения-мастерской Берёзово 2

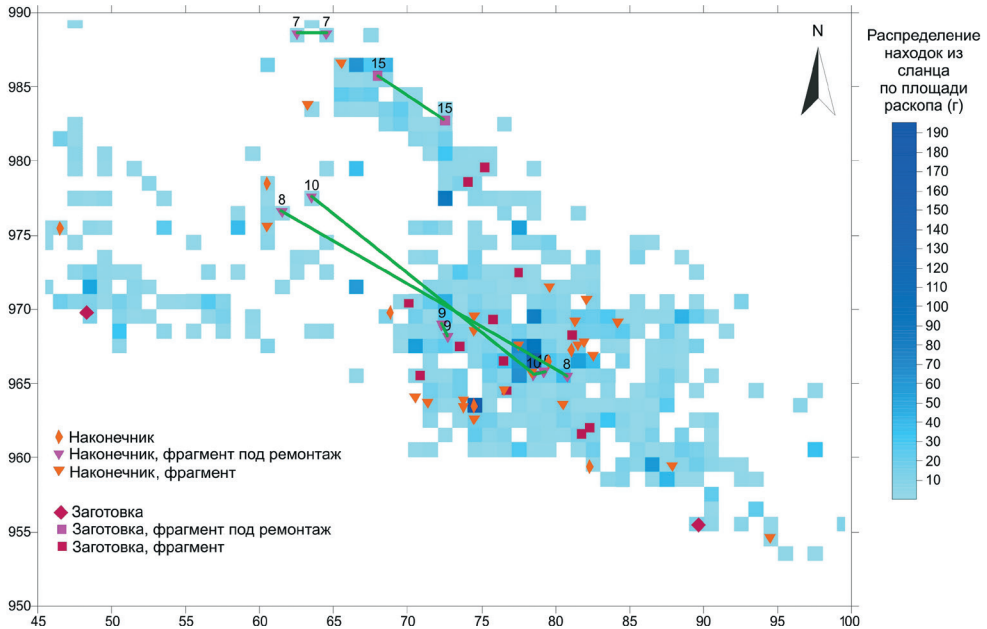

Рис. 4. Планиграфическое распределение находок из сланца и прослеженные связи фрагментированных наконечников

вариантов, особенностей сырья, технологии и различных стадий изготовления, а также разного уровня умений и подготовки мастера каждый наконечник сам по себе уникален. Некоторые фрагменты настолько мелки и морфологически не выражены, что их трудно отнести к каким-либо типам, также встречены атипичные формы. Один из наконечников в точности повторяет силуэт наконечника типа Пюхеенсилта, но у него не выражен насад, а сечение прямоугольное. Возможно, это заготовка на финальной стадии изготовления. Три фрагмента наконечников прямоугольного и линзовидного сечения без выраженного ребра, вероятно, являются остриями наконечников типа 3 по А. М. Жульникову, представленного на территории Карелии лишь одной целой находкой. Еще три атипичных наконечника имеют клиновидное сечение. Самый сохранный из них фрагмент, представляющий собой нижнюю часть тела наконечника, перетекающую в насад, напоминает таковую у кованых железных ножей с толстым обушком.

Контекст и аналогии

Скорее всего, распространение сланцевого охотничьего вооружения явилось своего рода инновацией, а начиная с рубежа III—II тыс. до н. э. могло быть также результатом перемещения на восток и юг групп населения с территории Финляндии, где в это время распространяется культура шнуrowой керамики [Жульников, 1999, с. 57]. Также на это направление указывает богатая индустрия сланцевого охотничьего вооружения, сформировавшаяся в Северной Швеции, Норвегии и Финляндии еще в первой пол. IV тыс. до н. э. Этот факт может служить показателем восприимчивости носителей культуры асбестовой керамики к культурным импульсам извне [Тарасов, 2001, с. 145—146].

Изучение типологически гомогенных комплексов представляет наибольший интерес, т. к. позволяет соотнести каменный инвентарь, обычно смешанный на стоянках многократного заселения, с керамическим комплексом. Так, примечательна находка наконечника стрелы с ромбическим сечением типа 1a в жилище 4 энеолитического поселения Тунгуда III в Юго-Западном Прибеломорье, ассоциированная с керамикой типа Оровнаволоок XVI с примесью асбеста и органики [Жульников, 2005, с. 61, 287, рис. 165: 24].

На Карельском перешейке работу по обобщению и суммированию находок каменных (в т. ч. сланцевых) наконечников стрел и копий первым проделал Ю. Айлио [Ailio, 1909, т. I, с. 42—47]. Особая концентрация находок сланцевых наконечников (30 предметов) отмечена им в муниципалитете Каукола (совр. пос. Севастьяново Ленинградской области), в т. ч. в окрестностях оз. Риукъярви (около 12 км от стоянки Берёзово 2). По мнению Ю. Айлио, это делает Карельский перешеек одним из самых богатых и перспективных районов с точки зрения обнаружения этого типа артефактов. Финский археолог С. Пяльси также в своих исследованиях не мог пройти мимо столь яркой категории вещей. Исследователем выделены два основных типа сланцевых наконечников: с ромбическим и подтреугольным сечением, оба — обычно равномерно узкие, с уплощенным основанием и без плечиков; только несколько наконечников с более широким пером имеют выраженный черешок [Pälsi, 1915]. Также им отмечено, что большой процент фрагментированных

наконечников говорит об их применении для стрельбы и сравнительной непрочности, однако это компенсируется отлаженной технологией их производства.

За последние десятилетия в ходе исследований памятников каменного века — эпохи раннего металла на Карельском перешейке также обнаруживаются сланцевые наконечники метательного вооружения. Часть из них была опубликована авторами раскопок — например, наконечник типа Пюхеенсилта из материалов стоянки Комсомольское 3 (Puhjärvi Kunnianiemi) [Герасимов и др., 2007, с. 87, рис. 6] или длинный узкий наконечник из жилищной западины 2 поселения Большое Заветное 4 (Räisälä Juoksemajärvi Westend) [Halinen et al., 2008]. Наиболее представительную серию находок здесь дали раскопки памятника Охта 1 (около 70 экз.) [Гусенцова, Сорокин, 2011].

Восточнее и южнее территорий Финляндии и Карелии находки сланцевых наконечников единичны, вследствие чего специализированных исследований их не проводилось. Известна находка наконечника на поселении Модлона в Восточном Прионежье [Ошибкина, 1978, с. 119]. Два сланцевых наконечника присутствуют в коллекциях стоянок Южного Приладожья с ранней сетчатой керамикой — Усть-Рыбежна II (отмечу, что на памятнике также присутствует энеолитическая асбестовая керамика и фатьяноидная посуда эпохи бронзы) и Изсады [Гурина, 1961]. Эти находки можно интерпретировать как свидетельство контактов обитателей этих стоянок (в первом случае — переселившегося в Восточное Прионежье волосовского населения, в двух других — местных групп населения) с древним населением Карелии [Косменко, 1992, с. 70]. Также отдельные находки известны на южном берегу Финского залива и в странах Балтии.

Тип Пюхеенсилта часто сближается исследователями с типом Ньельв, выделенным на материалах Норвегии, ввиду сходных до идентичности морфологических признаков [Simonsen, 1961, p. 483], либо тип наконечника указывается как Пюхеенсилта/Ньельв [напр.: Kriiska et al., 1998]. На территории Финляндии тип Пюхеенсилта существует сравнительно недолгое время в первой пол. III тыс. до н. э. (2900—2400 до н. э.) [Salo 1997, p. 8—9]. Впоследствии эти наконечники распространяются как инновация

либо импорты восточнее и южнее, в том числе и через Карельский перешеек, на территории, где сланцевое охотничье вооружение ранее не использовалось. Это позволяет связать контекст мастерской по обработке сланца с обнаруженной на памятнике поздненеолитической/энеолитической асбестовой керамикой, датируемой тем же временным периодом. На поселении Берёзово 2 встречена керамика типа Пёлья, наиболее вероятно составляющая единый комплекс с рассматриваемыми материалами. Этот вывод приобретает особую значимость в связи с тем, что радиоуглеродные даты для данного этапа функционирования поселения отсутствуют. Получение новых радиоуглеродных дат позволит подкрепить эти выводы и скорректировать локальную периодизацию культур для Карельского перешейка.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов» № 19-18-00375.

Библиографический список

1. Герасимов Д. В. Раскопки неолитической стоянки Берёзово 2 в Северо-Западном Приладожье (полевые наблюдения и предварительные интерпретации) / Д. В. Герасимов, Е. С. Ткач, Е. Н. Гончарова // Бюллетень Института истории материальной культуры / Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры. — Санкт-Петербург, 2018. — № 8 : Охранная археология. — С. 9—20.
2. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / Н. Н. Гурина. — Москва ; Ленинград : Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. — 588 с., 5 л. ил., карт. : ил., карт. — (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т археологии ; № 87).
3. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова / Н. Н. Гурина ; Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры. — Санкт-Петербург : Петербург. востоковедение, 1997. — 231, [2] с. : ил. — (Археологические изыскания ; 32).
4. Гурина Н. Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел / Н. Н. Гурина // Орудия каменного века : докл. конф. / АН УССР, Ин-т археологии ; редкол.: Д. Я. Телегин (отв. ред.) [и др.]. — Киев, 1978. — С. 57—70.

5. Гусенцова Т. М. Охта 1 — первый памятник эпох неолита — раннего металла в центральной части Петербурга / Т. М. Гусенцова, П. Е. Сорокин // Российский археологический ежегодник. — Санкт-Петербург, 2011. — № 1. — С. 421—451.
6. Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибалтоморья / А. М. Жульников ; Карел. гос. краевед. музей. — Петрозаводск : Паритет, 2005. — 309 с. : ил., табл. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 100—103.
7. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
8. Карманов В. Н. Специализированные мастерские в энеолите северо-запада России как социально-культурный феномен / В. Н. Карманов, Р. И. Муравьев, Е. С. Ткач // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. / М-во культуры Самар. обл., Самар. обл. истор.-краевед. музей им. П. В. Алабина, Самар. гос. соц.-пед. ун-т ; отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. — Самара, 2020. — Т. I. — С. 147—149.
9. Комплексное изучение памятников каменного века в микрорегионе Отрадное на Карельском перешейке: предварительные итоги и перспективы исследований / Д. В. Герасимов, К. Нордквист, О. Сейтсонен, Д. А. Субетто // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург, 2007. — Вып. 7. — С. 79—103.
10. Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии / М. Г. Косменко ; науч. ред. С. И. Кочкуркина ; РАН, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1992. — 222 с. : ил. — Библиогр.: с. 217—221.
11. Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири / Г. И. Медведев // Описание и анализ археологических источников : сб. науч. тр. / Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова; редкол.: Г. И. Медведев (отв. ред.) [и др.]. — Иркутск, 1981. — С. 16—33.
12. Муравьев Р. И. Мастерская по обработке сланца Берёзово 2 на Карельском перешейке / Р. И. Муравьев, Е. С. Ткач, Д. В. Герасимов // Труды VI (XXII)

- Всероссийского археологического съезда в Самаре : в 3 т. / М-во культуры Самар. обл., Самар. обл. истор.-краевед. музей им. П. В. Алабина, Самар. гос. соц.-пед. ун-т ; отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. — Самара, 2020. — Т. I. — С. 194—196.
13. *Tarasov A. Ю.* Изменчивость каменного инвентаря на территории Карелии в неолите — раннем железном веке : специальность 07.00.06 «Археология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тарасов Алексей Юрьевич ; Ин-т истории материал. культуры РАН. — Петрозаводск, 2004. — 347 с. + Прил.: с. 348—513 : ил.
 14. *Edgren T.* Stenåldersboplatsen Lyytikänharju i Harjavalta socken / T. Edgren // *Finskt Museum*. — Helsinki, 1956. — Vol. 63. — P. 30—43.
 15. *Halinen P.* Excavations at the Juoksemajarvi Westend Stone Age dwelling site in 2002 : Karelian Isthmus. Stone Age Studies in 1998—2003 / P. Halinen, O. Seitsonen, S. Seitsonen, K. Nordqvist ; M. Lavento, K. Nordqvist (eds.) // *Iskos*. — Helsinki : The Finnish Antiquarian Society, 2008. — Vol. 16. — P. 235—265.
 16. *Kriiska A.* Archaeological excavations of the Stone Age settlement site and ruin of the stone cist grave of the Early Metal Age in Kaseküla / A. Kriiska, L. Lõugas, U. Saluäär // *Arheoloogilised välitööd Eestis 1997*. — Tallinn, 1998. — P. 30—43.
 17. *Meinander C. F.* Pyheensilta stenåldersboplats / C. F. Meinander // *Suomen Museo*. — Helsinki, 1939. — Vol. 46. — P. 28—43.
 18. *Pälsi S.* Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa / S. Pälsi // *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. — Helsinki, 1915. — Bd. XXVIII, 1. — P. 7—181.
 19. *Salo U.* Ihmisen jäljet Satakunnan maisemassa : kultuurimaiseman vuosituhanne / U. Salo // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura Toimituksia*. — Helsinki, 1997. — 125 p.
 20. *Simonsen P.* Varanger-funnene II : fund og udgravninger på fjordens sydkyst / P. Simonsen // *Tromsø Museums skrifter*. — Tromsø : Tromsø Museum, 1961. — Vol. VII, h. II. — 525 s.

Мурашкин Антон Игоревич,

*младший научный сотрудник Лаборатории камеральной
и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций
ФГБУН «Институт истории материальной культуры
Российской академии наук», Санкт-Петербург*

ОБРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАЛЛА В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ И ЭПОХУ БРОНЗЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Археологические свидетельства использования металла и металлообработки разделяются на прямые и косвенные. К первым относятся предметы из меди и бронзы, капли металла, шлаки, литейные формы, тигли. В памятниках позднего неолита и эпохи бронзы (эпохи раннего металла) Кольского Севера¹ к настоящему моменту найдено не менее 10 таких артефактов² (рис. 1). Среди них представлены все перечисленные категории, кроме шлаков. Вторая группа свидетельств, которые можно назвать косвенными, более многочисленна. Это серия изделий из кости и рога, на которых в результате трасологического анализа выявлены следы изготовления с помощью металлических инструментов [Мурашкин, Малютина, 2019; Малютина, Мурашкин, 2019].

Многие связанные с металлообработкой предметы найдены в открытых комплексах — культурном слое стоянок, который содержит материалы разных эпох (от неолита до раннего железного века). Определение возраста предметов в таких случаях возможно только по типологическим аналогиям и (в некоторых случаях) результатам планиграфического анализа. Другая часть находок происходит из хорошо датированных закрытых комплексов. Это позволяет определить

¹ Термин «Кольский Север», использованный в статье, распространен в русскоязычной литературе по физической географии и в историко-культурных исследованиях для обозначения территории Мурманской области.

² О некоторых предметах существуют упоминания в литературе или полевых отчетах, но место их хранения неизвестно, изображения отсутствуют [Мурашкин, 2020, с. 57].

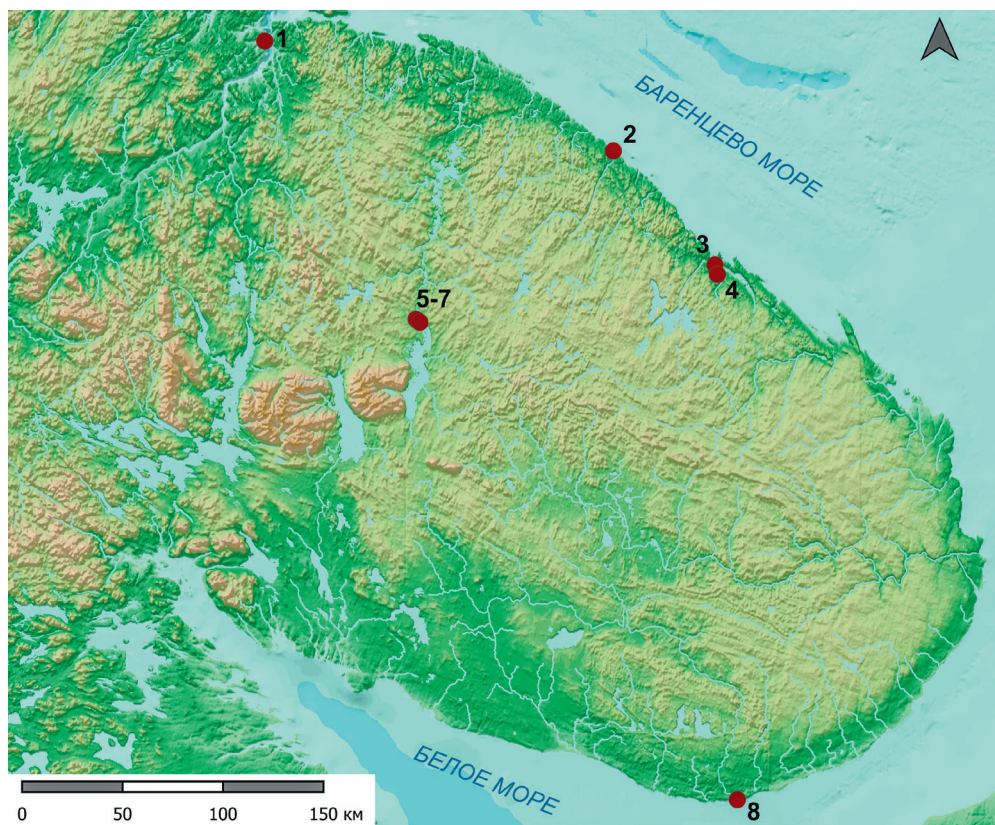

Рис. 1. Находки металлических изделий, литейных форм и тиглей на Кольском Севере (топооснова GEBCO Web Map Service): 1 — Кольский Оленеостровский могильник, 2 — Харловка 1—6, 3 — Маяк 2, 4 — Усть-Дроздовка 3, 5 — Ловозеро I, 6 — Ловозеро III, 7 — Ловозеро V, 8 — Стрельна 1

время появления металла и металлообработки в регионе и наметить направления, по которым происходило их распространение.

Металлические изделия

К настоящему времени в памятниках позднего неолита и эпохи бронзы (эпохи раннего металла) в Мурманской области найдено пять металлических предметов. На развееянном участке поздненеолитического жилища типа гресбакенн на поселении Харловка 1—6 найдена трубочка-пронизка длиной 32 мм и диаметром 5 мм, изготовленная из скрученного в полтора оборота тонкого листа [Kolpakov et al., 2021, с. 35—36;

fig. 9: 10]. Рентгено-флуоресцентный анализ³ показал, что изделие изготовлено из чистой меди с минимальной примесью железа и серебра. Подобный химический состав характерен для артефактов позднего неолита и энеолита Финляндии и Карелии [Ikäheimo, 2014, tau. 2; Чистякова, 1991, табл. 3, 4].

Наиболее близкие хронологически и территориально к пронизке со стоянки Харловка 1—6 предметы найдены на стоянках Лилберье (Lillberget) в Северной Швеции [Halén, 1994, fig. 183, 188], Оулу Хангаскангас Е (Oulu Hangaskangas E) в Финляндии [Ikäheimo, 2019, p. 101] и Оровनावолок I в Карелии [Жульников, 2020, с. 26]. Эти изделия определяются как бусины, скрученные из тонких листов меди. Еще две находки на стоянках Рьяккюля Вихи 1 (Rääkkylä Vihi 1) [Pesonen, 1998, p. 26—27] и Пуумала Хиекканиеми (Puumala Hiekkaniemi) [Ikäheimo, Laakso, 2014, p. 34, kuva 1], иногда упоминаемые в литературе как бусины или их фрагменты (напр., Nordqvist et al., 2012, tabl. 1), скорее всего, являются просто фрагментами согнутого медного/бронзового листа [Ikäheimo pers.com].

В погребениях Фатьяновской культуры (могильники Никульцинский, Воронковский, Тимофеевский, Мытищинский, Волосово-Даниловский, Великосельский, Балановский и Козловский) на Верхней и Средней Волге трубчатые пронизки найдены по отдельности и в составе ожерелий на шее, руках, в районе таза погребенных [Крайнов, 1972, с. 163; рис. 54: 6, 9, 11]. На пронизке со стоянки Харловка 1—6 фиксируются следы сгибания и слом, изделие было длиннее, хотя сложно сказать — насколько. Возможно, это не бусина или короткая трубчатая пронизка, а фрагмент более длинного изделия, напоминающего браслет из погребения 5 Волосово-Даниловского могильника [Крайнов, 1972, с. 164; рис. 54: 12]. В могильниках Гродиско 1 (Grodzisko 1) и Самбожец (Samborzec) энеолитической культуры Злота (Złota) на территории

³ Все анализы рентгеновским флуоресцентным методом предметов из Мурманской области выполнены в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным на μ XRF-спектрометре ArtTAX, Bruker.

Польши известны такие же медные пронизки и браслет [Krzak, 1961, p. 61, рис. 57; 1976, p. 147, fig. 69-g].

При раскопках Кольского Оленеостровского могильника (далее — КОМ) было найдено два бронзовых предмета. Из погребения VIII происходит небольшой нож-кинжал ($66 \times 24 \times 3$ мм) [Колпаков и др., 2019, с. 66; Murashkin et al., 2016, p. 195, fig. 8: 4]. По наличию широкого черенка, отделенного небольшими плечиками от лезвия, данный предмет относится к пластинчатым ножам-кинжалам типа НК-6 по Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых [1989: с. 92—95; рис. 54—56]. Этот разряд ножей широко представлен в сейминско-турбинских древностях и распространен преимущественно в Восточной Европе. находка из КОМ имеет треугольное лезвие, по этому признаку наиболее близкими аналогиями являются ножи-кинжалы из Канинской пещеры, могильников Красный Яр, Никольское, Ростовка, Мурзиха 1 [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 54: 6, 8, 9, 12; рис. 55: 3, 7—9]. Территориально наиболее близкая аналогия — пластинчатый нож из погребения бронзового века Оулу Хангаскангас (Oulu Hangaskangas) (Финляндия) [Ikäheimo, 2019, p. 30—32, kuva 1—2], хотя по наличию мелких зубцов на лезвии он может быть отнесен к разряду НК-18 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101—103; Кузьминых, 2011, с. 35—36]. Изделие из КОМ миниатюрно, но небольшие размеры имеют ножи-кинжалы разряда НК-6 из местонахождения Большая Ельня [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 54: 2], НК-2 из Канинской пещеры, могильников Турбино, Бор-Лёнва и Мурзиха [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 51: 1—5] и нож из погребения Оулу Хангаскангас.

В погребении 15 Кольского Оленеостровского могильника была найдена овальная, слабо изогнутая в профиль бронзовая пластинка ($29,5 \times 16 \times 1$ мм) [Kolpakov et al., 2019, p. 159]. Подобные изделия из Канинской пещеры В. П. Канивец считал режущими орудиями [Канивец, 1964, с. 63, рис. 21: 6—7]. В настоящее время они рассматриваются как ножи-скобели (разряд НК-24) и обнаружены также в могильниках Сейма, Турбино I, Сатыга XVI, Товкуртлор 3 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 105, рис. 61: 1—11; Кузьминых, 2011, с. 35—36, рис. 4.2.1: 4; 4.2.2: 4, 6] и на святилище Шайтанское озеро II [Серииков и др., 2009, с. 70, рис. 6: 46—47, 49—50]. Изделие из КОМ отличается маленькой

толщиной — 1 мм, в то время как ножи-скобели обычно имеют толщину около 2 мм (исключение — нож-скобель из могильника Товкуртлор 3, толщина которого «менее 1,5 мм» [Стефанов, 2006, с. 53]).

Предметы из КОМ выполнены из бронзы с большой примесью олова (кинжал — 10–15 %, пластинка — 14–16 %), другие примеси — мышьяк, свинец, никель. Такой же состав имеет капля металла на тигле из этого могильника [Колпаков и др., 2019, с. 348–349].

В заложенном в жилище 2 на поселении Усть-Дроздовка 3 шурфе найден фрагмент (31,6 × 12 × 2,7 мм) бронзового украшения (?) (рис. 2: 1). По всей видимости, предмет был овальным или округлым, диаметром около 5–5,5 см. Сохранился утолщенный (2,7 мм), с косой гофрировкой край, переходящий в тонкую (0,7–1 мм), выпуклую центральную часть,

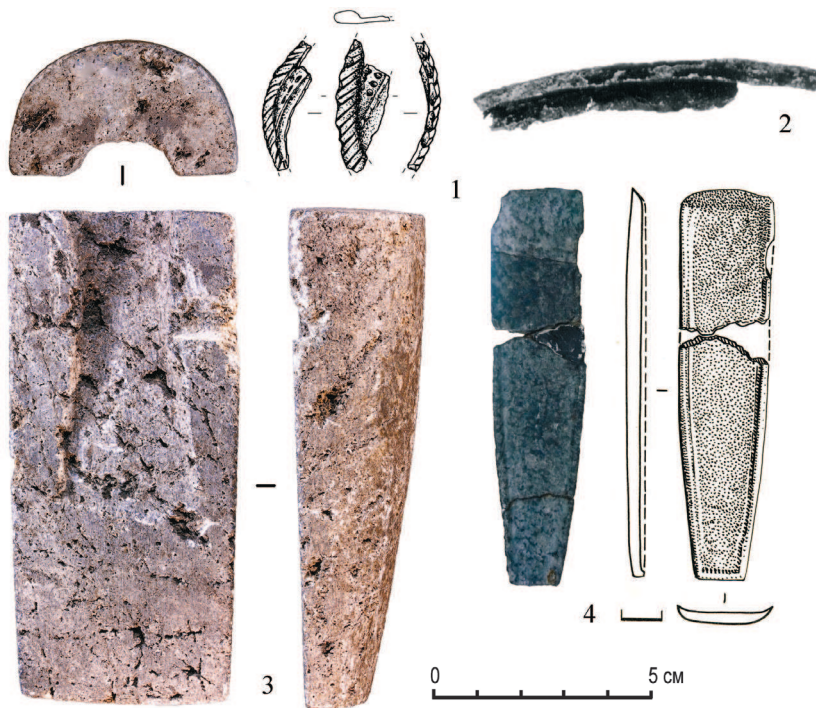

Рис. 2. Металлические изделия и литейные формы из памятников Мурманской области: 1 — фрагмент изделия (бронза), 2 — пластинка (бронза?), 3–4 — литейные формы (мыльный камень); 1 — Усть-Дроздовка 3, 2 — Ловозеро V, 3 — Маяк 2, 4 — Стрельна 1. Фото: 2 — Ю. В. Титов [1972, рис. 160: 6], 3 — А. И. Мурашкин, 4 — Е. М. Колпаков. Рисунки: 1 — А. А. Малютина, 4 — из архива Н. Н. Гуриной

украшенную узкой, слабо выступающей полоской с насечками. В силу небольшого размера фрагмента поиск аналогий данному предмету чрезвычайно затруднен. Предмет с поселения Усть-Дроздовка 3 изготовлен из бронзы с примесью олова (7—9 %) и в незначительных количествах — свинца, мышьяка, железа, золота, никеля.

Небольшая бронзовая пластинка упоминается среди находок на поселении Ловозеро V в 1972 году [Титов, 1972, с. 83, рис. 160: 6]. В тексте отчета подробное описание предмета отсутствует, в статье о памятнике бронзовая пластинка не упоминается [Анпилогов, 1980]. В коллекции, хранящейся в Мурманском областном музее, данный предмет отсутствует [Г. Дзенисов, персон. сообщение]. Размеры и форму изделия можно определить по фотографии (84 × 12,5 мм), по всей видимости, это был тонкий, сложенный или скрученный в трубочку лист (см. рис. 2: 2).

Датировка медной трубочки-пронизки со стоянки Харловка 1—6 определяется на основании радиоуглеродных дат и типологического состава инвентаря в пределах 2600—2300 calBC [Kolpakov et al., 2021, p. 38]. Бронзовые изделия из КОМ происходят из замкнутых комплексов, для которых радиоуглеродные даты отсутствуют; могильник в целом относится к периоду 1500—1100 calBC [Колпаков и др., 2019, с. 351—352]. Определение возраста находок с поселений Усть-Дроздовка 3 и Ловозеро V затруднено; в первом случае отсутствует контекст, во втором в коллекции имеются находки от мезолита до эпохи бронзы.

Литейные формы

Известны две литейные формы из стеатита — для тесла с поселения Маяк 2 [Гурина, 1997, с. 85, рис. 35: 1] и для ножа из сборов на стоянке Стрельна 1 [Никитин, 1975, с. 131, рис. 4: 15]. Литейная форма с поселения Маяк 2, по всей видимости, была предназначена для отливки плоских тесел трапециевидной формы с постепенно расширяющимися к лезвию боковыми гранями (тип 2 по А. Д. Дегтяревой [2010, с. 91, рис. 37]), ее размеры составляют 120 × 56 × 32 мм. Длина матрицы 73 мм, ширина лезвия 33 мм, обуха 23 мм, толщина обуха 8 мм; изделие имело трапециевидное сечение (см. рис. 2: 4). Учитывая его толщину, можно предположить, что второй створкой литейной формы была плоская крышка

без негатива. Такие тесла (иногда используется термин «топор-тесло») были распространены во многих культурах эпохи бронзы от Карпато-Балканского региона до Поволжья, Волго-Камья и Зауралья [Дегтярева, 2010, с. 92—94, рис. 38].

Литейная форма с поселения Стрельна 1 состоит из четырех фрагментов и предназначалась для отливки плоского двухлезвийного бесчерешкового ножа; ее реконструируемая длина не менее 97 мм, наибольшая ширина 23 мм (наименьшая — 12 мм), толщина 6 мм. Размеры матрицы: длина не менее 95 мм, наибольшая ширина — 21 мм (наименьшая — 9 мм), глубина 1,6 мм (см. рис. 2: 3)⁴. Наиболее близкие аналогии происходят из Норвегии — целая литейная форма из мыльного камня длиной 192 мм из клада в Ярфьорде (Jarfjord) и фрагмент из Колвики (Kolvika). Сходные литейные формы для плоских двухлезвийных ножей с коротким и широким черешком найдены также в Ярфьорде и Вектарлии (Vektarlia) [Engedal, 2010, app. II, Pl. 47]. Эти литейные формы норвежские специалисты связывают с сейма-турбинским влиянием [Engedal, 2010, p. 67, 102—103].

Тигли

На территории современной Мурманской области фрагменты керамических тиглей найдены на поселениях Ловозеро I и III [Анпилогов, 1987, с. 143; Анпилогов, 1982, с. 134, рис. 4: 11], а также в Кольском Оленеостровском могильнике [Колпаков и др., 2019, с. 330].

Обломок тигля с поселения Ловозеро I имеет размеры 84 × 80 × 33 мм, по всей видимости, это была чаша овальной формы. Понижение края бортика у одного конца, возможно, указывает на наличие носика-слива (рис. 3: 1). Толщина стенок 12—19 мм, глубина не менее 28 мм. В верхней части тигля фиксируется ошлакованная поверхность. В качестве примеси использован асбест и мелкий песок, на поверхности и в изломе фиксируются многочисленные плоские угловатые поры, по всей

⁴ Измерения выполнены по фотографиям, сделанным в МОКМ, рисунку А. Л. Никитина [1976, рис. 4: 15] и из архива Н. Н. Гуриной. Наблюдается большое расхождение в глубине матрицы (по рисунку А. Л. Никитина она составляет около 3 мм, что вызывает сомнения).

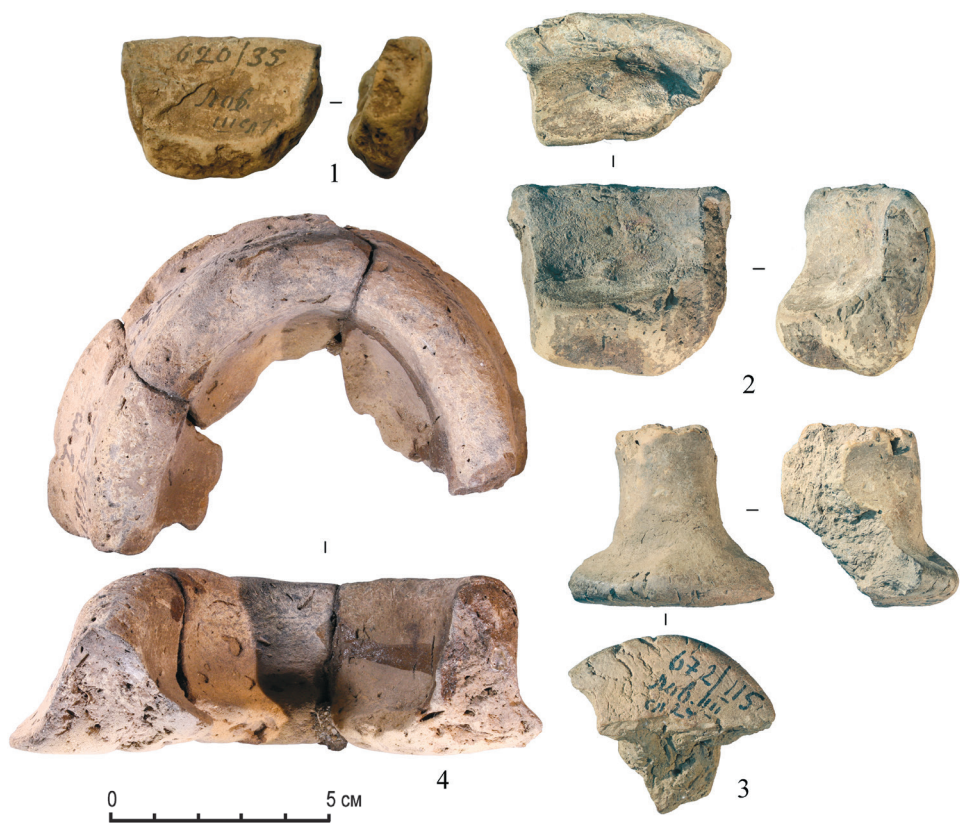

Рис. 3. Тигли из памятников Мурманской области: 1—3 — Ловозеро III, 4 — Ловозеро I. Фото: А. И. Мурашкин

видимости, от выгоревших обломков раковин (?). Характерная особенность этого тигля — расширение стенок в нижней части. Меньшего размера, но сходные по форме тигли были найдены в жилище 5 на поселении Чёлмужская Коса XXI в Карелии [Жульников, 1999, с. 66, рис. 63], в жилище на поселении Юмиж 1 на Северной Двине [Верещагина, 2008, с. 123—128; А. М. Жульников, персон. сообщение], на стоянке Усть-Царева 8 на Средней Сухоне [М. В. Иванищева, персон. сообщение] и на стоянке Абылаах I на Таймыре [Хлобыстин, 1998, с. 89—90, рис. 48: 1—3; 50: 1—3]. находка на Чёлмужской Косе XXI связана с комплексом керамики типа Оровнаволок XVI и может быть датирована 3400—2800 (2600) calBC [Жульников, 1999, с. 76—77; Tarasov et al., 2017, p. 108; Nordqvist, 2018,

р. 56—58]. Тигель из жилища на поселении Юмиж I датируется 3370—2660 calBC⁵ [Верещагина, 2008, с. 128]. Тигли с поселения Абылаах I на основании типологии керамического и каменного инвентаря относятся к бронзовому веку; на этот период указывает и радиоуглеродная дата 1500—1210 calBC [Хлобыстин, 1998, с. 88, 95—96]. Контекст находки с поселения Ловозеро I, скорее, указывает на поздненеолитический возраст тигля.

На поселении Ловозеро III обнаружены три фрагмента тиглей. Первый имел круглую чашу; размер фрагмента 37 × 27 × 10 мм, толщина стенки 10 мм, глубина не менее 19 мм (см. рис. 3: 2). Второй фрагмент с округлой чашей диаметром около 90 мм имеет размер 42 × 37 × 14 мм. Толщина стенки в верхней части 10 мм, к донцу увеличивается до 14 мм, глубина не менее 23 мм (см. рис. 3: 3). Примесь в тесте в обоих фрагментах — мелкий песок; в верхней части внутренней поверхности обоих тиглей зафиксирована ошлакованность. Сходство в характере примеси и форме позволяет предполагать, что это фрагменты одного тигля, хотя найдены они на расстоянии 4—6 м друг от друга. Еще один обломок размером 36 × 39 × 41 мм является нижней частью тигля на ножке. Опора ножки плоская диаметром 50 мм, сечение — овальное, высота фрагмента не менее 30 мм (см. рис. 3: 4). Тигель был сделан из глины с примесью органики и песка. Тигель, найденный в Кольском Оленеостровском могильнике, состоит из нескольких фрагментов, самый крупный имеет размер 70 × 25 × 31 мм. Чаша была округлой диаметром около 85 мм, глубина не менее 17—20 мм; стенки толщиной 9—12 мм. В тесте обильная примесь крупных фрагментов асбестоподобного материала. Этот тигель также имел ножку.

С помощью рентгеновского флуоресцентного анализа ошлакованных поверхностей на тигле с поселения Ловозеро I были выявлены следы меди; на первом фрагменте тигля с поселения Ловозеро III — следы меди и олова, на втором — меди, олова и свинца. Капля оловянной

⁵ Калибровка радиоуглеродных дат из памятников Юмиж I (4220 ± 40 (Ле-2597), 4230 ± 40 (Ле-2599), 4530 ± 40 (Ле-2598)) и Абылаах I (3100 ± 60 BP (Ле-790)) выполнена в программе OxCal v. 4.4.4 BronkRamsey (2021); r: 5; Atmospheric data from Reimeretal. 2020.

бронзы на тигле из КОМ имеет состав, сходный с изделиями из могильника [Колпаков и др., 2019, с. 348; Murashkin et al., 2016, p. 197].

Фрагменты из КОМ происходят из отвалов у раскопа 1947—1948 годов (скорее всего, из одного из разрушенных погребений) и могут быть датированы как могильник в целом — 1500—1100 calBC [Колпаков и др., 2019, с. 348—349]. Определение возраста тиглей с поселения Ловозеро III затруднено, поскольку на памятнике найдены материалы от неолита до раннего железного века.

Все тигли, найденные на Кольском полуострове, сильно фрагментированы, что затрудняет реконструкцию формы целых изделий или вычисление их объема. Однако они сопоставимы по размерам с тиглями из памятников позднего неолита и эпохи бронзы с территории Финляндии, Северной Швеции [Hultén, 1991, p. 24—28; Ikäheimo, 2020], Карелии и Ленинградской области [Гурина, 1961; Косменко, 1982; 1992; Тимофеев, 1993; Жульников, 1999, 2005; Юшкова, 2015; Городилов, Раззак, 2021].

Тигли из памятников Мурманской области содержат очень разнообразную примесь — органику, асбест, раковину, мелкий кварцевый песок и по этому разнообразию сходны с найденными в Финляндии и Северной Швеции, в которых в качестве примеси встречаются кварцевый мелкий сортированный и крупнозернистый песок, гранитная дресва, асбест, тальк, слюда, органика, шерсть (волосы) [Hultén, 1991, p. 24—28; Ikäheimo, 2020, p. 29—37]. Тигли из Карелии и Ленинградской области по составу примесей более гомогенны. В изделиях со стоянок Елменкоски, Усть-Рыбежна 2 (раскопки М. А. Юшковой), Галик 11 присутствует примесь песка и дресвы [Косменко, 1982, с. 106; Юшкова, 2015, с. 304; Городилов, Раззак, 2021, рис. 9: 5—8], Кудома XI — слюды [Косменко, 1992, с. 191]. В тиглях из памятников Тумча, Чуйнаволоок, Усть-Рыбежна 2 (раскопки Н. Н. Гуриной), Изсады, Лахта, Сяберская 3 примесь в керамическом тесте отсутствует [Гурина, 1961, с. 292, 310, 482—483, 498, 506]. При описании тиглей с поселений Старый Завод, Чёлмужская Коса XXI, Кочнаволоок II, Келка III, Бохта II, Тунгуда XII и XXXVIII авторы не упоминали про наличие/отсутствие примеси [Гурина, 1961, с. 292, 310, 326; Косменко, 1992, с. 136, 158; Жульников, 1999, с. 66; Жульников, 2005, с. 58, 69], возможно, она отсутствовала. По наличию примеси органики

и раковин тигли из памятников Кольского полуострова отличаются от экземпляров из Финляндии, Карелии и Ленинградской области.

Финский исследователь Я. Икяхеймо (J. Ikäheimo) обратил внимание на то, что тигли на ножке, подобные обнаруженным в памятниках Мурманской области (КОМ) (а также ножка с поселения Ловозеро III. — А. М.) и Финляндии (Oulu Hangaskangas E, Suomussalmi Kalmosärkkä), не известны на территории Скандинавии; они находят аналогии в Абашевской культуре Волго-Уралья [Ikäheimo, 2020, p. 36]. Самые известные находки подобного рода (иногда используется термин «тигли Баланбашского типа») происходят из Пепкинского кургана, поселений Баланбаш, Тюбяк [Халиков и др., 1966, с. 22, табл. X; Кузьмина, 2011, с. 97—101, рис. 4—10; Обыденнов и др., 2001, с. 129, рис. 10: 5, 13: 6, 16: 1—8], но они найдены и на других памятниках этой культуры [Горбунов, 1992, с. 190—192]. В позднюю пору эпохи бронзы (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.) тигли на ножке распространяются от Нижнего Подонья до таежного Притоболья (рис. 4). В литературе можно найти сведения об их обнаружении в памятниках таких культур, как Кобяковская (Кобяково городище) [Миллер, 1926, с. 134—135, рис. 29], Межовская (Коптяки 2, Малый Липовый 9, Юкаликулево, Бирское, Тюбяк (?)) [Сальников, 1967, с. 65; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 85; рис. 63; Обыденнов, 1998, с. 36, рис. 13: 12; 45: 1—4, 7, 10], Пахомовская (Оськино болото, Ново-Шадрино 7) [Ткачев, Ткачева, 2006, с. 247, рис. 4: 1; Корочкова, 2009, с. 80, рис. 4: 29]. В некоторых случаях определение культурной принадлежности памятников затруднено или вызывает споры — Палкино, Коптяки 9 (Еловое) [Берс, 1954, с. 15, 55, 56], Берёзовское поселение [Сальников, 1951, с. 128], Коптяки 5 [Сальников, 1967, с. 65], Кипель [Сальников, 1951, с. 128, рис. 13: 3]. Наверняка этот список не исчерпывающий. Нужно отметить, что формы этих тиглей разнообразны: у некоторых четко выражены опора (иногда полая), ножка и чаша, у других ножка сливается с чашей и образует массивный поддон с едва заметным перехватом. Возможно, это разнообразие отражает хронологические или локальные отличия.

Между двумя регионами распространения тиглей на ножке — Северной и Восточной Фенноскандией, с одной стороны, и лесостепным и таежным Приуральем и Зауральем — с другой, находится

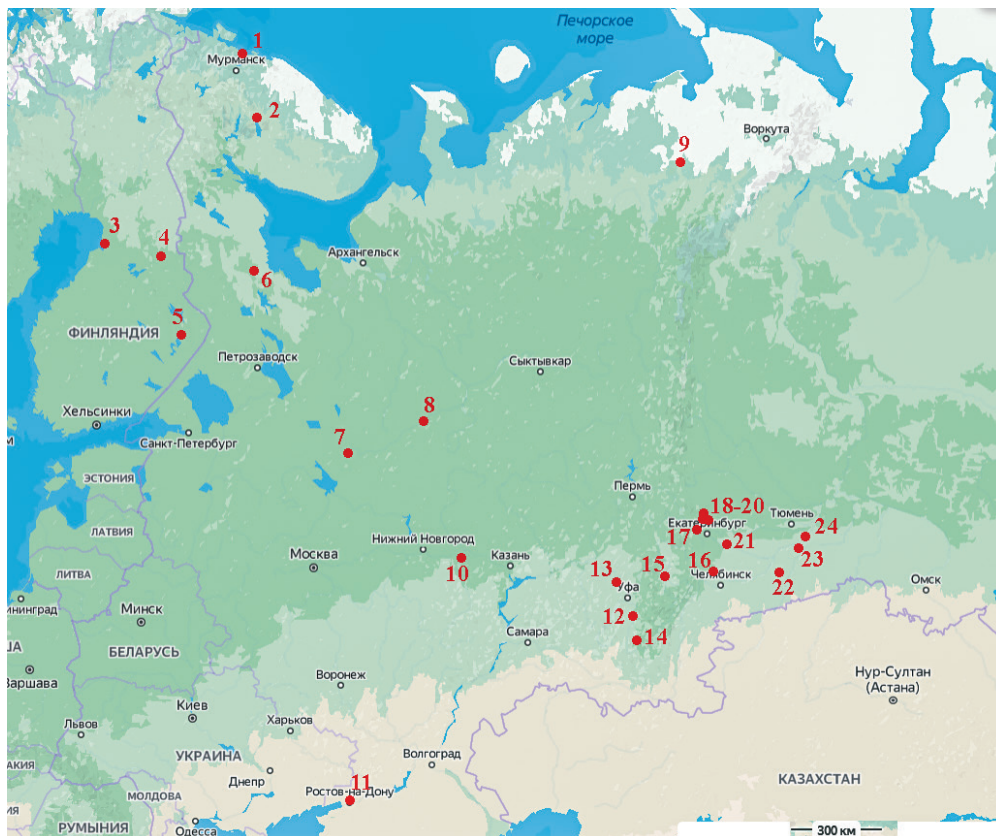

Рис. 4. Распространение тиглей на ножке: 1 — Кольский Оленеостровский могильник, 2 — Ловозеро III, 3 — Oulu Hangaskangas E, 4 — Suomussalmi Kalmosärkkä, 5 — Joensuu Varaslampi, 6 — Тунгуда XXXVIII, 7 — Вёкса 1, 8 — Берёзовая Слободка 2—3, 9 — Войяты 1, 10 — Пепкинский курган, 11 — Кобяково городище, 12 — Баланбаш, 13 — Бирское, 14 — Тюбяк, 15 — Юкаликулево, 16 — Малый Липовый 9, 17 — Палкино, 18—20 — Коптяки 2, 5, 9, 21 — Берёзовское, 22 — Кипель, 23 — Ново-Шадрино 7, 24 — Оськино болото

огромное пространство Русской равнины, где такие находки отсутствуют (см. рис. 4). Независимое одновременное появление идентичных форм металлургической керамики в столь удаленных районах маловероятно⁶. На наш взгляд, объяснение сложившейся ситуации кроется

⁶ Необходимо сказать, что в лесной зоне Русской равнины в раннем железном веке распространены т. н. «рюмковидные» тигли, но вопрос об их связи с тиглями на ножке эпохи бронзы, по всей видимости, в археологической литературе не ставился.

в степени изученности территории лесной зоны и сложности распознавания обломков ножек от тиглей в коллекциях со смешанными материалами неолита, эпохи бронзы и раннего железного века. Встречаются такие их определения, как «глиняное изделие непонятного назначения (возможно, ручка от льячки)» (стоянка Тунгуда XXXVIII в Карелии) [Жульников, 2005, с. 81, рис. 140: 9], «обломок глиняной фигурки рюмкообразной формы» [Анпилогов, 1982, с. 134]. Зачастую эти предметы упоминаются в полевых отчетах, но не попадают в публикации. Показательно, что после двух докладов на конференциях коллеги сообщили о фрагментах, как минимум, восьми тиглей на ножках, найденных на четырех памятниках эпохи бронзы или перехода к раннему железному веку. Так, по сообщению В. Н. Карманова, три обломка происходят из материалов сборов на стоянке Войяты 1 в верховьях р. Колва-вис в Большеземельской тундре [Стоколос, 1988, с. 178—180]. В бассейне р. Верхняя Сухона два обломка обнаружено на поселении Вёкса 1 [Н. Г. Недомолкина, персон. сообщение], один — на стоянке Берёзовая Слободка 2—3 [М. В. Иванищева, персон. сообщение]. Рисунки еще двух обломков со стоянки Йоэнсуу Вараслампи (Joensuu Varaslampi) в Финляндии, исследованной в 1974 году [Suni, 1974], обнаружил А. М. Жульников среди рисунков Г. А. Панкрушева [А. М. Жульников, персон. сообщение].

Наличие медных и бронзовых изделий, литейных форм, тиглей свидетельствует о наличии металлообработки на Кольском Севере в древности. Наиболее ранние артефакты, связанные с металлообработкой (трубочка-пронизка со стоянки Харловка 1—6 и тигель с поселения Ловозеро I), на основании радиоуглеродных дат и аналогий с территории Карелии и Северного Подвинья относятся к III тыс. до н. э. (скорее всего, к его середине). В это же время появляются и первые косвенные свидетельства использования металла — следы обработки металлическим инструментом на фрагменте костяной пластины со стоянки Харловка 1—6 [Kolpakov et al., 2021, p. 36, fig. 8: 12]. Во II тыс. до н. э. свидетельства металлообработки становятся более многочисленными; к этому времени относятся литейные формы с поселений Маяк 2 и Стрельна 1, металлические изделия и тигель из КОМ и, вероятно, тигли с поселения Ловозеро III. Многочисленные костяные и роговые предметы со следами обработки

металлическими инструментами этого периода найдены в КОМ и на поселении Маяк 2 [Мурашкин, Малютина, 2019].

Характерные черты металлообработки на территории Северной Фенноскандии указывают на два очага влияния — Скандинавского и Сейма-турбинского. Влияние первого выражается в высоком содержании олова (до 12—15 %) в бронзовых изделиях из КОМ [Колпаков и др., 2019, с. 349; Murashkin et al., 2016, p. 197—198], а также проникновении изделий североевропейских типов в Северную Фенноскандию, Финляндию [Bakka, 1976, p. 26—29; Engedal, 2010, app. I; Ikäheimo, 2019b], на Северо-Запад России [Юшкова, 2010, с. 272—274]. Сейма-турбинское влияние проявляется в типах бронзовых изделий (в т. ч. литейных формах).

Бросается в глаза разнообразие состава примесей в глиняных тиглях на Севере Швеции, Финляндии и Мурманской области в сравнении с тиглями более южных регионов. Возможно, это отражает неустойчивость технологии производства металлургической керамики. Еще одним свидетельством восточного влияния на традицию металлообработки в Фенноскандии, по всей видимости, является специфический тип тиглей на ножке, распространенный в культурах бронзового века Приуралья и Зауралья. Проблема распространения этого типа в лесной зоне Европы требует отдельного исследования.

Выражаю искреннюю признательность и благодарность коллегам, помогавшим при работе над данным исследованием: С. В. Хаврину за аналитику, Л. Л. Косинской, В. С. Бочкарёву, М. А. Раззак (Юшковой), Н. Г. Недомолкиной, Е. А. Черленку, И. Ж. Тутаевой, А. М. Жульникову, М. В. Иванищевой, В. Н. Карманову, Я. Икяхеймо, К. Нордквисту, П. Песонену за консультации и возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

Исследование выполнено в рамках государственного задания FMZF-2022—0017 «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН».

Библиографический список

Архивные материалы

1. *Титов Ю. В.* Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР. 1972 / Ю. В. Титов // Мурманский областной краеведческий музей. НВ 5433/4 ПИД.
2. *Suni M.* Joensuu, Varaslampi. Pronssikautisen asuinpaikka-alueen kaivaus Kulttuuriympäristöntutkimusraportit / M. Suni ; Museovirasto. — Helsinki, 1974. — 14, [48] s. — URL: https://www.kyppi.fi/palveluikkuna/raportti/read/asp/hae_liite.aspx?id=102307&ttyyppi=pdf&kansio_id=167 (дата обращения: 02.04.2022). — Текст : электронный.

Научная литература

3. *Анпилогов А. В.* Поселение Ловозеро V / А. В. Анпилогов // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории ; ред. Ю. А. Савватеев. — Петрозаводск, 1980. — С. 80—94.
4. *Анпилогов А. В.* Поселение Ловозеро III / А. В. Анпилогов // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии / Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории ; науч. ред. Г. А. Панкрушев. — Петрозаводск, 1982. — С. 119—135.
5. *Анпилогов А. В.* Поселение Ловозеро I / А. В. Анпилогов // Советская археология. — 1987. — № 1. — С. 136—144.
6. *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей / Е. М. Берс. — Свердловск : Свердлов. кн. изд-во, 1954. — 84 с.
7. *Верещагина И. В.* Структура поселений мезолита — раннего металла на Северо-Западе России (бассейн Северной Двины) / И. В. Верещагина // Записки Института истории материальной культуры. — 2008. — № 3. — С. 118—136.
8. *Горбунов В. С.* Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В. С. Горбунов. — Уфа : БГПИ, 1992. — 223 с.
9. *Городилов А. Ю.* Результаты раскопок поселения Галик 11 в 2020 г. / А. Ю. Городилов, М. А. Раззак // Археологические вести. — 2021. — Вып. 31. — С. 163—178.

10. Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / Н. Н. Гурина. — Москва ; Ленинград : Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. — 588 с., 5 л. ил., карт. : ил., карт. — (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т археологии ; № 87).
11. Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова / Н. Н. Гурина ; Рос. акад. наук, Ин-т истории материал. культуры. — Санкт-Петербург : Центр «Петербург. востоковедение», 1997. — 231, [2] с. : ил. — (Археологические изыскания ; 32) (Archaeologica petropolitana).
12. Дегтярева А. Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы / А. Д. Дегтярева. — Новосибирск : Наука, 2010. — 162 с.
13. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.
14. Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья / А. М. Жульников ; Карел. гос. краевед. музей. — Петрозаводск : Паритет, 2005. — 309 с. : ил., табл. — Рез. англ. — Библиогр.: с. 100—103.
15. Жульников А. М. Работы в Республике Карелия, Ленинградской и Мурманской областях / А. М. Жульников // Археологические открытия. 2018 год / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н. В. Лопатин. — Москва, 2020. — С. 25—27.
16. Канивец В. И. Канинская пещера / В. И. Канивец ; Акад. наук СССР, Коми фил. — Москва : Наука, 1964. — 136 с., 1 л. табл. : ил., карт.
17. Кольский Оленеостровский могильник. 1925—2013 / Е. М. Колпаков, А. И. Мурашкин, В. И. Харганович, В. Я. Шумкин ; Ин-т истории материал. культуры РАН [и др.]. — Санкт-Петербург : Древности Севера, 2019. — 479 с. : ил., цв. ил.
18. Корочкова О. Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы / О. Н. Корочкова // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 3 (39). — С. 75—84.
19. Косменко М. Г. Стоянка Елменкоски на оз. Куйто / М. Г. Косменко // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии : сб. ст. / Карел. фил. АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории ; науч. ред. Г. А. Панкрушев. — Петрозаводск, 1982. — С. 94—107.
20. Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии / М. Г. Косменко ; науч. ред. С. И. Кочкуркина ; РАН, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории.

- Петрозаводск : Карел. науч. центр РАН, 1992. — 222 с. : ил. — Библиогр.: с. 217—221.
21. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья : Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. / Д. А. Крайнов. — Москва : Наука, 1972. — 274 с. : ил., карт.
 22. *Кузьмина О. В.* Эрмитажная коллекция Абашевской культуры поселения Баланбаш / О. В. Кузьмина // Археологические памятники Оренбуржья : сб. ст. / М-во образования Рос. Федерации, Оренбург. гос. пед. ун-т ; редкол.: Н. Л. Моргунова (отв. ред.) [и др.]. — Оренбург, 2011. — Вып. 9. — С. 92—117.
 23. *Кузьминых С. В.* Металлические изделия / С. В. Кузьминых // Сатыга XVI : Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Е. М. Беспрозванный [и др.] ; отв. ред. А. Я. Труфанов ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина [и др.]. — Екатеринбург, 2011. — С. 32—37.
 24. *Малютина А. А.* Кольский Оленеостровский могильник: свидетельства использования металла / А. А. Малютина, А. И. Мурашкин // Эволюция неолитических культур Восточной Европы : материалы Междунар. конф., Санкт-Петербург, 15—17 мая 2019 г. / Ин-т истории материал. культуры РАН [и др.] ; отв. ред.: А. А. Выборнов [и др.]. — Санкт-Петербург ; Самара, 2019. — С. 60—62.
 25. *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах / А. А. Миллер // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. — 1926. — Вып. I. — С. 71—142.
 26. *Мурашкин А. И.* Свидетельства металлообработки на Кольском полуострове в Бронзовом веке / А. И. Мурашкин // Беломорье и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней : сб. тез. докл. науч. конф., Соловки, 7—12 сент. 2020 г. / Соловец. гос. истор.-архитектур. и природ. музей-заповедник ; отв. ред.-сост.: А. Я. Мартынов, А. В. Алёшкова. — Архангельск, 2020. — С. 54—58.
 27. *Мурашкин А. И.* Прямые и косвенные свидетельства использования металла в эпоху бронзы на Кольском полуострове / А. И. Мурашкин, А. А. Малютина // V Северный археологический конгресс : тез. докл., 11—14 дек. 2019, Ханты-Мансийск / Правительство Ханты-Мансийс. авт. окр. — Югры, Ин-т

- истории и археологии УРО РАН [и др.] ; отв. ред. Н. М. Чаиркина. — Екатеринбург, 2019. — С. 179—181.
28. *Никитин А. Л.* Памятники позднего неолита на юго-востоке Кольского полуострова / А. Л. Никитин // Памятники древнейшей истории Евразии / АН СССР, Ин-т археологии ; отв. ред. П. М. Кожин [и др.]. — Москва, 1975. — С. 124—132.
29. *Обыденнов М. Ф.* Межовская культура / М. Ф. Обыденнов. — Уфа : Изд-во БЭК, 1998. — 116 с., [41] л. ил.
30. *Обыденнов М. Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (Черкаскул. и межов. культуры) / М. Ф. Обыденнов, А. Ф. Шорин ; Ин-т истории и археологии УрО РАН, Вост. экстер. гуманитар. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. — 195, [1] с. : ил.
31. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале : монография / М. Ф. Обыденнов, В. С. Горбунов, Л. И. Муравкина [и др.] ; М-во образования Рос. Федерации, Башк. гос. пед. ун-т ; науч. ред. В. С. Горбунов. — Уфа : Изд-во Башк. гос. пед. ун-та, 2001. — 159 с. : ил., табл.
32. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья / К. В. Сальников // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья / Акад. наук СССР, Ин-т истории материал. культуры ; отв. ред. А. Я. Брюсов. — Москва, 1951. — Т. 2. — С. 94—151.
33. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала / К. В. Сальников. — Москва : Наука, 1967. — 408 с., 1 л. портр. : ил., карт.
34. *Стефанов В. И.* Могильник Товкуртлор 3: Сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье / В. И. Стефанов // Российская археология. — 2006. — № 1. — С. 44—58.
35. *Стоколос В. С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья / В. С. Стоколос ; АН СССР, Коми науч. центр Урал. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Москва : Наука, 1988. — 254 с. : ил.
36. *Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона / В. И. Тимофеев // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ин-т истории материал. культуры РАН ; под ред. В. М. Массона [и др.]. — Санкт-Петербург, 1993. — С. 8—34.

37. Ткачев А. А. Культурные комплексы поселения Оськино болото (по материалам раскопок 2005 г.) / А. А. Ткачев, Н. А. Ткачева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2006. — № 7. — С. 241—248.
38. Халиков А. Х. Пепкинский курган (Абашевский человек) / А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова // Труды Марийской археологической экспедиции. — Йошкар-Ола, 1966. — Т. 3. — 69 с.
39. Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии / Л. П. Хлобыстин ; под ред. В. В. Питулько, В. Я. Шумкина ; РАН, Ин-т истории матер. культуры. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. — 340 с., [1] л. диагр. : ил., табл.
40. Черных Е. Н. Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен) / Е. Н. Черных, С. В. Кузьминых ; отв. ред. Н. Я. Мерперт ; АН СССР, Ин-т археологии. — Москва : Наука, 1989. — 319, [1] с. : ил.
41. Чистякова (Врублевская) Э. Л. Приложение 2. II. Структура медных находок с энеолитических поселений Карелии / Э. Л. Чистякова (Врублевская) // Пегрема (поселения эпохи энеолита) / А. П. Журавлев ; Карел. науч. центр АН СССР. — Петрозаводск, 1991. — С. 182—200.
42. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала / Ю. Б. Сериков, О. Н. Корочкова, С. В. Кузьминых, В. И. Стефанов // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 2 (38). — С. 67—78.
43. Юшкова М. А. Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье / М. А. Юшкова // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. Г. А. Хлопачев. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 278—318. — (Замятнинский сборник ; вып. 4).
44. Bakka E. Arktisk og nordisk i bronsesalderen i Nord skandinavia / E. Bakka // Miscellanea. — Trondheim : Det Kongelige Norske Videnskabers Selskab, 1976. — No. 25. — 58 p.
45. Early copper use in neolithic Northeastern Europe : an overview / K. Nordqvist, V.-P. Herva, J. Ikäheimo, A. Lahelma // Estonian Journal of Archaeology. — 2012. — No. 16 (1). — P. 3—25.

46. Engedal Ø. The bronze age of Northwestern Scandinavia : dissertation for the degree doctor philosophiae at the University of Bergen / Ø. Engedal. — Bergen, 2010. — 575 p.
47. Halén O. Sedentariness during the stone age of Northern Sweden in the light of the alträsket site, c. 5000 B. C., and the comb ware site Lillberget, c. 3900 B. C. : source critical problems of representativity in archaeology / O. Halén // Acta Archaeologica Lundensia. — Ser. in 4°. — No. 20. — Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1994. — 263 p.
48. Hulthén B. On ceramic ware in Northern Scandinavia during the neolithic, bronze and early iron age / B. Hulthén // Archaeology and Environment. — No. 8. — Umeå : University of Umeå, 1991. — 60 p.
49. Ikäheimo J. From obvious to ambiguous : a comparative case study of crucible fragments from a bronze age site in Northern Finland / J. Ikäheimo // Fennoscandia archaeologica. — 2020. — No. 37. — P. 25–44.
50. Ikäheimo J. Neolithic native copper finds from Finland and North-West Russia : a multi-method approach / J. Ikäheimo // Fennoscandia archaeologica. — 2019. — No. 36. — P. 87–107.
51. Ikäheimo J. Suomen kivikautisten kupari löytöjen metallin alkuperästä / J. Ikäheimo // Muinaistutkija. — 2014. — No. 2. — P. 11–26.
52. Ikäheimo J. Taruja herran tikarista / J. Ikäheimo // Muinaistutkija. — 2019. — No. 4. — P. 30–41.
53. Ikäheimo J. Kuparia Puumalan Hiekkaniemeltä / J. Ikäheimo, V. Laakso // Muinaistutkija. — 2014. — No. 1. — P. 33–38.
54. Kharlovka 1 – 6 on the Kola Peninsula : one of the oldest Gressbakken house sites in Northern Fennoscandia : archaeological symposium materiality and objects : multi-disciplinary approaches to archaeological material and contexts / E. M. Kolpakov, A. I. Murashkin, A. M. Kiseleva, V. Ya. Shumkin, K. Mannermaa // Proceedings of the 15th Finnish-Russian, (Hämeenlinna, 10–11 October 2019) / P. Halinen, J. Taivainen (eds.) // Iskos. — Helsinki : The Finnish Antiquarian Society, 2021. — Vol. 24. — P. 21–42.
55. Kola Oleneostrovskiy grave field : a unique burial site in the European Arctic : new sites, new methods / A. I. Murashkin, E. M. Kolpakov, V. Ya. Shumkin, V. I. Khartanovich, V. G. Moiseyev // Proceedings of the Finnish-Russian archaeological symposium (Helsinki, 19–21 November, 2014) / P. Uino,

- K. Nordqvist (eds.) // *Iskos*. — Helsinki : The Antiquarian Society of Finland, 2016. — Vol. 21. — P. 185—199.
56. Krzak Z. Materiały do znajomości kultury Złockiej / Z. Krzak // Institut historii kultury materialnej polskiej akademii nauk ; Zakład Narodowy imienia ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. — Wrocław, 1961. — 183 p.
57. Krzak Z. The Złota Culture / Z. Krzak // Institut historii kultury materialnej polskiej akademii nauk ; Zakład Narodowy imienia ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. — Wrocław, 1976. — 254 p.
58. Nordqvist K. The Stone Age of north-eastern Europe 5500—1800 cal B. C. : bridging the gap between the East and the West / K. Nordqvist // *Acta Universitatis Ouluensis B Humaniora* ; University of Oulu. — Oulu, 2018. — Vol. 160. — 166 p.
59. Pesonen P. Vihi — Kampakeraaminen asuinpaikka Rääkkylässä / P. Pesonen // *Muinaistutkija*. — 1998. — No. 1. — P. 23—30.
60. Radiocarbon chronology of the neolithic — eneolithic period in Karelian Republic (Russia) / A. Tarasov, K. Nordqvist, T. Mökkönen, T. Khoroshun // *Documenta Praehistorica*. — 2017. — No. 44. — P. 98—121.
61. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0—55 calkBP) / P. Reimer, W. Austin, E. Bard [et al.] // *Radiocarbon*. — 2020. — Vol. 62 (4). — P. 725—757.

Слюсарь Елена Владимировна,
библиотекарь абонементна научной и художественной литературы
отдела обслуживания читателей Научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск

ПРЕСТИЖНАЯ ЭКОНОМИКА В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Термин «престижная экономика» (экономика дарения) используется для обозначения системы обмена в первобытно-престижном обществе¹ (по словам этнолога Ю. И. Семёнова)², когда ценные вещи не продаются, а скорее, предоставляются без определенных договоренностей в качестве подарка (дара). Такие дарения позволяют создать перераспределение товаров и услуг в обществе. В отличие от рыночной, бартерной экономики здесь обмен происходит не на деньги или другие товары, а путем личного определения ценности полученного дара.

Если семья или отдельный человек в первобытно-престижном обществе получали избыточный продукт (вещь, товар), то возникала необходимость в его дальнейшем распределении, а также производстве. Данный товар обычно поступал только в распоряжение — не в собственность и принадлежал общине. Так появилось понятие «распорядительная и потребительная доля». Распорядительная доля была разной, а потребительная — ограниченной по потребности. Это приводило к тому, что накопить избыточный товар не представлялось возможным. Его необходимо было распределять внутри общины и за ее пределами, таким образом формировался особый церемониальный дарообмен — специфическая форма дарения, позволяющая трансформировать избыточный продукт в престиж. Ю. И. Семёнов

¹ Семёнов Ю. И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие. М., 1999. 192 с.

² Семёнов Юрий Иванович (1929) — советский и российский историк и философ, специалист по философии истории, этнологии, теории познания, истории первобытного и раннеклассового общества; кандидат философских наук, доктор исторических наук.

так определял разницу между распорядительной и потребительной долями: «Человек делился продуктом с другими членами коллектива, те, в свою очередь, также делились с ним созданным продуктом... Если распорядительная доля была больше потребительной, то это различие обеспечивало человеку уважение и престиж»³.

По мере развития общества весь продукт, созданный отдельным членом общества, оставался не только в распоряжении, но и переходил в его собственность. Так возникали особые формы распределения продукта внутри общины. Однако, несмотря на то, что человек получал продукт в свою собственность, в первобытном обществе было невозможно накапливать излишки, поскольку община требовала распределения продукта, и отказ расценивался как преступление. Таким образом, возникла циркуляция избыточного продукта внутри общины и за ее пределами. Первым особое внимание явлению дарения в древнем и традиционном обществе уделил Марсель Мосс, выдающийся представитель Французской социологической школы, работы которого получили широкое научное признание и вошли в классический фонд этнологии и антропологии.

По теме данного обзора существуют различные авторитетные научные работы, и в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета есть многие из них:

1. Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии / М. Мосс ; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; пер. с фр., послесл., коммент. А. Б. Гофмана ; отв. ред. И. С. Кон ; редкол.: В. А. Тишков [и др.]. — Москва : Восточная литература, 1996. — 360 с. — (Этнографическая библиотека). — ISBN 5-02-017386-X.

Данная книга содержит избранные труды знаменитого социолога и этнографа Марселя Мосса, которые имеют важное значение для развития социологии, социальной антропологии и этнологии. Настоящее издание снабжено развернутыми комментариями и статьей советского и российского социолога, переводчика А. Б. Гофмана, дополняющими

³ Цит. по: Семёнов Ю. И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие. М., 1999. С. 47.

тексты автора и способствующими более основательному знакомству с его работами.

Книга предназначена преподавателям, студентам, специалистам в области общественных и гуманитарных наук, а также всем, кто интересуется вопросами человеческой жизни, общества и культуры в целом.

2. *Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ : (в свете данных археологии) / В. М. Массон. — Ленинград : Наука, 1976. — 192 с. : ил.*

Книга представляет собой систематизированный обзор методов разработки реконструкции древних социальных и хозяйственных систем, известных лишь по данным археологии. В ней рассматриваются проблемы предмета археологической науки, вопросы применения системного подхода к материалам археологии, дается обзор хозяйственных систем древности: добыча и производство продуктов питания, домашние промыслы и ремесло. Также предложен общий очерк истории обмена и торговли, эволюции древних поселений и погребальных обрядов в связи с вопросами общественного развития. Данное издание содержит множество схем и карт. В заключении дается опыт построения периодизации истории первобытного общества.

Данная книга предназначена историкам, археологам, этнографам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

3. *Салинз М. Экономика каменного века / М. Салинз ; пер. с англ.: О. Ю. Артемовой, Ю. А. Огородновой, Л. М. Огороднова ; науч. ред. и примеч. О. Ю. Артемовой ; предисл. А. В. Коротаева. — Москва : О. Г. И., 2000. — 294 с. — ISBN 5-900241-27-0.*

Монография американского социального антрополога Маршалла Салинза посвящена проблемам своеобразия экономики первобытного общества. Автор впервые выделил и подробно рассмотрел феномен недопроизводства в первобытном обществе, а также обстоятельно исследовал функциональную роль отношений родства и специфику дарообменных отношений. Книга содержит вступительную статью А. В. Коротаева, российского ученого, политолога, основоположника клиодинамики, а также несколько приложений, затрагивающих вопросы реципрокности (дарообмена) и родства в первобытном обществе.

Книга предназначена историкам, археологам, этнографам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

4. Жульников А. М. Энеолит Карелии : (памятники с пористой и асбестовой керамикой) / А. М. Жульников ; Рос. акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; отв. ред. С. В. Ошибкина. — Петрозаводск, 1999. — 98, [125] с. : ил., табл.

Монография представляет собой обобщающее исследование слабо изученного периода истории Карелии — эпохи энеолита. Данная работа основана на материалах поселений и местонахождений с пористой и асбестовой керамикой на территории Карелии. Автор проводит анализ хозяйства, социальных отношений, традиций древнего населения края в разных областях культуры, а также обосновывает выделение карельского очага металлообработки в энеолитическую эпоху. Исследование показывает культурно-исторические процессы, которые происходили в северо-западных районах России в III—II тыс. до н. э.

Книга снабжена многочисленным иллюстративным материалом и таблицами и предназначена историкам, археологам, этнографам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

5. Каменный век : от Атлантики до Пацифики / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; отв. ред.: Г. А. Хлопачев, С. А. Васильев. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН : ИИМК РАН, 2014. — 429, [3] с. : ил., табл. — (Замятнинский сборник ; вып. 3). — ISBN 978-5-88431-251-7.

Замятнинский сборник включает материалы ведущих специалистов по каменному веку из России, Украины и Эстонии, содержащие новые данные по ранним памятникам Молдавии, Крыма, Русской равнины, Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также статьи, раскрывающие современное состояние вопросов выделения культур в палеолите и мезолите, обзоры последних данных по расселению древнего человека на северо-востоке Европейской части России и на Урале, сводки верхнепалеолитических погребений Западной Европы.

Данный сборник также содержит статью А. М. Жульникова, доцента Петрозаводского государственного университета, кандидата

исторических наук, посвященную вопросу сходства кремневой скульптуры и наскальных изображений Северной и Восточной Европы.

Сборник снабжен большим количеством иллюстративного материала, таблицами и схемами и предназначен специалистам: археологам, антропологам, геологам, палеогеографам, палеонтологам.

6. Жульников А. М. О некоторых особенностях погребального инвентаря древнего населения Северной Европы в III тысячелетии до н. э. / А. М. Жульников // Русская культура нового столетия : проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков ; сост. С. А. Тихомиров. — Вологда, 2007. — С. 97—101.

Статья посвящена особенностям погребального инвентаря древнего населения Северной Европы в III тыс. до н. э. и размещена в разделе «Археологические изыскания». В статье автор акцентирует внимание читателя на наличии в ряде энеолитических погребений Севера Европы удлинённых кремневых наконечников, которые изготавливались древними людьми для престижного обмена и использовались в погребальных ритуалах.

Сборник содержит разделы, включающие статьи с исследованиями в области археологии, языкознания, лингвистики, литературоведения, памятников письменности северорусской традиции. Отдельные публикации касаются тем в некоторых отраслях гуманитарного знания.

Данное издание предназначено широкому кругу читателей.

7. Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины / И. А. Лозе ; АН Латв. ССР, Ин-т истории. — Рига : Зинатне, 1979. — 204 с. : ил.

В данной монографии освещаются периоды позднего неолита и ранней бронзы на территории Латвии на основе данных, полученных в ходе археологических раскопок, которые проводились под руководством И. А. Лозе на Лубанской равнине в юго-восточной части Латвии. Вместе с культурой шнуровой керамики и ладьевидных топоров на этой равнине представлена и другая, самобытная культура пористой керамики, которая входит в ареал распространения пористой керамики лесной полосы Восточной Европы. На памятниках этих культур на территории Лубанской равнины обнаружены многочисленные янтарные украшения, орудия из кости и камня, лепная керамика. Хозяйство

Рис. 1. Книги, представленные в обзоре

древних обитателей Лубанской равнины было в рассматриваемый период присваивающим, но уже с чертами производящего хозяйства. Именно с этой культурой связаны массы европеоидного населения, представлявшего собой протобалтов, появившиеся в период позднего неолита в Восточной Прибалтике. В книге уделяется внимание также вопросам этнического характера, связанным с изучением древнейшей истории балтов и прибалтийских финнов.

Настоящее издание содержит множество иллюстраций и таблиц. Предназначено историкам, археологам, этнографам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

8. *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья / С. В. Ошибкина ; отв. ред. В. И. Мошинская. — Москва : Наука, 1978. — 231 с.

Монография представляет собой исследование неолитических памятников в Восточном Прионежье, в том числе каргопольской культуры и памятников типа Модлона. В издании рассматриваются вопросы происхождения каргопольской культуры, территория ее распространения,

быт и хозяйство древнего населения, приводится обзор локальных групп стоянок, а также могильников с янтарными украшениями. Для решения основных проблем используются данные естественных наук. Это помогает определить хронологию и периодизацию памятников эпохи неолита в данном регионе.

Монография содержит иллюстративный материал и таблицы. Предназначена историкам, археологам, этнографам, преподавателям и студентам высших учебных заведений.

9. *Савватеев Ю. А.* Залавруга : археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2: Стоянки / Ю. А. Савватеев ; отв. ред. А. М. Линеvский. — Ленинград : Наука, 1977. — 326 с.

Данное издание является второй частью книги «Залавруга» (часть 1, 1970 г.) и содержит материалы раскопок множества стоянок, расположенных в низовье реки Выг, рядом с петроглифами.

Книга раскрывает историю юго-западного Прибеломорья эпох неолита, энеолита, бронзы, раннего железа, Средневековья, также освещает вопросы хозяйственной, духовной, социальной жизни древнего населения Карелии, расширяет источниковедческую базу изучения петроглифов. В монографии публикуются материалы погребения на стоянке Залавруга II, где были обнаружены многочисленные янтарные украшения с территории Прибалтики и удлинённые кремневые наконечники стрел с берегов Северной Двины (Архангельская обл.).

Издание содержит богатый иллюстративный материал. Предназначено археологам, этнографам, историкам, краеведам.

10. *Журавлев А. П.* Пегрема : (поселения эпохи энеолита) / А. П. Журавлев ; Карел. науч. центр АН СССР, Ин-т яз., лит. и истории ; Карел. фил. центра науч.-техн. деятельности, исслед. и социал. инициатив СССР ; науч. ред. М. Г. Косменко. — Петрозаводск, 1991. — 205 с. — ISBN 5-201-07800-1.

Монография представляет собой обобщение комплексного изучения энеолита Пегремы (д. Пегрема в Уницкой Губе Онежского озера), результатом которого стал обширный материал по малоизученному периоду древней истории Карелии. Энеолитические памятники Пегремы были открыты и исследованы А. П. Журавлевым в 1966—1990 гг.

В данном издании опубликованы важные данные о жилых и хозяйственных комплексах, мастерских, кладках, уникальных находках (в том числе древнейшая в Европе мастерская по обработке самородной меди), изображение «мирового древа» на стенках керамического сосуда. В книге автором обосновано предположение о катастрофическом Пегремском землетрясении 2200 года до н. э.

Книга содержит многочисленные иллюстрации, фотографии и схемы. Предназначена археологам, этнографам, историкам, краеведам.

11. Жульников А. М. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков / А. М. Жульников, А. Ю. Тарасов // Российская археология. — 2021. — № 4. — С. 21–34.

Статья представляет результаты исследования хронологии энеолитической асбестовой керамики геометрического стиля (тип Войнаволоков) и выявления факторов, которые привели к началу массового использования асбеста в обмене и керамическом производстве в Северо-Восточной Европе. По мнению авторов статьи, основным компонентом в формировании традиций типа Войнаволоков является ромбо-ямочная керамика Обонежья. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют предположить, что началом возникновения асбестовой керамики геометрического стиля стало сложение новой социальной общности в Обонежье, которая состояла из производственных коллективов, взаимодействующих в производстве изделий, используемых в престижном обмене.

Статья содержит иллюстрации, таблицы и схемы.

12. Тарасов А. Ю. Сырьевая база энеолитической индустрии рубящих орудий региона Онежского озера : (опыт геохимических исследований) / А. Ю. Тарасов, М. А. Гоголев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. — 2017. — № 3 (164). — С. 51–59.

В статье представлены итоги первого опыта геохимического исследования каменного сырья (слабо метаморфизованного вулканического туфа), которое использовалось для изготовления рубящих орудий русско-карельского типа в эпоху энеолита на западном побережье Онежского озера. Такие орудия активно использовались для обмена

в указанный исторический период, также для обмена между удаленными коллективами. Проведенные петрографические анализы подтверждают, что материал для производства рубящих орудий происходит с западного побережья Онежского озера.

Исследование, положенное в основу статьи, показало единство сырьевой базы всех изученных мастерских, а также связь сырьевой базы с проявлениями туфов в скальном массиве к северу от р. Шуя на западном побережье Онежского озера.

Данная статья содержит схемы и таблицы.

13. *Массон В. М.* Развитие обмена и торговли в древних обществах / В. М. Массон // Краткие сообщения Института археологии. — Москва, 1973. — № 138. — С. 3—11.

В статье автор приводит исследования развития обмена и торговли в древних обществах доземледельческой эпохи. Подробно рассматриваются обменные связи, обряды, связанные с дарообменом. Описывается возникновение первобытных денег и производство вещей, которые использовались в качестве них. Также автор проводит анализ перерастания процесса обмена товаром в торговлю во время появления металлургии, зарождения денежного обращения в жизни первобытного общества.

14. *Кабо В. Р.* Обмен и его социальная роль в первобытном обществе / В. Р. Кабо // Краткие тезисы докладов симпозиума ЛОИА АН СССР «Обмен и торговля в древних обществах». — Ленинград, 1972. — С. 3—4.

В статье советского и австралийского этнографа-австраловеда В. Р. Кабо приведены основные тезисы обмена и торговли в первобытных и древних обществах, рассматриваются предпосылки и развитие обменного процесса как определенного типа социальных отношений между народами.

15. *Гурина Н. Н.* К вопросу об обмене в неолитическую эпоху / Н. Н. Гурина // Краткие сообщения Института археологии. — Москва, 1973. — № 138. — С. 12—23.

В статье известным советским археологом рассматриваются причины возникновения обмена в первобытном обществе в эпоху неолита на Севере Европы, проводится анализ развития процесса обмена орудиями из кремня, сланца.

Статья снабжена иллюстрациями и картами с местами нахождения различных материалов, повлиявших на процесс обмена.

В период дарообмена нельзя было долго хранить дары — они должны были передаваться и быть в постоянном «движении». На элементах престижной экономики основывалась власть лидеров общин в земледельческих обществах. А отголоски традиций престижной экономики существуют и сегодня, например, обмен подарками между лидерами государств в современном обществе.

В заключение настоящего обзора хочется отметить, что 16 ноября 2021 года в главном корпусе Петрозаводского государственного университета состоялось открытие организованной Институтом истории, политических и социальных наук, Гуманитарным инновационным парком и Научной библиотекой Петрозаводского государственного университета выставки «Престижная экономика первобытных людей», посвященной феномену образования престижной экономики и церемониального (престижного) обмена у охотников и рыболовов Северной Европы (IV—III тыс. до н. э.).

На выставке впервые экспонировались уникальные находки, обнаруженные на территории Карелии археологической экспедицией Петрозаводского государственного университета под руководством доцента, кандидата исторических наук, археолога, специалиста по каменному веку А. М. Жульникова: рубящие орудия из сланца и метатупфа, изделия из меди, куски асбеста, асбестовая керамика, украшения из янтаря, кремневые наконечники стрел и копий, орудия из красного шифера. Важнейшей составляющей экспозиции были материалы погребения «янтарного человека» с многочисленными янтарными украшениями и кремневыми изделиями, найденного в 2021 году археологической экспедицией Петрозаводского государственного университета на западном побережье Онежского озера в районе с. Деревянное.

Как отметил проректор по научно-исследовательской работе Петрозаводского государственного университета, профессор, доктор технических наук Владимир Сергеевич Сюнёв, находки Александра Михайловича Жульникова являются открытиями мирового уровня и имеют международное значение, они «приносят знания в копилку о нашем

общем представлении об истории первобытного человечества, в частности на Севере, а также показывают значимость в исторической науке нашего университета»⁴.

Во время работы выставки «Престижная экономика первобытных людей» в Научной библиотеке Петрозаводского государственного университета можно было ознакомиться со многими представленными в настоящем обзоре книгами и статьями.

⁴ Цит. по: Уникальная выставка открылась в ПетрГУ / Пресс-служба ПетрГУ // Петрозаводский государственный университет : [сайт]. Петрозаводск, 2022. URL: <https://petsu.ru/news/2021/98964/unikalnaya-vystavka> (дата обращения: 26.05.2022). Текст : электронный.

Научное издание

Престижная экономика первобытных людей

Сборник статей

Составители:

Жульников Александр Михайлович

Отливанчик Марина Петровна

Свидерская Екатерина Васильевна

Редактор *О. В. Обарчук*

Художественный редактор *Н. Н. Осипов*

В оформлении обложки использованы рисунки и фотографии
А. М. Жульникова, Н. Н. Осипова, Л. М. Шпаковского

В оформлении сборника использованы рисунки и фотографии
авторов статей, *Н. Б. Васильевой, Н. Н. Осипова, Л. М. Шпаковского*

Подписано в печать 25.08.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. 13,35 усл.-печ. л. Тираж 200 экз. Изд. № 63

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN: 978-5-8021-3990-5

9 785802 139905